

Юрий Яковлев

ВЕРНЫЙ ДРУГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Юрий Яковлев

ВЕРНЫЙ ДРУГ

ПОВЕСТИ

Москва «Детская литература» 1990

Художник Л. ХАЧАТРЯН

Яковлев Ю. Я.
Я47 Верный друг: Повести/Худож. Л. Хачатрян.— М.:
Дет. лит., 1990.— 271 с.: ил.

ISBN 5—08—001505—5

В книгу вошли две повести «Верный друг Санчо» и «Саманта», посвященные интернациональной дружбе. Благородство и бесстрашие, готовность всегда прийти на помощь своим друзьям и самоотверженность — вот что объединяет героев этих произведений.

Я $\frac{4803010201-375}{M101(03)-90}$ 336—90

ББК 84Р7

ISBN 5—08—001505—5

© Состав. Издательство «Детская литература» 1990
© Л. Хачатрян. Иллюстрации, 1990

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Санчо и желтый змей

1

Высоко над землей плыл тяжелый воздушный лайнер прославленной авиационной компании «Пан-Америкэн». В хвостовой части монотонно гремели двигатели. А по белой изнанке плотных облаков легко скользила темно-синяя тень крыла. В голубом воздушном океане, выше лайнера, не было ни облачка — облакам было не под силу подняться на такую высоту. Поэтому весь долгий путь светило ослепительное солнце.

Пассажиры не видели, как зеленый материк сменяло подернутое серой дымкой море, не видели редких островов, четко, как на карте, обведенных линией прибоя, не видели океанских судов, которые с высоты кажутся маленькими утюжками. Они не заметили, как на смену Новому Свету пришел Старый и как знойное лето сменила морозная зима. Все эти перемены происходили за бесконечным облачным щитом, который скрыл от взгляда пассажиров всю планету.

Полет уже подходил к концу, когда в салоне появилась одетая в синюю форму и подтянутая, как военнослужащий, стюардесса.

— Дамы и господа! — обратилась она к пассажирам. — Сейчас наш лайнер пересекает государственную границу Советского Союза.

Смуглолицый мальчик в костюме табачного цвета очнулся от этого сообщения. Он сполз на кончик

кресла и прижался лбом к круглому стеклу иллюминатора. При этом его нос слегка сплюснулся. Живые, поблескивающие глаза что-то искали.

— Где граница?

Вероятно, мальчик рассчитывал увидеть внизу строгую линию, полосатый столб и пограничника с автоматом. Но вместо этого его взгляду открылись те же наскучившие облака, за которыми все кажется нереальным.

— Па, где же граница? — разочарованно спросил он и повернулся к сидящему рядом отцу.

— Там, внизу, — ответил тот и поднес огонь зажигалки к сигаре, скрученной как бы из осенних дубовых листьев.

Отец был смуглолиц и черноглаз, как и сын. Его блестящие волосы слегка вились, а над верхней губой выступали аккуратные, словно приклеенные усики. Нос у отца был несколько велик и надломлен горбинкой, а над бровями на лбу западали три складки.

Мать мальчика была на редкость красивой. Ее большие темные глаза смотрели внимательно и грустно, словно искали сочувствия или сами сочувствовали кому-то.

— Из-за облаков ничего не видно, — сказала она, — океан мы тоже не видели.

— Надо было плыть морем, — отозвался мальчик.

— Наберись терпения, — сказал отец, пуская сизое облачко сигарного дыма. — Тебе еще многое предстоит увидеть.

Мальчик откинулся на высокую спинку кресла и закрыл глаза. Уж лучше ничего не видеть, чем смотреть на эти однообразные облака, которые специально поднялись над землей, чтобы скрыть от глаз самое интересное.

Сделав объявление о перелете через границу, стюардесса покатила по проходу маленькую тележку, уставленную яркими бутылками. При этом мягко, по-домашнему, предлагала пассажирам:

— Джюс, виски... Джин, кока-кола...

— Санчо, хочешь пить? — спросила мама.

— Нет, — ответил мальчик. — Спасибо.

Некоторое время он сидел неподвижно, потом не выдержал, снова открыл глаза и, без всякой надежды увидеть что-нибудь новое, взглянул в иллюминатор. И вдруг, забыв, что вокруг него сидят незнакомые люди, закричал:

— Ма, смотри! Белый песок!

— Это снег, — с улыбкой отозвалась Ма. — Такой снег у нас лежит высоко в горах.

— Вся земля в снегу? — удивился Санчо. — Снег похож на мороженое. Верно?

— Похож.

— Вся земля в мороженом!

— Посыпай сахаром и ешь сколько надо, — пошутил Па.

Все трое засмеялись.

А внизу, под крыльями воздушного лайнера, растлались огромные заснеженные просторы. И для мальчика, родившегося в жаркой, вечнозеленой стране, картина русской зимы была столь непривычной, как для прибывшего с далекой неведомой планеты. Теперь тень воздушного корабля маленьким крестиком двигалась по белым сугробам.

Через некоторое время, вдоволь насмотревшись на снег, Санчо спросил:

— Па, советские ребята играют в «индейцев»?

— Не знаю, — отозвался Па. — Может быть, они играют в «полицейского и вора». Во всем мире дети играют в «полицейского и вора».

— Я буду Фантомасом! — воскликнул Санчо.

— Посмотрим, — сдержанно сказал отец, а через минуту добавил: — Ты, вероятно, будешь играть в Чапаева.

— Кто такой Чапаев? — Санчо с интересом посмотрел на отца.

— Русский герой. Я видел про него фильм.

— И я видела,— вмешалась в разговор Ма.— Там одна сеньора стреляла из пулемета.

— Главное, заводи побольше друзей,— сказал отец.— Друзья — лучшие проводники в чужой стране.

— Па, а в России водятся собаки?

— В России водятся даже тигры,— ответил отец.

— О-о-о! — произнес Санчо и снова прильнул к холодному стеклу иллюминатора.

2

Когда учительница русского языка Мария Павловна пришла на урок, ее поразила странная картина: весь класс жевал. Ребята молча сидели за партами и энергично работали челюстями, словно каждому достался кусок жесткого жилистого мяса и они никак не могли управиться с ним. Некоторое время учительница удивленно наблюдала за дружно жующими ребятами, потом спросила:

— Что это значит?

На последней парте засмеялись. Класс продолжал жевать.

— Почему все жуют? — Учительница начала сердиться.— Разве вы не успели позавтракать на большой перемене?

В рядах жующих произошел раскол. Кое-кто перестал двигать челюстями. Но добрая половина продолжала жевать.

— Немедленно перестаньте жевать!

Первая парта скрипнула, и поднялась полная, щекастая девочка с двумя короткими толстыми косичками:

— У нас в классе иностранец!

Девочка села и вновь принялась жевать.

— Какое это имеет отношение к еде во время урока? — спросила Мария Павловна.

И тогда с четвертой парты поднялся смуглолицый

мальчик. Его черные глаза горели неудержимым интересом. Он, видимо, никак не мог взять в толк, почему сердится учительница, и вдруг решительно подошел к ней и протянул какой-то пакетик в яркой упаковке.

— Пожалуйста, сеньора, угощайтесь. Это... хороший... жвачка. На лимонном экстракте.

— Спасибо,— растерянно сказала Мария Павловна, разглядывая новенького, в котором с первого взгляда можно было признать жителя заморской страны.— Как тебя зовут?

— Санчо. Санчо Родригес. А вас, сеньора?

— Меня зовут Мария Павловна... И я не сеньора, а сеньорита.

— Сеньорита Мария! — повторил Санчо.— Сеньорита Мария, почему вы не разрешаете детям жевать на уроке? Курить у нас тоже не разрешают, но жевать...

— Санчо,— Мария Павловна положила мальчику руку на плечо,— у нас это не принято. У нас вообще не жуют резинку... даже на лимонном экстракте. Садись, Санчо.

Мальчик слегка наклонил голову и отправился на место.

— Сейчас достаньте тетрадки, будет диктант,— сказала учительница.— А ты, Санчо, можешь не писать.

— Спасибо, сеньорита! Вы очень добры... Но я хочу попробовать.

— Попробуй. Я буду диктовать медленно.

— Я наделаю сто ошибок,— шепнул Санчо своей соседке и покраснел, отчего его смуглое лицо стало еще смуглее.— Я занимался русским дома, но... мало хорошо.

— Ты не пиши,— посоветовала соседка.

— Я должен.

В это время «сеньорита Мария» подошла к Санчо и тихо сказала:

Если тебе с непривычки трудно, можешь немного пожевать свою... резинку.

— Вы очень... великодушно! — воскликнул Санчо, вскочил на скамейку и выбросил в форточку все запасы жвачки на лимонном экстракте.

В городе стояла зима. С белыми крышами, с кристалликами инея на проводах, с ледяными узорами на стеклах. Тепло, невидимое во все времена года, зимой всюду оставляло свой след: дыхание прохожих, открывающиеся двери, вынесенные на продажу пирожки — все теплое сопровождали большие или маленькие облачка пара.

Когда Санчо вышел из школы на улицу, у него с непривычки перехватило дыхание и защипало уши. Он приложил руки к ушам, словно вокруг стоял грохот. Но едва согрелись уши, защипало нос. Он уткнулся носом в рукав куртки, и тогда холод проник ему за воротник. Мороз подловил новичка и доставлял ему всевозможные неприятности.

— Что это? — тихо произнес Санчо.

И знакомый голос ответил ему:

— Это мороз!

Санчо обернулся и увидел свою соседку по парте. На ней была меховая шубка и такая же шапочка. Выбившаяся прядка волос касалась бровей, а серо-голубые глаза смотрели на Санчо любопытно и насмешливо. Под этим взглядом мальчик сразу забыл про замерзшие уши.

— Сеньорита... я провожу вас... разрешите ваш кейс, — пробормотал маленький иностранец, но Рита не дала ему договорить:

— Давай свой портфель и грей уши! И не называй меня сеньоритой, а то меня будут дразнить.

— Я буду называть вас, как вы говорите...

— Зови меня Рита и на «ты».

— Рита... ты... — повторил Санчо.

— Я провожу тебя домой, потому что ты новичок.

— Новичок! — повторил Санчо и засмеялся: слово «новичок» показалось ему неожиданно забавным. — Я новичок, но я провожу вас... тебя, потому что я новичок-мужчина.

— Ты мальчишка, — усмехнулась Рита.

И от ее усмешки Санчо стало как-то не по себе.

В это мгновение долговязый парень с розовым от холода носом слепил снежок и запустил им в Риту. Девочка вскрикнула и закрыла лицо руками.

Жаркая сила бросила Санчо вперед. Он очутился перед долговязым, который был на голову выше его. Он бросил на снег портфель и что-то крикнул на своем языке. И еще что-то крикнул и вцепился в обидчика мертвой хваткой. Долговязый попытался высвободиться, но поскользнулся и упал. Два бойца покатались по земле. При этом они еще успевали наносить друг другу удары. А Санчо что-то гортанно кричал своему противнику.

Сбежавшиеся ребята с трудом растащили их.

Невысокий мальчик в очках со сломанной дужкой (потом Санчо узнал, что его зовут Шурик) поднял с земли упавшую шапку и надел ее на Санчо. Кто-то повел долговязого, который упирался, кричал: «Он первый... Я ему!..» — и размахивал своими длинными ручищами.

Санчо остался один со своей соседкой по парте. От удара у него распух нос и по губе текла тонкая струйка крови. Вид его был жалкий. Он чувствовал это, а присутствие девочки усиливало его неловкость. Санчо хотелось убежать, спрятаться. Но он продолжал стоять на месте, не решаясь поднять голову, чтобы не встретиться с Ритиными насмешливыми глазами. Он ждал, что она засмеется — ведь женщины не прощают мужчинам поражения!

Рита не засмеялась и ничего не сказала. Она подняла с земли горсть снега и приложила к его горящему носу. Снег оказался мягким, и от его прикосновения боль сразу утихла.

Санчо удивленно посмотрел на Риту.

— Снег... — сказала она.

— Я думал... камень, — пробормотал мальчик. — Белый камень.

Рита окинула взглядом маленького иностранца.

— Ты читал «Дон Кихота»?

— Мое имя из этой книги, — грустно сказал мальчик. — Правда, Санчо Панса мне не нравится...

— Ты больше похож на Дон Кихота. Сейчас у тебя был бой с ветряными мельницами, — сказала Рита. — Ты принял снежок за камень.

— Ветряные мельницы... — вздохнул Санчо, прикладывая снег к носу. — Нет хлебного дерева — его лист исцеляет раны.

— У нас кровь останавливает лист подорожника. У вас растет подорожник?

— По-до-рож-ни-к?

Они шли по зимнему городу и время от времени переговаривались. Мимо мчались машины. Шли люди. Проплывали витрины магазинов. Снегоуборочная машина неумоимо сгребала снег железными руками.

— Давай-давай! — засмеялась Рита.

— Давай-давай! — повторил Санчо и, забыв про горящий нос, повторил руками движения машины.

— Интересно, за кого принял бы Дон Кихот эту машину, если ветряная мельница показалась ему злым волшебником? — спросила девочка.

Санчо внимательно посмотрел на свою спутницу и ничего не сказал.

Через несколько домов он спросил:

— Какое дело у твоего Па?

Этот вопрос поставил Риту в затруднение.

— Дело?.. У него нет дела... То есть у него работа.

— У моего Па тоже нет своего дела... Он служит в компании.

— В компании капиталистов? — спросила Рита.

— В банановой компании. Ты любишь манго? Сок...

— Очень! — воскликнула девочка.

— Манго тоже продает компания.

Сказав это, Санчо задумался. Потом он повернулся к своей соседке по парте и сказал:

— А мой дедушка был банджистом. Он погиб.

И, заметив, что Рита непонимающе смотрит на него, Санчо прижал к животу портфель и, перебирая воображаемые струны, запел незнакомую песенку, которую пел когда-то его дед:

Шаги перемешаны с пылью,
И солнце пылает, как медь.
У пальмы зеленые крылья,
Но пальма не может взлететь.
Припасть к этой зелени мне бы,
Забиться на десять минут;
Меня по лазурному небу
Зеленые крылья несут.

Эта песня прилетела в мирный город из тревожного военного времени, когда рвались бомбы и горела земля. И хотя Санчо пел ее на родном языке и Рита не поняла ни слова, ей почему-то стало жаль дедушку-музыканта, который не вернулся с войны.

— Почему он погиб, — спросила Рита, — если он играл на банджо?

— Он играл и пел против хунта... Хунта не любил Хуан-Мария... Фашисты стреляли...

Некоторое время ребята шли молча, как бы прислушиваясь к мелодии солдатской песни: «У пальмы зеленые крылья, но пальма не может взлететь...»

Неожиданно перед ними возник старинный дом с тяжелым балконом, который на своих плечах держали два каменных бородача.

— Мой дом, — сказала Рита и, кивнув на булочную, пошутила: — Наше хлебное дерево! Понюхай, как оно пахнет.

Санчо втянул в себя запах теплого хлеба и сказал:

— Вкусно! А наше хлебное дерево пахнет... травой.

— Теперь я провожу тебя домой, а то ты заблудишься.

— Но ты же... сеньорита,— запротестовал Санчо, забыв, что следует сказать «девочка».

— Я твой товарищ! — сказала Рита. — А когда товарищи, неважно — девочка или мальчик.

— Очень важно — сеньорита или сеньор, — не согласился с ней Санчо.

— Дай твой портфель, — скомандовала Рита, — и потри уши, а то они у тебя совсем замерзнут.

Пошел редкий бесшумный снег. И Санчо, который никогда в жизни не видел падающего снега, остановился и стал смотреть.

— Белый, тихий дождь, — сказал он.

Рита протянула руку в варежке и поймала «белую дождинку».

— Смотри! — Она поднесла руку к самым глазам мальчика.

Санчо наклонился и увидел звездочку. Казалось, изумительный мастер тонким резцом вырезал ее из сверкающего камня. Мальчик сощурил глаза — звездочка увеличилась, он увидел тончайшие узоры, которые строго симметрично располагались в лучах снежинки. Санчо оторвал глаза от снежинки и посмотрел на Риту. И ему показалось, что его новая подруга сама создает это удивительное чудо: звезду-снежинку.

— Что это значит, Санчо Родригес?! Ты приезжаешь в чужую страну, идешь в чужой колледж и в первый же день возвращаешься домой... с разбитым носом!

Отец и мать стояли в прихожей и сокрушенно смотрели на Санчо.

— Тебя обидели? — спросила Ма. — Новичков всегда обижают.

— Может быть, ты затеял драку? — строго спросил Па.

— Я вступился за... Риту.

— Тебе не за кого вступаться, ты же не на родине.

— Он бросил в нее белый камень.

Он — в нее? — воскликнула Ма. — Он — в нее, — совсем тихо повторила она. — Он дикий?

— Нет, — ответил Санчо. — Это оказался не камень, а комок снега.

По-русски это называется «снежок», — со знанием дела сказал Па. — В этой стране есть такая игра — «в снежки». Дети лепят из снега комки и кидают друг в друга. Ты не Санчо, ты — Дон Кихот! — воскликнул папа.

Мне это уже говорили, — сказал Санчо.

— Кто тебе это говорил?

— Рита.

Папа и мама переглянулись.

— Идем, мой Дон Кихот, — сказала Ма, — я про мою твои тяжкие раны.

— Вероятно, завтра тебя вызовут к директору колледжа, — вздохнул Па, — а послезавтра пригласят меня...

3

На другой день Санчо торопился в школу. Он надеялся, что, переступив порог, сразу встретит Риту. Но едва сдал на вешалку пальто и очутился в коридоре, путь ему преградил долговязый с розовым носом. Санчо почувствовал, как лицо начинает гореть, а вчерашний снежок снова превращается в белый камень. Санчо захотелось немедленно броситься на долговязого и продолжить прерванный поединок, но он сдержался и, пропуская от волнения слова, сказал:

— Ты должен... Рита... извиниться!

— С какой это радости? — с вызовом сказал долговязый.

— Нет радости! — крикнул Санчо. — Сеньор... сеньориту...

— «Сеньор»! — усмехнулся долговязый и потер ладонью нос.

— Ты... сеньор... плохо... Ты нет сеньор! — Осколки фразы летели прямо в долговязого и выводили его из себя.

— Во! — сказал тот и показал кулак.

— Во! — отозвался Санчо, и его маленький смуглый кулак оказался под самым носом долговязого.

Долговязый оттолкнул Санчо. Санчо вцепился в долговязого. Он сделал это так стремительно, что противник потерял равновесие, не удержался на ногах и растянулся на полу. Теперь мальчики катались не по заснеженному тротуару, а по желтому паркету. Каждый пытался подмять под себя противника и оказаться наверху. Долговязый был сильным и тяжелым. Санчо же ловко ускользал из его ручищ. Неизвестно, чем бы кончился поединок, если бы в самый разгар не появилась Мария Павловна.

— Что это значит?

Ее голос охладил пыл бойцов. Они оглянулись. Мертвая хватка разжалась. Оба торопливо поднялись с пола.

— Извините... сеньорита... — тяжело дыша, пробормотал Санчо, приводя в порядок свой пиджак табачного цвета.

— Что это значит, Абрикосов? — обратилась учительница к долговязому.

— А чего он первый...

— Я — первый, — согласился Санчо. — Он обидел сеньориту... он должен извиняться... — Слово «извиняться» Санчо произнес по складам, с большими усилиями. — Если нет, мы будем снова...

— Вендетта? — спросила «сеньорита Мария».

— Вендетта?! — Санчо удивленно посмотрел на

учительницу. Откуда ей известно это слово, дошедшее из глубины времен.

— У нас нет вендетты, Санчо, — сказала учительница, сочувственно глядя на мальчика. — Придется решить спор более современно.

Санчо опустил голову. В коридоре зазвенел звонок.

...Это неверно, что в каждом часе шестьдесят минут. Бывают часы, в которых сто минут и больше. Такие часы тянутся нескончаемо долго. Санчо ждал, что его, как предсказывал Па, вызовут к директору. Санчо ломал голову — как можно решить спор «более современно», без поединка, который «сеньорита Мария» называла вендеттой? Он чувствовал себя одиноким в снежной стране, где вокруг нет ни единой зеленой травинки, ни одной горсточки теплого песка и только луч солнца, преломляясь в морозном кристаллике, вдруг вспыхнет крохотной зеленой искрой и растворится в сплошной белизне.

В этот день он совершенно неожиданно очутился у Риты дома.

После уроков Рита сказала:

— Я должна тебе что-то показать. Потому что твой дедушка погиб от пули фашиста.

— Что ты... мне... показать?

— Не спрашивай! — сказала Рита.

Всю дорогу он молчал, чтобы не спрашивать. Только когда возникли два каменных бородача, подерживавших балкон, Санчо сказал:

— Я буду подождать?

— Идем! — скомандовала Рита и распахнула дверь.

В углу комнаты стоял настоящий, от пола до потолка, двухлопастный пропеллер самолета. На светлом металле чернели зализы огня, а верхняя лопасть была погнута. Рядом с пропеллером обычные домашние предметы — стол под льняной скатертью, стулья

в чехлах, сервант, в котором от шагов тренькали стаканы,— выглядели необычно. Казалось, они тоже попали в дом из тревожной стихии, где хлещет пламя разрывов и сухо свистят осколки зенитных снарядов.

— Можешь потрогать,— разрешила Рита.

Санчо с опаской протянул руку, словно боялся обжечься. Но пропеллер оказался холодным.

— Что это? — Санчо вопросительно посмотрел на подругу.

— Винт погибшего самолета.

— Летчик погиб?

— Нет... Он остался жив. А самолет разбился.

Санчо тревожно посмотрел на винт.

— Война? — спросил он.

— Нет, испытание... Теперь на боевых машинах винтов нет,— со знанием дела ответила Рита.— Это было давно.

Неподалеку от пропеллера на стене висела фотография, на которой был изображен военный летчик. Летчик был удивительно похож на Риту. Те же внимательные, чуть насмешливые глаза и прядь волос, выбившаяся из-под шлема.

— Это он? — спросил Санчо.

— Он,— сказала девочка.— Это он.

Санчо снова дотронулся до винта самолета, погибшего во время испытаний. Ему показалось, что он чувствует легкую дрожь напряженного металла и холодок воздушных струй, который во время полета срывается с лопастей.

Сбор отряда, которому предстояло заменить старинную вендетту, состоялся на следующий день.

Итак, произошла драка. Но драка, выходящая из ряда обычных мальчишеских столкновений. Советский мальчик разбил нос подданному иностранной державы. Вожатый отряда, десятиклассник Роман, обрисовал положение дел в таких сгущенных крас-

ках, что Алиса, девочка тихая и застенчивая, вдруг побледнела и спросила:

— Что же теперь будет, война?

Вожатый Роман не успел прикинуть в уме, будет из-за разбитого носа война или не будет, как поднялся долговязый Абрикос — главный участник вчерашнего международного конфликта — и сказал:

— Он первый полез драться!

В классе установилась тишина.

— А почему он полез драться? — Вожатый испытующе посмотрел на Абрикосова.

— Потому что Абрикос запустил в Риту снежок,— сказал Шурик, невысокий мальчик в очках со сломанной дужкой.

— Его никто не просил заступаться,— мрачно сказал Абрикос.

— Никто не просил! — крикнули с задней парты.

И тогда поднялась Рита и сказала:

— Я просила!

По классу прокатился шумок удивления.

— Он мне, между прочим, губу разбил,— сказал Абрикос и, повернувшись к классу, ткнул пальцем в губу: мол, смотрите, как я пострадал!

— Зачем ты просила его? — спросил вожатый Риту.— Не надо было иностранца втравлять в наши... внутренние дела.

— Он мой друг! — твердо сказала Рита.— А когда друг, неважно — иностранец он или нет. Его отец продает бананы, а деньги получает компания... капиталистов!

— Долой банановую компанию капиталистов! — крикнул Шурик.

— Банановая компания здесь ни при чем,— растерянно сказал вожатый Роман,— а иностранному другу разбивать нос — это по меньшей мере свинство. Понял?

Вожатый Роман не успел договорить, как дверь в класс распахнулась и на пороге появился Санчо.

— Я... извините... я знаю, что мне... сюда... нет.— Он очень волновался, хотел говорить быстрее, но от волнения говорил еще медленнее.— Я хочу сказать, что я... я не фискал! Мой нос... на месте...

В классе засмеялись.

— Подожди, Санчо, мы все тут решим вместе,— сказал вожатый Роман.— Ты не волнуйся...

— Когда два сеньора дерутся — это дело их чести... Не надо ничего решать,— сказал Санчо.

Потом он вскинул голову, и глаза его весело заблестели.

— Я думал... белый камень... Ребята, побежали играть в комки! Нет, в снежки!.. Я буду ждать вас... раздевалка!..

Он захлопнул дверь и стремительно побежал вниз, перепрыгивая через две ступеньки.

Когда Санчо выбежал на улицу, у подъезда школы стояла машина, а рядом нетерпеливо ходил Па и курил сигару.

— Я тебя жду целых пятнадцать минут! — недовольно сказал Па.— Едем!

— Я... не могу,— сказал Санчо,— я буду играть в... снежки!

— В снежки? Это, конечно, очень важное занятие... Садись в машину!

— Па, но я же обещал товарищам...

— Товарищам...— Па оторвал ото рта сигару и пустил облако дыма.— У нас сегодня гость... с родины, сеньор Крэдо. Я надеюсь, что снег не растает до завтра.— Па посмотрел на часы и заторопился.— Мы и так опаздываем. Запомни: когда приезжает представитель компании, семья должна быть в сборе, должна оказывать уважение... Или ты забыл обычаи нашей страны?

— Но я же обещал...

— Без разговоров в машину! — строго сказал Па, и Санчо нехотя открыл дверку.

Когда машина, скрипнув шинами по снегу, помчалась по мостовой, дверь школы распахнулась и на улицу выбежали ребята.

— Где твой Санчо? — крикнул Рите долговязый Абрикос.

— Где твой Санчо? — закричали ребята.— Куда он делся?

— Он струсил! — крикнул кто-то.

— Позвал играть в снежки, а сам... смылся! — засмеялся Абрикос.— Испугался иностранный подданный!

— Нет! — сказала Рита.— Он не боится!

— Где же он тогда? Что-то его не видно! — загнали ребята.— Может быть, он играет не в снежки, а в прятки? Ищи его, Рита! Тебе водить!

— Ха-ха! Белые камни!

— Он не мог струснуть! — крикнула Рита.

Но ребята уже не слушали ее. Они шли гурьбой по тротуару, толкая друг друга, бросаясь снежками, скользя по ледяным дорожкам, которых всегда много возле любой школы.

А Рита стояла на месте. Она ждала своего друга Санчо. Все надеялась, что он придет.

4

Гость с родины, один из владельцев банановой компании, был маленький, толстый и необыкновенно подвижный человек. То ли от полноты, то ли от непрерывного движения ему было все время жарко. И даже в зимний день у него на лбу блестели бисеринки пота. В его поредевших черных волосах, как маленькое розовое озерцо, поблескивала лысина. Время от времени он проводил по ней рукой, словно не терял надежды, что «озерцо» вдруг да зарастет «камышом». Он был веселым человеком, этот сеньор Крэдо с родины, и только глаза его всегда оставались серьезными, сосредоточенными, внимательно изучаю-

щими собеседника. Даже когда лицо расплывалось в улыбке, глаза не переставали просверливать, изучать окружающих его людей.

Вся семья сидела за обеденным столом, вся семья была занята мыслью о госте. Казалось, ни Па, ни Ма не чувствуют вкуса блюд и их только интересует — нравится ли гостю, вкусно ли гостю, не горячо ли гостю?

Санчо же не думал о госте. Его мысли занимали ребята, которых он пригласил играть в снежки, а сам ушел. Наверное, они считают его болтуном или, что еще хуже, трусом.

А гость ел, пил, сверлил всех своими глазами-буравчиками и говорил:

— В России любят бананы! Хорошо, что на русских елках растут шишки, а не сочные, золотые плоды. — Тут сеньор Крэдо повернулся всем корпусом к Санчо: — А ты что думаешь на этот счет?

— Не знаю, — сказал Санчо. — Рита любит сок манго.

— Опять Рита! — воскликнул Па.

— Рита? Кто? Кто? Сеньора? Сеньорита? — Гость впился своими буравчиками в Санчо. — Кто она?

— Она сидит со мной на одной парте, — ответил мальчик.

— Ты был у нее дома? Знаком с родителями? Кто ее отец? — Гость буквально забрасывал Санчо вопросами.

— Ее отец испытывает военные самолеты, — с гордостью ответил Санчо. — Это интересно! У них в столовой стоит винт, обожженный огнем. Самолет погиб, а летчик остался жив, — сказал Санчо и для убедительности повторил Ритины слова: — «Теперь на боевых машинах винтов нет».

— О! Ты, однако, разбираешься в авиации. — Гость засмеялся, и только его глаза — два острых буравчика — оставались серьезными. — А тебе не хотелось бы познакомиться с этой сеньоритой по-

ближе? И преподнести ей... гм... предположим, банку манго?

Санчо утвердительно кивнул.

— Я бы на твоём месте поторопился, — сказал гость.

— Я торопился, — посетовал Санчо, — но Па увез меня сюда, на обед. Рита ждет меня у школы.

— Тогда забирай банку и беги! — воскликнул гость: он неожиданно стал союзником Санчо.

Санчо вопросительно посмотрел на Па, потом на Ма и, прочитав в их глазах одобрение, встал из-за стола, торопливо сказал спасибо и кинулся к двери.

У школьного подъезда он не застал ни ребят, ни Риты. Густой, мохнатый снег, который медленно парил над городом, скрыл отпечатки бесчисленных следов ребячьих ботинок. Шумное здание школы замерло, стало неподвижным, погрузилось в глубокий сон до завтрашнего утра.

Прижимая к пальто банку, в которой тихо булькал сок манго, Санчо пошел прочь. Но не домой, а по тому маршруту, по которому его в первый день привела Рита.

Он шел неуверенно сквозь белую сетку парящего снега, всматриваясь в дома, витрины, скверы. Он нащупывал верный путь и, убедившись, что идет правильно, пустился бежать. Он бежал, спотыкаясь о скрытые под снегом дорожки-катки, а сок в банке булькал, словно усиливал удары сердца.

За последним поворотом Санчо увидел знакомую фигурку девочки в меховой шубке.

— Рита! — крикнул он, но девочка не услышала его голоса.

Он побежал еще быстрее.

— Рита!

Девочка оглянулась, остановилась, и Санчо чуть не набежал на нее.

— Рита... я ждал... меня увез...

От волнения и одышки русские слова путались, и Рита никак не могла понять, что хочет сказать ее маленький заокеанский друг.

— Ты испугался? — вдруг спросила она.

Ее вопрос обжег мальчика.

— Нет! — Санчо энергично замотал головой. — Нет!

— Признайся, — настаивала девочка, — я никому не скажу!

Санчо посмотрел в глаза Рите, и на его лице отразилась боль.

— Па увез меня... гость... из компании...

— Ребята решили, что ты трус. Ты должен доказать...

Некоторое время они стояли в растерянности, не зная, что им делать. Снег ложился на плечи, на шапку и на банку манго, которую Санчо прижимал к пальто. Санчо мучительно думал: как доказать ей, что он не трус?

Издалека донесся хриплый гудок поезда. Девочка не обратила на него внимания, но для Санчо гудок прозвучал сигналом, трубой, зовущей на подвиг. Он поднял глаза на Риту и сказал:

— Идем!

— Куда?

Вместо ответа Санчо крепко взял Риту за руку и зашагал в сторону, откуда доносился гудок поезда.

Несколько раз Рита пыталась освободить руку, но мальчик крепко сжимал ее. Он шел к какой-то неведомой цели. И Рита послушно шла за мальчиком.

Поднялся ветер. Закрутил белую кисею снега в маленькие смерчи. Скорей! Скорей! Скорей! Иногда сквозь завывание ветра доносился гудок с железной дороги. Он звучал все ближе, громче, протяжней. Словно невидимые белые поезда мчались навстречу двум бегущим ребятам.

И вдруг перед ними возникла высокая железнодорожная насыпь.

— Вот, — сказал Санчо и остановился.

— Что теперь будет? — спросила Рита.

— Вот, — сказал снова Санчо и протянул руку с банкой манго. — Ты любишь манго?

— При чем здесь манго? — спросила девочка, не понимая, что происходит с Санчо.

Вместо ответа мальчик стал карабкаться по заснеженной железнодорожной насыпи. Он срывался, скатывался вниз и лез снова.

— Зачем? Куда ты? — кричала вслед Рита, но не получала ответа.

Наконец Санчо вскарабкался на насыпь. Он огляделся и поставил на рельс банку с яркой наклейкой.

— Будем ждать поезд! — крикнул Санчо. — Я покажу, что я не трус. Я покажу...

Где-то совсем близко забасил локомотивный гудок. Приближался поезд. А Санчо стоял рядом с рельсом, на котором ярким столбиком возвышалась банка с заморским соком.

Что задумал маленький иностранец? При чем здесь банка с манго и надвигающийся поезд? Может быть, надо остановить Санчо, пока еще есть время? Рита бросила портфель на снег и стала карабкаться за Санчо. Следы мальчика превратились в ступеньки, по которым она поднималась все выше. Когда же она очутилась рядом с Санчо, поезд был уже близко. Густой протяжный гудок звучал глухо, словно облепленный хлопьями снега. Земля вздрагивала, как от подземных толчков.

— Санчо!

Рита уцепилась за рукав мальчика и стала его тянуть. Он упирался и, стараясь пересилить надвигающийся грохот поезда, кричал:

— Нет! Нет! Я не трус!.. Ты должна знать!.. Я не трус!

Непрерывный гудок захлестнул все звуки тяжелой волной. Девочка попятилась. И в то же мгновение из-под самых колес локомотива Санчо выхватил банку с

яркой наклейкой и упал на снег в трех шагах от грохочущего состава. Все вокруг гремело и сотрясалось. Но сквозь железный грохот Санчо слышал тихий голос Риты:

— Ты не трус!

Рельсы пели, как огромные басовые струны. Белый грохот дробно вылетал из-под колес, словно кто-то бил в огромный барабан, но сильнее всех громов в мире звучал тихий голос девочки:

— Ты не трус... Ты не трус...

А в это время отец провожал сеньора Крэдо. В пальто гость был еще круглее. А его глаза металлически поблескивали из-под широкополой шляпы.

— Желаю успехов, сеньор Родригес,— говорил он, задерживая руку Па в своей холодной пухлой руке.— От вашей деятельности зависит процветание компании!

— Вы преувеличиваете мою скромную роль,— ответил Па.

— Нет, нет. Пускайте глубже корни. Изучайте спрос. Для коммерсанта очень важно не упустить момента... Я еще побываю у вас в скором времени.

Отец закрыл за гостем дверь. А когда вернулся в столовую, Ма убирала со стола. Из открытой форточки валили мягкие клубы морозного пара.

— Тебе не показались странными глаза нашего гостя? — спросила Ма.

— Какое значение имеют его глаза? — пожал плечами Па.— Никакого значения.

Раздался звонок.

— Это Санчо! — Ма быстро пошла к двери.

Стоя у открытого окна с сигарой, которая успела погаснуть, Па слышал, как она расспрашивала сына.

— Что с тобой? — говорила она.— Ты весь взъерошенный, весь в снегу. Что ты делал?

— Я играл в снежки,— запинаясь отвечал

Санчо.— Это такая игра, в которую играют смелые мальчики.

— Тебе здорово досталось?

— Как всем... Я просто не кланялся пулям.

— Скорей раздевайся, согрейся, прими ванну. Ты есть хочешь?

— Нет, Ма.

— Рите понравился сок манго?

— Очень... понравился.

— У тебя мокрые ноги. Раздевайся скорее.

Над городом плыла глухая зимняя ночь. Утихли машины. Безмолвным стадом замерли троллейбусы. Пропали прохожие. В окнах погас свет. Казалось, весь город уснул, накрывшись с головой белой простыней.

Только по одной из улиц медленно двигалась снегоуборочная машина. Она подгребала снег большим совком, который толкала перед собой. И снег вскипал белой волной, которая чудом докатилась сюда с далекого моря. Сама же машина, со всех сторон облепленная хлопьями снега, казалась существом одушевленным. Она тяжело дышала и медленно ползла по спящему городу.

Эта ночь была тревожной для Санчо. Он метался в постели, вскрикивал и снова затихал. Ему снилось, что он стоит на рельсах, а на него надвигается белый поезд. Нет, не поезд, а огромный снежок, который он у подъезда школы принял за белый камень. Теперь этот снежок гремит и гудит долго и густо, мчитя прямо на Санчо, чтобы раздавить его вместе с банкой манго, которая ярким пятном застыла на рельсе. Огромный снежок надвигается, растет и грохочет. А Санчо стоит на рельсах и кричит ему: «Я не трус!»

Этот крик вырвался из сна. Услышав его, мама бесшумно вошла в комнату сына и села на краешек постели.

«Я не трус!» — повторил во сне Санчо.

— Ты не трус,— тихо сказала мама.
Ее голос проник в сон, и снежный ком сразу распался. Санчо открыл глаза.

— Что тебе снилось, сынок?

— Мне снился белый поезд,— ответил Санчо,— но я не испугался его.

— Как громко стучит твое сердце,— сказала Ма. Санчо прислушался и почувствовал, что сердце его билось учащенно, как после бега.

Наверное, оно разбудило маму.

Ведь только Ма может проснуться от громких ударов его сердца.

— Поворачивайся на бок,— сказала она,— и засни. Думай о чем-нибудь хорошем...

— О чем, Ма?

— Вспомни, как мы с тобой ловили в море креветок и к нам подплыл дельфин. Ты закричал: «Кит!» А дельфин кувыркался в волнах, как настоящий артист. Он играл и звал поиграть тебя. Помнишь?

Санчо ничего не ответил. Он уже спал. Может быть, ему снилось продолжение маминого рассказа?

Не только Санчо спал тревожно в эту ночь. В большом доме с булочной, на третьем этаже, Рита видела такой же сон, что и Санчо. Ей снилось, что надвигается страшный белый поезд, а Санчо стоит на путях и в руках у него банка с соком манго. Поезд все ближе, а Санчо не уходит, стоит как маленький бесстрашный боец. Что же он медлит? Что застыл неподвижно, разве ему не страшны белые колеса?

И тогда Рита не выдерживает и кричит:

«Манго!»

Это слово как военная команда. Мальчик размахивается и запускает банку с манго в белый поезд. Банка оказывается гранатой. Она взрывается, и белый поезд летит под откос.

— Манго,— облегченно шепчет девочка.

И тут рядом с ее постелью оказывается мама.

— Манго? — спрашивает она.— Ты хочешь манго?

Девочка приоткрывает глаза.

— Он не трус,— говорит она и тут же засыпает.

А белая снегоуборочная машина плыла по городу, как маленький ледокол, выбравшийся из воды на сушу. Но и здесь, на суше, как в море, перед его носом поднимался высокий пенный бурн.

Очень редко корабли плывут по суше, а двум разным людям снится один и тот же сон.

5

Перед уроком ребята сидели на партах, поставив ноги на скамейки. И Шурик — в очках со сломанной дужкой — рассказывал о своей собаке Дега:

— Я вчера катался на лыжах с Дегой... Она хорошо ходит в упряжке. Мчится как ветер. У меня даже шапку сорвало. Пришлось возвращаться...

— Все бреешь,— сказал Абрикос, потирая ладонью нос.— Не может твоя Дега...

— Может! Я же катался...

— Во сне,— стоял на своем Абрикос,— во сне катался.

— Ты, Абрикос, вообще ничему не веришь,— сердито сказала Рита.

— Верю глазам. И у меня на плечах голова. Это ездовые собаки могут. Дега — что? Ездовая собака? Она лайка?

— Она овчарка! — крикнул Шурик.— А овчарки все могут. Главное, научить...

Санчо с живым интересом прислушивался к разговору ребят. Он не успевал схватывать все слова. Но главное понимал. Неожиданно он соскочил с парты и подбежал к доске. Он взял мел и стал рисовать воздушный змей. Это был не обычный змей с двумя скрещенными щепочками,— большой корпус, широкие крылья, хвост. Змей, который возник на школь-

ной доске, напоминал какое-то странное доисторическое существо с перепончатыми крыльями и глазастой мордой.

— Что это за страшилище? — спросил Абрикос.

— Змей! — сказал Санчо. — Можно собака... можно змей...

Ребята окружили Санчо.

— Со змеем? На лыжах? — усмехнулся Абрикос.

— Да, да... я видал... Только лыжи по воде... У нас нет снега.

— Брехня! — отрезал Абрикос.

Санчо непонимающе посмотрел на него.

— Что есть... брехня?

— Если можно на воде, можно и на снегу, — сказал Шурик, так и не дав Абрикосу объяснить непонятное слово «брехня».

— На змее можно даже летать! — воодушевленный поддержкой Шурика, сказал Санчо. — Но сперва... лыжи.

— Сперва лыжи! — сказал Шурик.

Ребята так увлеклись воздушным змеем, что не заметили, как прозвенел звонок и в класс вошла Мария Павловна.

— Что это за дракон?

— Воздушный змей, — отозвался Санчо и только потом сообразил, что спрашивает его не кто-нибудь из ребят, а учительница. — Мы будем строить... потом кататься... лыжи. Вы поедете с нами, сеньорита Мария?

Некоторое время Мария Павловна с любопытством рассматривала змея, изображенного на доске. Потом она сказала:

— Я поеду с тобой, Санчо. А ты умеешь кататься на лыжах?

— Он научится, — ответила за мальчика Рита.

— Научится! — подтвердил Санчо.

— А пока придется стереть твоего змея! А то он будет мешать правописанию глаголов.

Начался урок.

Санчо поражало, что ослепительно яркое солнце не дает тепла. Когда у него на родине светило такое солнце, люди прятались от его лучей в тени. Здесь же, над белым заснеженным полем, солнце не грело, словно работало вхолостую. И было морозно. И снег не таял.

Но Санчо не было холодно. Вместо солнца его грели лыжи. Рита шла впереди. Санчо скользил по ее следу.

У него это получалось неловко, он поминутно терял равновесие и от напряжения не чувствовал ни усталости, ни мятного духа зимнего дня. Еще на родине, где снег лежит высоко в горах, а в долинах стоит вечнозеленое лето, Санчо мечтал о заснеженном поле, которое его воображение рисовало белым морем. Он видел себя на лыжах с огромным змеем, который мчит его так стремительно, что белая пена разлетается в стороны... Размечтавшись, Санчо оступился и потерял равновесие.

— Только не оглядывайся! — успел он крикнуть Рите, чтобы она не видела его позора.

Рита остановилась. И пока Санчо, неловко путаясь в длинных лыжах, пытался подняться, Рита советовала:

— Не торопись! Выноси корпус вперед!

А Санчо в это время с невероятными усилиями — лыжи мешали — отрывался от земли. Наконец ему удалось встать на ноги, и он неловко, на негнущихся неумелых ногах, сделал шаг.

Девочка оглянулась. Санчо остановился.

— Ты действительно построишь змей? — спросила она.

— Я уже строю! Шурик... помогает мне... Мне бы научиться не падать... Пошли! Только не оглядывайся!

...Комната Санчо превратилась в настоящую мастерскую. Она была завалена какими-то планками, рулонами бумаги, банками с клеем. На полу кудрявились стружки и валялись обрывки проволоки. А посреди комнаты стоял остов таинственного сооружения. Санчо строил змей, который должен будет помчатъ его по белому снежному морю.

— Когда это кончится? — спрашивала Ма. — Ты опять забрал кухонный нож!

— У тебя нет тонкой проволоки?

— Откуда у меня проволока! Бог мой! Весь пол залит клеем... Ты приготовил уроки?

Потом раздавался звонок и появлялся Шурик. Он вынимал из кармана какой-то сверток.

— Держи, Санчо! Капрон!

— Выдержит? — спрашивал Санчо.

— Капрон! — коротко отвечал Шурик, и это означало, что выдержит и не такую нагрузку.

Ребята колдовали вокруг змея. И по комнате разливался едкий запах клея.

— Ты учишь свою собаку? — неожиданно спросил Санчо.

— Учу, — сказал Шурик, поправляя очки. — Я учу ее брать след. Когда кончу школу, пойду служить на границу.

— О! Ты будешь ловить шпионов? — воскликнул Санчо. — Это, должно быть, очень, очень интересно... Я видел фильм... Страшно!

— Когда рядом друг, не так страшно, — сказал Шурик. — Дега мне как друг!

— А у нее будут щенки?

— Будут... Я подарю тебе, Санчо.

— И я... тоже буду, — начал было Санчо, но остановился: видимо, одну мысль сменила другая. Он спросил: — У летчиков тоже может быть друг... собака?

— Может, — уверенно сказал Шурик.

«Может», — про себя повторил Санчо и вдруг уви-

дел себя в летном комбинезоне и большом шлеме, похожем на водолазный. Мысленно он шагал по заснеженному полю, на котором стояли серебристые машины с отведенными назад короткими крыльями, а рядом с ним бежала большая овчарка с темным чепраком на спине...

— Обязательно подари мне... щенка! — сказал Санчо, заглядывая в глаза другу.

Потом поднял с пола готовое крыло змея и воскликнул:

— Наша фирма процветает!

— Какая фирма? — удивился Шурик.

— Фирма «Воздушный змей»! Твой отец служит в какой фирме?

— У меня нет отца, — тихо сказал Шурик. — Он погиб на Севере.

Некоторое время ребята работали молча. Плотная бумага потрескивала в их руках. И едко пахло клеем.

— Прости... — неожиданно заговорил Санчо. — Шурик, как погиб твой Па?

— Он спасал шведских рыбаков. Рыбаков спасли, а папу смыло волной...

— Он спасал шведских рыбаков, — тихо повторил Санчо и крепко пожал руку товарища.

Воздушный змей был готов! Он занял полкомнаты и сильно потеснил своего хозяина. А когда открывали форточку, змей едва заметно шевелился, шуршал. Он оживал от ветра. Ветер был его родной стихией.

Санчо покрасил своего летучего друга в желтый цвет. Нарисовал ему большие зеленые глаза и огнеловящую пасть. Крылья сделал перепончатыми, а все «тело» покрыл чешуей. Он не жалел красок.

За этим занятием его застал отец.

— Что собираешься делать с этим чудовищем? — спросил Па.

— Я запущу его в небо, и он повезет меня, как собака Дега.

Па посмотрел на зеленоглазого змея, потом на сына и покачал головой.

— Давно ли ты принял снег за белый песок? А теперь уже собираешься обуздать воздушного змея и помчаться на лыжах. Кстати, наступило рождество. У меня есть два билета во дворец. Можешь пригласить свою сеньориту, которая любит сок манго.

— Во дворец к президенту? — удивился Санчо.

— В этой стране дворцы не только у президента. У детей тоже есть свои дворцы.

— А что делают дети в своих дворцах?

— Справляют рождество. А когда рождество проходит... я не знаю, что они делают во дворцах. Спроси у своих товарищей.

Санчо опустил голову, задумался. Потом он сказал:

— У моего друга... Шурика отец погиб, спасая шведских рыбаков...

— Это очень печально, — сказал Па. — «У пальмы зеленые крылья, но пальма не может взлететь...»

Елка! Елка! Елка! Она всюду: на витринах магазинов, на площадях, в окнах домов. Елка украшена игрушками, осыпана серебром и золотом. Елка пахнет лесом и праздником. Самым любимым праздником года. Елка — это праздник детей. Но взрослые тоже охотно празднуют его: для взрослых это память о самых дорогих днях жизни — о детстве.

Горячими потоками стекаются дети на праздник во Дворец пионеров. Все спешат, все боятся опоздать, все прижимают к груди билеты — боятся потерять. И нет на свете такой плотности, которая могла бы сдерживать этот праздничный ребячий поток.

Санчо и Рита шли во дворец, принадлежащий не президенту, а детям. Они прижимали к груди билеты и тоже боялись опоздать.

— Змей готов? — спрашивала Рита своего друга.

— Готов... Он должен... сохнуть.

— Сохнуть? — удивилась девочка. — Ты мыл его?

— Нет... я красил змей... Я нарисовал ему глаза... зеленые, крылья — желтые.

— Желтый змей с зелеными глазами? — Рита засмеялась.

— Это смешно, когда желтый змей?

— Нет, — Рита продолжала смеяться, — это весело! А вот и дворец — смотри!

Воображение Санчо рисовало дворец совсем не таким, каким он оказался. На детском дворце не было статуй и гербов, не было старинных фонарей. У входа не стояли гвардейцы с обнаженными саблями, не было... Словом, все было иным. Большие стеклянные окна, и толпы ребят у входа, и пар, вырывающийся из дверей, и по краям две елочки, нарядные и ровные, как близнецы.

Санчо разглядывал этот необычный дворец, а Рита тянула его за руку:

— Идем, а то опоздаем!

Потом они поднялись по большой мраморной лестнице и очутились в огромном хороводе. Санчо крепко сжимал руку своей подруги, чтобы не потеряться в этом круговороте музыки и веселья. А запах елки, горьковатый, смолистый запах, волновал воображение и настраивал на сказочный лад. И вдруг Санчо, забыв, что вокруг множество народу, закричал:

— Папаноэль! Смотри, Папаноэль!

— Нет, — сказала Рита.

— Ты думаешь, это Балтазар или Гаспар? — Глаза Санчо горели, а его смуглое лицо от возбуждения стало еще смуглее. — Нет, Рита! Я узнаю его. Это Папаноэль!

— Какой Папаноэль? — удивилась девочка.

— Разве ты не знаешь? Это самый добрый из трех рождественских королей! Только у него должна быть корона...

Все это произошло в тот момент, когда в кругу

появился Дед Мороз. Белобородый, густо нарумяненный, в шапке и в шубе и в больших рукавицах.

— Это Дед Мороз,— сказала Рита.— Он раздает подарки.

И тут круговорот ребят стал относить его и Риту в сторону. Они очутились рядом с оркестром. В этом карнавальном оркестре все музыканты были одеты в пестрые клоунские костюмы. У всех были красные носы, а глаза обведены белыми кругами, похожими на очки.

— Вот... Рита... Смотри! — Санчо подвел свою подругу ближе к оркестру и показал на одного из музыкантов.— Это банджо. На таком играл мой дедушка Хуан-Мария. Пока его не убили.

Оркестр заиграл с новой силой.

Банджо было похоже на маленький барабан с грифом и струнами. Музыкант играл на нем, как на гитаре.

— Я вижу,— тихо отозвалась Рита и посмотрела на смешного человека в белых очках с красным носом. «Неужели дедушка Санчо Хуан-Мария был похож на него? — подумала девочка.— А может быть, если отмыть музыканту нос и белые круги, он будет мужественным и красивым, похожим на бойца-антифашиста?»

Санчо наклонился к Рите и сказал:

— Значит, завтра. Ты думаешь, мой змей не поведет?

— Он полетит как надо!

— И сеньорита Мария поедет с нами?

— Она обещала... Она обещала повезти нас на большое заснеженное озеро. Оно ровное, и там дуют сильные ветры.

— А Шурик поедет с Дегой. Кто быстрее — змей или Дега?

И тут оркестр заиграл веселый галоп и заглушил голоса двух друзей.

По ровному замерзшему озеру двигалась стайка ребят. Они растянулись цепочкой, и за ними по снегу сверкал ровный след, словно кто-то проложил здесь два рельса. Стайка двигалась медленно, а идущий впереди нес какой-то непонятный желтый предмет. От порывов ветра этот предмет вздрагивал и пытался вырваться из рук. Он был похож на парус, вернее, на сложное парусное оснащение корабля. Стайка маленьких лыжников шла под этими странными желтыми парусами. Рядом с ними бежала собака.

Это был Санчо и его советские друзья. И с ними «сеньорита Мария». Сегодня предстояло испытать змея. Станет ли он запряженной птицей, понесет ли Санчо и его друзей по снежному морю или окажется неспособным к полету?

— Осторожно, осторожно! — беспокоился Шурик.— Не проткните бумагу!

— Ребята, стойте! — сказала Рита.— Ветер сильный!

— Сперва надо запустить змея на высоту,— посоветовал Абрикос.

— Надо бежать, а потом он потянет сам,— сказала учительница. В спортивном костюме, на лыжах, она мало чем отличалась от своих питомцев.

— Я сниму лыжи и побегу,— предложил Шурик.— Ты, Санчо, будь готов!

Ребята расступились. Шурик снял лыжи. Санчо приготовился.

Сперва змей не хотел разлучаться со своей компанией. Шурик бежал, а змей нехотя следовал за ним. Один раз даже проехался по снегу.

— Не тянет! — крикнул Абрикос.— Я так и думал...

— Должен! Он должен! — отозвался Санчо.

— Неужели он не полетит? — вздохнула тихая Алиса.

Шурик бежал. Овчарка огромными прыжками мчалась рядом, а ребята на лыжах едва поспевали за ними.

И вдруг воздушный поток подхватил змея и поднял его на следующий этаж. Теперь до змея нельзя было уже достать рукой. Шурик тянул, змей набирал высоту. Капроновая жила напрягалась все сильнее. И вот уже не мальчик тянул змея, а змей, очутившись в своей стихии, потянул его.

— Тянет! — крикнул Шурик.

— Тянет! Тянет! — закричали остальные.

— Держи, Санчо!

— Осторожно! — крикнула «сеньорита Мария».

Санчо едва успел перехватить капроновую жилу, как почувствовал мощную, упрямую силу, которая повлекла его вперед.

— Пошел! Пошел!

Санчо заскользил по ровному снегу. «Только бы устоять на ногах! Только бы сохранить равновесие!» Теперь змей казался ему каким-то одушевленным существом, которое парит высоко над землей. С этим существом его связывала не просто капроновая жила, а нечто большее, живое. Они стали одним неразрывным целым — мальчик и змей. У них было общее движение, общее стремление. Ребята остались далеко сзади, и Санчо чувствовал, как змей то замедляет свой полет, то тянет с новой силой. Мальчик скользил по снегу, и казалось, нет такой силы, которая могла бы его удержать, остановить. Теперь змей соперничал с ним: кто сильнее! А что, если змей перетянет и оторвет Санчо от земли?

Мальчик поднял голову и посмотрел на змея. Змей показался ему желтой рыбой, плывущей в голубом море. Рыба хочет вырваться, но Санчо не отпускает. У него хватит сил удержать эту сильную рыбу.

Змей, видимо, поднялся еще на один этаж — там скорость воздушного потока была сильнее. И вдруг Санчо почувствовал удивительную легкость — змей

поднял его над землей. Летит! Санчо стало страшно и весело... Но змей быстро потерял силу, мальчик почувствовал жесткий толчок — земля! — потерял равновесие и упал. Он упал, а змей продолжал тянуть. Он не видел, что его земной друг упал! Он волок Санчо по снегу, и у мальчика не было возможности удержать его хотя бы на минуту, чтобы встать на ноги. Санчо вскрикнул. Никто не услышал его голоса.

Ребята отстали. Сильный ветер заглушал все звуки.

Потом Санчо проехал щекой по шершавому заледевшему снегу и, видимо, содрал кожу, потому что щека стала гореть.

«Надо отпустить бечевку, — подумал Санчо, но другая мысль удержала его: — Нельзя упустить змея!»

Он крепче сжал руку. Теперь он был уже не другом и соратником этой созданной им летающей птицы, а якорем, который из всех сил хочет удержать змея, остановить его движение. Он боролся со змеем.

А ребята, которые видели, что происходит, спешили к нему и кричали:

— Санчо! Отпускай змея! Отпускай!

Он не слышал совета друзей.

Надо было скорее помочь ему! Но от ребят до Санчо было большое расстояние. И тогда Шурик крикнул:

— Дега, ко мне!

Собака тут же очутилась рядом. Шурик прикрепил длинный поводок к упряжке и скомандовал:

— Вперед! Дега, вперед!

Собака бросилась вперед, увлекая за собой своего маленького хозяина. Сухой снег поднялся легким облачком. Шурик крепко держался за поводок, а Дега, не сбавляя скорости, неслась вперед, туда, где Санчо боролся с желтым змеем.

Остальные, налегая на палки, спешили за Шуриком. Впереди скользила «сеньорита Мария», не на шутку встревоженная аварией, которую потерпел ее маленький иностранный питомец.

Скорее! Скорее! Скорее!

Вот уже Шурик приближается к Санчо... Поравнялся с ним... Ухватился рукой за тугую капроновую нить... Санчо разжал руку, со змеем боролся Шурик.

И, лежа на снегу, Санчо вдруг подумал: «Его отец спас шведских рыбаков, а его самого смыло в море... Может быть, Шурик спас меня, а сам...»

Мальчик попробовал привстать, но его как бы ударило током: болела нога. Санчо опустился на снег и закрыл глаза. И тут он почувствовал над собой горячее дыхание, и длинный теплый язык лизнул его ободранную щеку. Санчо открыл глаза. Это была Дега — верный друг Шурика.

— Дега! — прошептал мальчик.

Собака радостно завиляла хвостом.

— Вот мы и познакомились... — Эти слова он произнес на родном языке, но Дега, видимо, поняла, что он сказал, и снова лизнула его, теперь уже в другую щеку.

А Шурик тем временем одолел змея. Тот перестал рваться ввысь, послушно опускался и наконец лег на снег желтыми крыльями.

Тем временем подоспели остальные лыжники.

— Ты ранен? — тревожно спросила «сеньорита Мария», останавливаясь рядом с Санчо.

— Нога, — сказал Санчо, — болит...

— Ты сломал ногу? — испуганно спросила Рита.

— Не знаю.

Санчо все еще находился во власти стремительного, безрассудного движения. В ушах стоял шум, а сердце билось учащенно.

— Я не отпустил его, — сказал мальчик.

— Сейчас я сниму с тебя лыжи, — предложила Рита.

— Сам! Не может сеньорита...

— Я твой друг, а не сеньорита, — сказала Рита и опустилась на колени.

— Спасибо... друг, — прошептал Санчо и дотронулся рукой до ободранной щеки.

Ребята наконец окончательно обуздали змея, и он, казавшись, тоже выбился из сил.

Змей увел ребят довольно далеко, и теперь они — Шурик, Абрикос и Алиса — возвращались к Санчо, лежащему на снегу, а змея вели под уздцы, как ретивого скакуна.

— Я ранен в бою, — вдруг шепнул Санчо Рите, — а ты сестра милосердия, ты спасаешь меня.

— Ты смелый парень, — сказала Рита. — И никаких ветряных мельниц! Тебе очень больно?

— Мужчина должен терпеть, — был ответ.

Подошли ребята со змеем.

— Здорово у тебя получилось, — сказал Абрикос. — А я думал, ничего не выйдет.

Ребята соорудили из лыж сани и везли на них раненого товарища, а Рита шла рядом.

— Осторожней! — говорила она ребятам. — Ему же больно!

— Мне не больно! — отзывался Санчо. — А все-таки змей полетел!..

— Что случилось, Санчо?

Ма стояла в дверях, а перед ней на лестничной площадке толпились ребята, которые помогли Санчо добраться до дома. Одна нога Санчо была разута и забинтована. На щеке — пято...

— Бог мой! Ты попал в катастрофу?!

— Я катался на лыжах со змеем, — сказал Санчо, виновато оглядываясь на товарищей.

И тут к Ма подошла учительница, «сеньорита Мария».

— Здравствуйте. Я учительница Санчо, — представилась она.

— И вы тоже... со змеем? — удивилась Ма.
— И я тоже... Я поехала с детьми кататься на лыжах... И вот случилось...
— Боже мой! — воскликнула Ма.
— Ничего страшного, — сказал Санчо, — со всеми случается.
— Доктор сказал, что скоро пройдет, — вступила в разговор Рита. — Санчо вел себя бесстрашно.
— Бесстрашно, — вздохнула Ма. — У нас в роду все ведут себя бесстрашно и погибают в бою.
— Я знаю: ваш отец был банджистом, — тихо сказала Рита.
— Даже банджисты в нашей семье погибают в бою... Я так боюсь за Санчо.
И тут Ма спохватилась, что не пригласила всех войти в дом, что вот уже несколько минут они стоят на лестничной площадке — и друзья Санчо, и «сеньорита Мария».
— Что же вы стоите! Заходите, пожалуйста. И надо вызвать врача.
— Мы уже были у врача, — напредила Рита.
— Санчо! У тебя хватило денег на врача? — заволновалась Ма и, обращаясь к Марии Павловне, спросила: — Может быть, вы заплатили свои деньги?
Учительница покачала головой.
— Зачем платить за врача? — удивился Шурик.
— Ах да, у вас в стране бесплатно то, за что во всем мире платят деньги. И немалые, — вздохнула Ма.
Ребята толпились на лестничной площадке. А главный виновник происшествия — воздушный змей — смиренно поглядывал своими зелеными глазами. Его огнедышащая пасть остыла и была уже не такой страшной.
— Нам пора! — сказала Мария Павловна.
— Поправляйся, Санчо! — помахала рукой Рита.
— Я скоро поправлюсь, — отозвался Санчо.
— Жаль, что вы не располагаете временем, — ска-

зала Ма. — Посетите нас в другой раз. Мы будем рады.

— Спасибо! — за всех ответила Рита.
— Ма, это Рита, — шепнул маме Санчо.
— Которая любит манго? — спросила Ма.
— Да!

Ребята стали спускаться по лестнице. Откуда-то снизу донеслось:

— Поправляйся!

На площадке остались трое: Ма, Санчо и желтый змей.

— Выброси его! — сказала Ма.

— Нет! Он еще покатает меня на водных лыжах. Он очень хороший змей.

— Идем, инвалид! — вздохнула Ма и подставила Санчо плечо.

7

Прошло немало времени. Зима закончила свои снежно-ледяные дела и уступила место весне. И Санчо был крайне удивлен, когда почувствовал на щеке прикосновение теплого ветра и увидел, как разворачиваются свернутые в трубочку зеленые листья. Он думал, что здесь всегда белый цвет, а зеленый только за океаном, у него на родине.

Санчо давно освоился с русской школой и писал диктанты вместе со всем классом. И хотя делал ошибки, но не так много, как в первое время. Нога у него зажила. А желтый змей, в ожидании лета, был водружен на шкаф. Он поглядывал оттуда зелеными глазами, а когда открывали форточку, то вздрагивал и шуршал.

В ту пору в доме Родригес снова появился гость с далекой родины.

На этот раз сеньор Крэддо остановился на несколько дней. Его поместили в кабинете Па. Теперь, когда он переступал порог дома, его срывающийся голос звучал на всю квартиру:

— Санчо! Какие новости?
— Наши выиграли в хоккей со счетом четыре — один!
— Наши? — два буравчика впились в Санчо. — Разве в Союзе играет клуб «Эриган-сити»?
— Нет! Наши — «Спартак»!
— Наши... «Спартак»... — Сеньор Крэдо поводил круглыми плечами. — Уже «Спартак» — наши? Надеюсь, тебя еще не приняли в пионеры?

Однажды Па стоял перед зеркалом и брился. Его лицо было густо намылено, и он чем-то был похож на новогоднего Деда Мороза. Сверкающее лезвие опасной бритвы с легким потрескиванием вместе с пеной соскребало щетину. Отец оттягивал кожу и еще раз начисто проводил бритвой. Глаза его были сосредоточенны, как будто он занимался чрезвычайно важным делом.

И тут в зеркале появился Санчо.

— Па, здравствуй!
— Салют! — отозвался Па и в знак приветствия слегка приподнял бритву. — Как успехи в школе?
— Сегодня в диктанте я сделал всего пятнадцать ошибок!
— И получил кол?
— Нет... Мария Павловна ничего мне не поставила... Она говорит, что это естественно.
— Это естественно, — механически повторил Па и с ожесточением намылил небритую щеку.
— Зато по физре я получил пять!
— Что такое «физра»?
Санчо засмеялся: ему показалось странным, как это человек не знает, что такое «физра».
— Гимнастика, — ответил он.
— А-а, — протянул Па и надул щеку, чтобы легче было брить.

Санчо взял в руки освободившуюся кисточку и намылил себе щеки и подбородок. У него как бы

выросла белая борода, и он на мгновение как будто превратился в Деда Мороза — Деда Мороза мальчика.

— Не балуйся, — сказал Па и улыбнулся. — Еще успеешь намучиться с бородой. У тебя тоже будет борода, как проволоочная. Жесткая и быстро растущая. Электробритвы бессильны.

— Я буду бриться, как ты, опасной бритвой, — сказал Санчо и принялся смывать мыльную пену.

Потом он вытер лицо и сказал:

— Па, через три дня у Риты день рождения.

— Вот как! — воскликнул Па, внимательно разглядывая свое лицо. — Надо будет приготовить ей подарок.

— Очень прошу тебя, Па, только не покупай, пожалуйста, куклу. Советские девочки не играют в куклы!

— Во что же они играют? — Па повернулся к Санчо.

Санчо задумался, потом сказал:

— Они играют в те же игры, что и мальчишки.

— Вот как! Ты поставил передо мной сложную задачу. Куда проще, когда девочки играют в куклы.

В это время в дверях ванной появился сеньор Крэдо.

— Куда проще, когда девочки играют в куклы, — повторил он слова Па. — Однако, дорогой Родригес, мы не должны ударить лицом в грязь. Мы вместе подумаем о подарке.

— Спасибо, — сказал гостю Санчо. — Спасибо, сеньор Крэдо.

Он был уверен, что двое взрослых что-нибудь да придумают. Тем более они не хотят ударить в грязь лицом.

Накануне Ритиногo дня рождения сеньор Крэдо принес подарок. Да, гость с родины воистину не ударил лицом в грязь! В большой коробке стоял сверкаю-

щий никелем космический корабль. Сеньор Крэдо своими пухлыми короткими пальцами извлек игрушку из коробки и поднял ее над головой.

— Смотрите! Смотрите!

Па и Ма пришли на его зов, чтобы взглянуть на подарок.

— Какой красивый! — воскликнула Ма.

— Красивый?! Вы еще не видите всей красоты! — воскликнул сеньор Крэдо и поставил ракету на стол. — Откуда будем производить запуск? Из Караганды? Ха-ха! — Он звучно засмеялся своей шутке. — Итак: пять, четыре, три, два, один!

Он нажал на кнопку, и в это мгновение внутри ракеты послышался нарастающий рокот, под соплами замелькали отблески пламени, а сама ракета задрожала, готовая оторваться от земли и устремиться ввысь, даже если для этого ей пришлось бы пробить потолок и крышу.

Сеньор Крэдо снова нажал кнопку: огни погасли, ракета затихла.

— Каков корабль?

— Прекрасный, — сказал Па, — я с удовольствием сам бы поиграл такой игрушкой!

— За такую игрушку, — сказала Ма, — я, пожалуй, отдала бы свою самую любимую куклу.

— Только ни слова Санчо, — предупредил сеньор Крэдо, — пусть это будет сюрпризом и для него.

На том все и порешили.

Когда Санчо пришел из школы, Па позвал его и сказал:

— Вот подарок!

Подарок был снова упакован и перевязан бечевкой.

— Что это? — спросил Санчо.

— Завтра узнаешь. Пусть это будет сюрпризом не только для Риты, но и для тебя.

— Спасибо, Па! Ты слышал, что в дельте реки Меконг наши снова надавали марионеткам?

— Какие наши? — с недоумением спросил Па. — С каких пор *они* стали нашими?

— Мы сегодня собирали металлолом в пользу борющегося Вьетнама, — сказал Санчо. — Разве нельзя?

— Раз все собирали... — растерянно сказал Па. — Еще несколько недель — и ты будешь законченным пионером.

Санчо как-то странно посмотрел на отца и пошел к себе в комнату.

— Подарок возьмешь завтра. И не распаковывай его, — вслед сыну сказал сеньор Родригес.

На другой день Ма собирала сына на день рождения. Она достала из шкафа белую рубашку с жабо, которое напоминало взбитые сливки, вылитые на грудь.

— Это очень элегантно! — сказала она.

На что сын ответил:

— Не надену!

— Но почему же, Санчо?

— Я не пижон! — был ответ. — Это только пижоны носят жабо. А наши ребята не носят.

— Что же носят *ваши* ребята?

— Красные галстуки.

— Хорошо, — терпеливо сказала Ма. — Я поищу у отца красный галстук.

— Отец — не пионер. Его галстуки не годятся. Дай мне простую рубашку.

Потом Санчо отказался от золотых запонок, которые, оказывается, носят только капиталисты, и от лакированных туфель, которые носят девочки, и от одеколона, и от пробора. Он окончательно расстроил Ма, которая искренне хотела, чтобы ее сын был самым элегантным.

— Я не опоздаю? — поминутно спрашивал Санчо. — Сколько времени? У нас верные часы?

— Кто будет на празднике? — спросила мама.

— Свои ребята, — ответил Санчо, подхватывая

сверток с подарком,— чуть не забыл его! — и помчался так, словно опаздывал на поезд.

Дверь ему открыла сама хозяйка дома — Рита.

— Санчо! Заходи, Санчо!

Санчо переступил порог и шаркнул ножкой, при этом он очень элегантно наклонил голову.

— Рита, поздравляю тебя... Вот, пожалуйста, прими.

Он протянул девочке сверток с подарком.

В прихожую выбежали Ира и Алиса. Они были такие нарядные, что Санчо не сразу узнал их, шаркнул ножкой, наклонил голову. Девочкам это очень понравилось. Они зарделись от удовольствия, а Рита заторопила друзей:

— Идемте! Идемте!

В столовой был накрыт стол. Он напоминал праздничную витрину, где все сверкает и влечет, но ни до чего нельзя дотронуться. На каждой тарелке белым парусом возвышалась крахмальная салфетка — целая флотилия маленьких парусов... Долговязый Абрикос и Шурик сидели на стульях. Вид у них был унылый, они чувствовали себя в гостях скованно. Казалось, что они приглашены за какие-то проделки к директору и сидят в приемной в ожидании, когда их позовут.

Санчо поздоровался с ребятами за руку и, присаживаясь рядом, спросил:

— Вы танцуете мамбо?

Ребята переглянулись и не ответили.

— А у нас в колледже все танцуют мамбо. Даже малыши! — сказал Санчо.

Ира, накручивая на палец кончик косы, сказала:

— Научи нас, Санчо!

— Это очень просто. Нужна музыка.

И он стал напевать мелодию мамбо, отбивая ритм ногой.

— Сразу видно, что твой дедушка был музыкантом! — сказал Шурик.

— Покажи, что он тебе подарил,— громко шепнула на ухо хозяйке Алиса.

— Потом,— сказала Рита,— я и сама не знаю.

— И я не знаю,— признался Санчо, который услышал разговор подружек.— Па сказал, пусть это будет сюрпризом и для меня.

— Давайте посмотрим! — предложил Абрикос.

— Давайте! Давайте!

И стайка ребят легко снялась с места и перелетела в Ритину комнату, где на столе стоял еще пахнущий ветром сверток.

Когда сверток был распакован и в руках у виновницы торжества очутился космический корабль, гости ахнули! Все стали трогать подарок, вертеть, заглядывать в круглые иллюминаторы.

— Должен заводиться,— со знанием дела сказал Абрикос.

— Должна быть кнопка,— смекнул Шурик.

И действительно, кнопка нашлась. Рита нажала ее, и космический корабль ожил. Он задрожал, загудел, замигал сигнальными огоньками, а в его соплах появился алый отблеск пламени.

— Вот это штука!

— Заграничная!

— А взлететь он может?

Все эти вопросы обрушились на Санчо, а он сам видел диковинную игрушку в первый раз и не мог ответить ни на один вопрос.

В это время из соседней комнаты донесся голос Ритиной мамы:

— Дорогие гости, прошу к столу!

Стайка снова снялась с места.

В столовой Санчо увидел старика в черном костюме, с палочкой, с которой он, видимо, никогда не расставался. Часть лица у него была когда-то обож-

жена. И лиловый след ожога придавал лицу старика странное выражение.

— Дедушка! — Рита схватила Санчо за руку и подвела к старику. — Это — Санчо. Я тебе рассказывала...

Старик протянул мальчику руку.

— Здравствуйте! — Санчо шаркнул ножкой. — Вы были война? Мой дедушка тоже война... Испания... Но пассаран!

Старик внимательно выслушал Санчо.

— Я воевал в Испании, — сказал он. — В те годы все порядочные люди стремились в Испанию, помочь своим братьям.

— Братьям! — согласился Санчо. — Моего дедушку звали Хуан-Мария Родригес. Вы не встречали его? Он играл... банджо и пел о борьбе и свободе...

Ритин дедушка покачал головой. Потом спросил:

— Он вернулся?

— Да!.. Но потом хунта... фашисты...

— Твой дедушка был настоящим бойцом, — сказал старик и еще раз пожал руку Санчо, словно тот был внуком его друга.

В комнату вошел высокий военный с ровными светлыми волосами рано поседевшего человека.

— Познакомь меня со своим заморским другом, — сказал он Рите. — Санчо? Тебя звать Санчо? — Он подошел к Санчо и положил ему руку на плечо. — Неплохая из нас получается пара: Санчо Панса и Дон Кихот. Правда, похожи?

Все вдруг повеселели, засмеялись.

Потом гости сели к столу. И начался пир. Ребята заняли одну часть стола и как бы отделились от взрослых. У них были свои разговоры, свои шутки и смешки. Взрослые жили своей взрослой жизнью.

Санчо все было в диковинку. Он почти ничего не ел и брался за вилку только тогда, когда Рита командовала:

— Ешь!

Время от времени Санчо поглядывал в угол комнаты, где, прислонясь к стене, стоял пропеллер погибшего самолета с черными следами огня на серебристых лопастях. Рядом висел портрет военного летчика, и Санчо все старался найти его среди взрослых. Спросить же у Риты, который ее Па, он не решался.

Рядом с пропеллером, на серванте, стоял подарок Санчо, и от этого соседства он как бы переставал быть игрушкой, а превращался в настоящий космический корабль. Только маленького размера.

— Как поживает желтый змей? — неожиданно спросил Шурик.

— О! Он ждет лета, — отозвался Санчо. — Где взять водные лыжи?

— Раздобудем, — сухо сказал Абрикос.

— Как интересно! — воскликнула Алиса.

Ребята ели и шушукались, как заговорщики. Они не хотели доверять свои тайны взрослым.

Потом в руках у высокого военного появилась гитара. И он запел песню о летчике, который не вернулся на базу:

Горячий след остыл под облаками,
Осталось небо где-то высоко.
И летчик обгоревшими руками
Родную землю обнял широко.

Над ним восходит огненная трасса,
Он на крови лежит, как на заре,
И кажется, он возвращался с Марса
И в атмосфере, как звезда, сгорел...

Санчо слушал эту грустную военную песню, и ему казалось, что поют про его дедушку, хотя он не был летчиком, а просто играл на банджо...

Когда ужин кончился и гости вышли из-за стола, Санчо задержался у пропеллера и дотронулся до него рукой.

— Как хорошо быть... летчиком,— сказал он и вдруг заметил, что Рита внимательно смотрит на него.— А ты кем... хочешь быть, Рита? Манекенщицей?

Девочка покачала головой.

— Тогда... диктор телевизион? — гадал Санчо.— У нас все девочки... в колледже мечтают о телевизион...

— Я хочу летать! — неожиданно сказала Рита.

— Ты хочешь стать... стюардесса? — наконец-то Санчо угадал.

Но Рита недовольно повела плечами.

— Я хочу испытывать самолеты. А ты?

В комнате уже никого не было. Санчо тревожно посмотрел в глаза подруге, потом прижался щекой к холодному винту погибшего самолета и сказал:

— Па говорит, надо мечтать о реальном... Может быть, я стану совладельцем компании.

— Ты хочешь стать капиталистом? — в упор спросила Рита.— У тебя нет своей мечты?

— Я тоже... хотел летать,— после некоторого раздумья сказал Санчо.— Но у нас стать летчиком почти невозможно, а испытывать самолеты... У нас нет своих самолетов... Мы покупаем уже испытанные...

Санчо совсем загрустил. Тогда Рита подошла к нему и весело сказала:

— Не вешай нос, Санчо! Может быть, ты станешь летчиком!

Она включила игрушечный космический корабль. И сразу вспыхнуло пламя, раздался рокот, ракета затряслась, и в иллюминаторах зажглись разноцветные сигнальные огни.

8

В этот вечер Санчо долго не мог уснуть. Уже за окном все реже звучали шаги прохожих и до центра стали долетать гудки поездов. А Санчо все лежал с открытыми глазами, и перед ним, как на экране, воз-

никали картины Ритиногo дня рождения. Он видел лица ребят. Слышал их голоса. Ощущал запахи угощения. Он чувствовал на щеке таинственный холодок пропеллера, обгоревшего и надломленного, словно только что побывавшего в бою.

Санчо показалось, что он слышит тихие звуки гитары и голос высокого военного, «Дон Кихота», который поет грустную песню о летчике, не вернувшемся на базу. Он слышал песню так ясно, словно она звучала где-то рядом. Санчо открыл глаза и сел. Песня продолжала звучать. Она доносилась из соседней комнаты. Мальчик на цыпочках подошел к двери, ведущей в кабинет Па, и легонько приоткрыл ее. Песня зазвучала громче:

...Чтоб заменить погасшую звезду.

И, с громом набирая высоту,

Умчалась ввысь родная эскадрилья,

Друзья шинелью летчика покрыли.

Санчо стоял перед дверью в одной рубашке, а знакомая песня звучала так близко, будто дверь из его комнаты вела не в отцовский кабинет, а в столовую, где сидели Ритины гости.

Санчо заглянул внутрь. Он увидел круглую спину сеньора Крэдо, крест-накрест перечеркнутую тонкими подтяжками. В черных вьющихся волосах поблескивала розовая лысина. Перед гостем с родины стоял радиоприемник. Может быть, песню передают по радио?

Но в это время песня кончилась, и в приемнике зазвучали знакомые голоса. Санчо узнал голос Ритиногo деда, и высокого военного, и самой Риты. И ему стало нестерпимо стыдно, словно он стоит перед чужой дверью и тайком подслушивает чужой разговор. Нет, подслушивает не он, а гость с родины. Он проник в Ритин дом, запустил туда свои буравчики. Как он смеет?! Санчо с силой распахнул дверь отцовского кабинета:

— Сеньор Крэдо!

Гость вздрогнул, пригнулся, словно в ожидании удара, и медленно повернул голову. Он увидел Санчо, и лицо его побелело.

С легкостью, поразительной для толстого человека, он подскочил к Санчо. Захлопнул дверь и два раза повернул в замке ключ.

Санчо продолжал стоять перед закрытой дверью, не зная, что ему делать. Его мысль работала трудно и напряженно. Надо что-то делать! Надо предупредить Риту! Надо заставить замолчать приемник сеньора Крэдо!

И вдруг Санчо вспомнил о маленьком космическом корабле, который он подарил Рите. О корабле, который стоял рядом с пропеллером самолета, погибшего в трудных испытаниях. Этот корабль принес сеньор Крэдо... Круглая спина, розовая лысина, приемник, повторяющий все, что происходило в Ритином доме...

Нет! Это не гордый космический корабль, а корабль-шпион, корабль-предатель!..

Санчо повернулся спиной к закрытой двери. Подошел к постели и быстро стал одеваться.

Он выбежал из дома и помчался по улице, забыв застегнуть куртку. Он бежал мимо знакомых домов и перекрестков, мимо погасших витрин и уснувших светофоров. А откуда-то из-за города ветер доносил крепкий настой земли, похожий на запах теплого хлеба. И на деревьях, погруженных во тьму, набухали почки, готовясь к зеленому салюту. Но Санчо не чувствовал притаившейся весны. Он бежал, а в ушах звучала гитара и голос военного пел песню о летчике, не вернувшемся на базу. Сейчас Санчо шел в бой. И может быть, он тоже не вернется, погибнет в скрытом бою, который ведет сеньор Крэдо: он знает, что Ритин папа испытывает самолеты, и он послал в Ритин дом своего помощника-невидимку. Надо спе-

шить, чтобы в Ритином доме не сказали чего-то важного, что не должен знать гость с родины... Скорей! Скорей!

Санчо вспомнил Дегу. Большую, сильную овчарку, которая теплым языком лизала ему щеку, когда он лежал на снегу с вывихнутой ногой. Ему захотелось крикнуть, как Шурик: «Дега, ко мне!» Ведь Дега умеет не только лизать щеку, но и брать след врага. Так и пусть она прибежит и возьмет след сеньора Крэдо. Пусть!

Санчо бежал не останавливаясь до тех пор, пока перед ним не возникли каменные бородачи, поддерживающие балкон.

Сеньор Крэдо услышал в приемнике звонок.

«Кто это?» — спросил один голос.

«Запоздалый гость», — отозвался другой.

«Да нет. Наверное, поздравительная телеграмма!»

И вдруг тревожный женский голос спросил:

«Санчо! Что случилось? На тебе нет лица! Тебя кто-нибудь обидел?»

Еще сеньор Крэдо услышал учащенное дыхание мальчика, который ничего не говорил, только громко дышал.

Потом раздался страшный треск. И все умолкло.

Напрасно сеньор Крэдо вертел какие-то рукоятки. Приемник молчал. Потом вновь зазвучали обрывки голосов, музыки, позывные, но не те, что нужны были представителю компании по продаже бананов.

Гость с родины вдруг понял, что произошло. Он быстро подошел к двери и открыл ее.

Санчо в комнате не было. Гость опустился на постель мальчика и взялся руками за голову.

Санчо стоял посреди комнаты, а у его ног валялся разбитый космический корабль. Блестящая обшивка была смята. Цветные стекла сигнальных огней разбиты. Из сопла торчал какой-то провод...

— Санчо, что это значит? Объясни!

Рита стояла рядом со своим маленьким другом и тянула его за руку.

— Он... гость... слушает... — пробормотал мальчик.

— Какой гость? Почему ты разбил подарок?

— Этот подарок... шпион!

— Шпион?

Рита испуганно смотрела на Санчо. Военный наклонился, поднял с пола потерпевший аварию космический корабль и достал из кармана нож.

— Вот оно что! — сказал он и стал разбирать злосчастную игрушку.

— Он приехал... он дал мне этот... подарок... Он все слушает!

От фраз оставались одни осколки, но все, кто был в комнате, понимали Санчо.

— Бой продолжается, — тихо сказал Ритин дедушка.

— Теперь меня... нет. Моего Па прогонят из компании.

Санчо повернулся и встретился глазами с Ритой. Его подруга стояла рядом и внимательно смотрела на него. Санчо думал прочесть в ее глазах упрек, но прочел в них совсем иное. Серо-голубые глаза Риты горели какой-то странной тревогой. Точно так же они горели там, на заснеженной железнодорожной насыпи, когда Санчо, чтобы доказать, что он не трус, выхватил банку с манго из-под колес мчащегося локомотива.

— Ты настоящий друг! — тихо сказала Рита.

— Правда?

— Правда.

Санчо с благодарностью посмотрел на свою подругу. Она поверила ему в эту трудную минуту, как поверила, что он не трус, когда он из-под колес локомотива выхватил банку с соком манго. Как важно, чтобы друзья верили в тебя! Тогда не так страшно!

В это время военный закончил разборку игрушки.

— Вот микропередатчик! — сказал он и протянул ладонь, на которой лежала маленькая, аккуратно запаянная капсула. — Он соображает, этот сеньор Крэдо! Только что он хотел узнать в этом доме?

— Ритин Па испытывает самолеты, — сказал Санчо, глядя на портрет военного летчика, который висел на стене рядом с обгоревшим пропеллером.

— Это не папа! — воскликнула Рита. — Это дедушка!.. Дедушка, Санчо принял тебя за папу... Мой папа моряк, он сейчас далеко отсюда.

— А я думал, это он, — сказал Санчо и вдруг засмеялся: — И сеньор Крэдо думал... это он.

— Опоздал твой сеньор... лет этак на двадцать, — сказал Ритин дедушка и тоже засмеялся. Потом он перестал смеяться и сказал: — Твой дед погиб от пули фашиста. Ты очень похож на своего деда.

— Правда? — Лицо мальчика просветлело. — Похож?

А в это время в доме Санчо все были в смятении. Па и Ма стояли в дверях комнаты Санчо. Они видели пустую постель и гостя, который сидел на постели, подперев голову руками.

— Где Санчо, сеньор Крэдо?

— Санчо? — Гость поднял голову. — Я могу вам совершенно точно сказать, где ваш сын. Он пошел предавать своего гостя и... хозяина.

— Как — предавать? Разве вас можно предать? — спросил Па.

— Можно! Можно! И это делает ваш сын, Родригес! Садитесь, будем ждать!

— Возвращения Санчо? — спросил Па, послушно опускаясь на кровать.

— Нет. Сейчас позвонят в дверь. Войдут три строгих господина и предъявят мне ордер на арест.

— За что... арест?

— За сбор разведывательных данных...

— Вы?.. — Отец поднялся с постели. — Вы... сбор разведывательных данных?

— Какая гадость! — вздохнула мама.

Сеньор Крэдо как ужаленный подскочил с постели и устался на маму своими холодными сверлящими глазами.

— А вы? Вы есть хотите? Иметь квартиру? Покупать меха?

— Не надо мехов, — прошептала Ма, — ничего нам не надо!

— А интересы родины, — вдруг патетически воскликнул гость, — разве не важно знать результаты испытаний новых сверхзвуковых машин?

— Зачем нашей родине секреты сверхзвуковых аэропланов, — тихо сказал Па, — если у нас не строят даже обыкновенных почтовых самолетов?

— Родригес! Не забываетесь! Вы еще мой служащий. Меньше рассуждайте! Меньше рассуждайте! И стыдитесь за своего сына!

— Я горжусь им, — тихо сказала Ма и умолкла под тяжелым взглядом гостя с родины.

Ах этот злосчастный подарок! Космический корабль, потерпевший такое неожиданное и позорное крушение. Разбитый, смятый, утративший былой блеск, он должен был бы закончить свой путь на свалке, в грудe металлолома, собранного пионерами для строительства колонны тракторов. Но перед этим он совершил свой последний перелет и очутился на столе одного из ответственных сотрудников министерства. Он лежал на стекле безжизненный и поблекший, а рядом с ним поблескивал навсегда умолкший микропередатчик — маленькая металлическая капсула.

Этот игрушечный корабль-шпион сейчас стал свидетелем обвинения.

— Вам знакома эта игрушка, господин Крэдо?

— Знакома, — коротко ответил совладелец банановой компании.

— Вы понимаете, что статут коммерсанта несовместим с той деятельностью, которой вы занимались в Советском Союзе?

Господин Крэдо посмотрел на «игрушку» и коротко сказал:

— Понимаю!

— Ставим вас в известность, что вы выдворяетесь за пределы нашей страны... Ваше представительство закрывается. Пожалуйста, распишитесь под этим документом.

Сеньор Крэдо достал из кармана ручку и склонился над столом, чтобы подписать документ. Его взгляд упал на капсулу, и ему показалось, что маленький передатчик включен, что он ведет передачу на весь мир и весь мир узнает о его позоре.

— Я могу быть свободен?

— Да. Поторопитесь с отъездом. В России любят бананы, но только без этого принудительного ассортимента.

Сотрудник министерства кивнул на капсулу.

Сеньор Крэдо поклонился и пошел к выходу.

В этот день Санчо пришел в школу печальный. Он сидел на парте, опустив голову, невнимательно слушал урок и ни с кем не разговаривал. Только на перемене, очутившись в кругу своих друзей, он сказал:

— Я уезжаю... Сеньора Крэда — вон! И нас тоже...

— Санчо, не уезжай! — воскликнул Шурик.

— Ты надолго? — спросила Рита.

— Не знаю, — вздохнул Санчо. — Будь проклят этот сеньор Крэдо! Ма говорит, он друг Лысого генерала, главы хунты.

— Лысый генерал... — усмехнулся Шурик.

— Говорят, его люди убили дедушку, — пояснил Санчо.

Ребята топтались на месте. Не знали, как утешить своего друга.

И вдруг Санчо сказал:

— У меня есть просьба... Я очень прошу. Примите меня в пионеры.

Ребята переглянулись.

— Может быть, иностранцев нельзя принимать в пионеры? — спросил Абрикос.

— Но Санчо наш друг! — твердо сказал Шурик. — Он настоящий друг.

Тогда Рита предложила:

— Ребята, давайте примем Санчо в пионеры тайно.

— И у себя на родине я тайно буду носить красный галстук под рубашкой. Клянусь вам, я буду хорошим пионером. Я буду бороться с Лысым генералом, с фашистами...

В этот день на груди Санчо появился красный галстук.

Когда люди уезжают навсегда, их дом становится похожим на вокзал: появляются тюки, чемоданы, свертки. Обычный заведенный порядок сметается торопливостью и суетой. Становится тесно и неудобно. Все мешают друг другу, сердятся друг на друга. Все кричат:

— Скорей, скорей, а то опоздаем!

— Куда девались мои туфли? Они только что стояли здесь!

Нет туфель! В момент отъезда вещи поминутно исчезают, словно обретают способность передвигаться и прятаться.

— Мои учебники только что лежали здесь... Ма, где мои русские учебники?

— Боюсь, что они тебе больше не понадобятся!

— Понадобятся! Я вернусь в Россию! У меня здесь друзья!

В дверях появляется мрачный Па и говорит:

— Забудь о России и о своих друзьях, сынок! Готовься к серьезному изучению бухгалтерии! Ты будешь приказчиком в компании... не больше!

— Я хочу испытывать самолеты! — ответил Санчо. — Я хочу летать!

— Летать? Тебе теперь нужно думать о куске хлеба, а не о полетах. По-моему, мы лишились куска хлеба!

— Разве хлеб зарабатывают только обманом? — спросил Санчо.

— Каждый зарабатывает как умеет, — сказал Па. — По крайней мере, мы будем зарабатывать его честно.

Ма молча укладывала в большой чемодан свои платья. На ней был черный платок, как во время траура.

— Собирайся, Санчо, — тихо сказала она. — Через час придет машина...

Уже все вещи были собраны и уложены, и только на шкафу сиротливо лежал желтый змей. Он как бы чувствовал, что хозяин уезжает и не собирается брать его с собой. Зеленые глаза змея смотрели печально.

Санчо увидел змея. Он подставил к шкафу стул и снял его оттуда. Змей был очень большой и в то же время очень легкий, словно, лежа в бездействии, высох.

Санчо взял змея и пошел к двери.

— Ты куда? — спросила Ма.

— Я сейчас вернусь, — ответил Санчо.

Он шел по городу с желтым змеем, и все прохожие обращали на него внимание. Каждый норовил бросить колкое словечко, а встречные ребята обязательно хотели потрогать его. Упругий ветерок касался бумажных крыльев, и они вздрагивали, словно хотели взлететь, да не хватало сил.

В последний раз Санчо остановился у дома с каменными бородачками, в последний раз вдохнул в себя вкусный запах русского теплого хлеба.

Он позвонил. Дверь ему открыла Рита.

— Санчо? Ты один?

— Я со змеем, — ответил мальчик и кивнул на своего желтого спутника.

— Заходите... оба.

Санчо вошел и внес змея.

— Он тебя бил, — спросила Рита, — сеньор шпион?

Санчо молчал.

— Он тебя больно бил?

— Нет... Его нет... — наконец ответил мальчик. — Но Крэдо сказал, что я изменник. Рита, разве я изменник?

— Ты не изменник, Санчо. Ты... ты... — Она задумалась, подыскивая подходящее слово. Наконец нашла его: — Ты благородный человек... как Дон Кихот!

— Дон Кихот был верным другом. Правда, Рита?

— Да, Санчо. Ты уезжаешь?

— Через час придет машина.

— Я так и знала.

— Я вырасту и вернусь.

— Обязательно возвращайся. Ты был верным другом.

— Я всегда буду твоим верным другом... У вас в стране можно выучиться на летчика?

— У нас со всего мира учатся на летчиков.

— Правда?

— Правда, Санчо.

— Но я, наверное, никогда не буду богатым... Отец говорит, чтобы я готовился изучать бухгалтерию... Я буду приказчиком в банановой компании... Я не хочу быть приказчиком! Не хочу компании!

— Долой банановую компанию! — повторила Рита и сказала: — Бери змея, идем!

Она привела Санчо в комнату, где в углу, прислонясь к стене, стоял обожженный, надломленный винт погибшего самолета.

— Твой змей будет храниться здесь... рядом с пропеллером. Ведь он тоже летал! Твой змей честный! Он не предаст!

— Он не предаст, как та ракета! Я его сам делал!

— Давай позовем Шурика с собакой Дегой... Пусть он найдет сеньора шпиона. Он давно мечтает..

— Пусть, Рита! А теперь мне пора.

— Я провожу тебя.

Па ходил по комнате, натываясь на свертки и чемоданы. Он сердился.

— Где наш сын, Анна?

— Наш сын... — вздохнула Ма, — он сейчас придет... Потерпи!

— Я могу потерпеть, но компания «Пан-Америкэн» не пожелает терпеть и задерживать рейс.

Сеньор Родригес подошел к окну и увидел своего сына. Санчо шел по улице окруженный друзьями и казался похожим на них, хотя у него было смуглое лицо и черные волосы. В походке Санчо появилась какая-то мужская твердость, которой родители раньше не замечали.

— Как он повзрослел! — сказала Ма.

Рядом с Санчо бежала собака — большая овчарка с черным чепраком на спине.

Когда летишь на большой высоте, не чувствуешь движения, хотя самолет мчится с ракетной скоростью. И конечно, не чувствуешь холода, хотя температура за бортом ниже, чем на Северном полюсе.

Стюардесса, строгая и подтянутая, катит по проходу тележку с напитками и уже в который раз предлагает:

— Джин, виски, кока-кола, джюс...

Санчо не слышит голоса стюардессы. Он не хочет пить. Он вообще ничего не хочет. Он смотрит в круглое окошко — как хорошо, что нет сплошных облаков! — в сиреновой дымке видит землю, которую ему

так не хочется покидать. Он пытается отыскать озеро, по которому зимой мчался на лыжах. Но внизу столько озер, разве отличишь одно от другого?

И вдруг стюардесса объявляет:

— Мы покидаем воздушные пределы Советского Союза.

Санчо вздрагивает, как будто случайно касается оголенных проводов. Он сильней прижимается к круглому стеклу и сплющивает нос. И ему кажется, что за бортом, рядом с самолетом, летит желтый змей. Он смотрит зелеными глазами и передает последнее «прости». И от змея к земле тянется живая жилка, и ее внизу, на земле, крепко держат его друзья. Эта жилка проходит через сердце Санчо и никогда не порвется.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВИВА САНЧО!

В сероватом небе стояло обжигающее расплавленное солнце, а на море бушевал шторм. Тяжелые волны вырастали на глазах и вдруг надламывались и с грохотом падали на плотный песок пляжа. Змейки воды доползали почти до самых пальм, которые качались, как мачты корабля, и махали зелеными крыловидными ветвями.

Одна волна падала, на смену ей поднималась другая, и снова земля вздрагивала от тяжелого удара воды.

Санчо шагал по пустынному пляжу, и ветер бросал ему в лицо соленые брызги. На голове у Санчо было широкополое сомбреро, которое ветер давно бы сорвал и укатил колесом, если бы не тесемки, завязанные под подбородком. На нем была рубаха, застегнутая под самое горло, хотя пекло солнце, короткие

шорты из потертой кожи, сандалии, оставляющие на плотном песке вафельные следы. Санчо слизывал с губ соленые брызги и смотрел под ноги, где на песке лежали выброшенные морем ракушки.

Вдруг его внимание привлекли два человека, которые как бы танцевали на высоких движущихся волнах. Их бронзовые тела оттеняли белые набедренные повязки. А под ногами у этих морских акробатов сверкали зыбкие дощечки-плотики. На этих плотиках они то съезжали с волны, как со снежной горки, то, наперекор всему, взлетали ввысь и, балансируя руками, качались на гребне. Эти два человека были сродни дельфинам, и волны не могли их сбросить, накрыть, подмять под себя.

Санчо долго наблюдал за двумя смельчаками. И каждый раз ему казалось, что сейчас один из них сорвется и его раздавит огромная падающая волна. Но происходило что-то необъяснимое — укротитель волн выворачивался, ловко увертывался от удара и внезапно оказывался на спине у следующей волны.

— Эго-го! — радостно и громко крикнул мальчик, но его приветствие заглушил грохот волн.

Санчо зашагал в сторону мыса, где волны были послабее. Но неожиданно до него донеслись звуки гитары и мелодия песни, которую пели несколько голосов. Мальчик прислушался.

Шаги перемешаны с пылью,

И солнце пылает, как медь.

У пальмы зеленые крылья,

Но пальма не может взлететь.

Он узнал песню. Песню его дедушки. Запрещенную песню, которую нельзя было петь открыто на улице или в баре. Санчо повернулся и увидел нескольких парней, которые сидели на песке и пели. Только один из них стоял, склоняясь над гитарой.

Сперва поющие не замечали мальчика. Но вдруг кто-то крикнул:

— Стойте! Мы не одни!

Гитарист сразу прикрыл ладонью струны. Парни замолчали. Все повернулись в сторону Санчо.

Некоторое время они сидели неподвижно и смотрели на Санчо, а Санчо смотрел на них.

Вдруг за его спиной появился один из укротителей волн. У него были мокрые вьющиеся волосы, а под мышкой он держал свой плотик.

— Ты что здесь делаешь?

Санчо пожал плечами.

— Следишь за нами?

Парень бросил на песок плотик и схватил Санчо за грудки:

— Говори, кто тебя послал? Кто тебе велел следить за нами?

— Я гулял здесь...

С горячего песка поднялись остальные ребята и подошли к Санчо.

— Вы слышали: он гулял здесь! — с усмешкой сказал парень, еще крепче сжав в кулаке рубашку мальчика.

— Ври складнее! — посоветовал парень с гитарой.

А тот, что держал Санчо, вдруг с силой толкнул его, и Санчо упал на песок.

— Я не вру! — сказал Санчо, вытирая с лица песок.

— Да что с ним разговаривать! Врежь ему как следует. Будет знать, как шпионить.

— Я не шпион! — выкрикнул Санчо и встал. — Мой дед Хуан-Мария!

— Его дед Хуан-Мария! Ну, что из того, что твой дед Хуан-Мария?

— Вы поете его песню... Его убил Лысый генерал.

Ребята переглянулись.

— Чем ты докажешь? — спросил парень с вьющимися волосами.

Санчо молчал. И тут гитарист сказал:

— Я знал Хуан-Мария. Его действительно убили

люди Лысого генерала, но ты-то здесь при чем, щенок?

— Он хочет запутать нас! — закричали остальные. — Его прислали шпионить, вот он и выкручивается. Всыпать ему как следует!

— Я ненавижу Лысого генерала! — крикнул Санчо.

— Чем ты докажешь? — повторил парень с вьющимися волосами и снова схватил Санчо за рубаху.

Мальчик промолчал. Потом сказал:

— Отпусти рубаху! Я... докажу.

— Отпусти его, Боливар! Посмотрим, как он докажет!

Рука на груди мальчика разжалась. Санчо стал медленно расстегивать рубашку. И вдруг все увидели — на груди у мальчика, прямо на теле, пламени пионерский галстук.

— Я — пионер, — сказал Санчо. — Меня приняли в пионеры в Советском Союзе. Я дал клятву никогда не снимать этот галстук.

Все окружавшие Санчо притихли. Круг сжался теснее. Всем хотелось посмотреть, потрогать руками алый пионерский галстук, который раздувал ветер с моря. И все одобрительно кивали головами.

— Как тебя звать? — миролюбиво спросил парень, который первым подошел к Санчо.

— Санчо. Санчо Родригес.

— Меня зовут Боливар. — Парень протянул Санчо руку. — Меня всегда можно найти в баре «Глория». Будем друзьями. Смерть Лысому генералу!

Парень поднес к плечу сжатый кулак, и все его друзья, как по команде, тоже поднесли к плечу сжатый кулак.

В классе стоял полумрак: жалюзи были опущены, преграждая путь обжигающим лучам солнца. Под потолком бесшумно вращались два пропеллера, разго-

няя теплый тягучий воздух, словно над головами учеников летел бесшумный самолет. Но ни жалюзи, ни вентиляторы не могли побороть изнурительного зноя, который пробивался сквозь все преграды и заполнял класс.

Сморившиеся, полусонные дети изо всех сил старались делать вид, что внимательно слушают сеньора учителя, который, как прикованный цепью, взад-вперед ходил у доски, не глядя на класс. Казалось, стоит ему присесть, и он тут же заснет, уронив голову на грудь.

Шел урок географии. На доске висела карта с двумя кругами полушарий, похожих на огромные очки с голубыми стеклами. Кто смотрел сквозь эти очки на мальчиков, заполнивших класс?

— Алдан Бланко! — вдруг сказал учитель, поворачиваясь к классу, но не переставая ходить. — Алдан Бланко, выйди к доске и расскажи нам о России.

— Эй, Кокос, — зашептали ребята, — хватит спать, тебя к доске.

Алдан Бланко поднялся и выкатил на учителя глаза. Густые, давно не стриженные волосы и впрямь делали его похожим на кокосовый орех.

— Ты что, спишь? — спросил его учитель.

— Что вы, сеньор учитель, как можно спать на уроке?

— Тогда подойди к доске, найди на карте Россию и расскажи нам об этой стране. А мы послушаем тебя.

Кокос медленно зашагал к доске. Он остановился перед полушариями, сиюсь разыскать на карте страну Россию.

— Тебе что, плохо видно? — спросил учитель.

Класс захихикал.

— Вот... Россия, — сказал Кокос и ткнул указкой в Уральский хребет.

Учитель остановился и посмотрел на карту.

— Разве тебе не известно, что Россия огромная страна? — сказал он. — А у тебя она уместилась в точке. Покажи границы России.

— Границы? — повторил Кокос. — А здесь нет... границ.

— Но ты должен знать хотя бы приблизительно.

— Приблизительно? Вот так... — Кокос сделал указкой круг по карте.

— Даже приблизительно не знаешь. Ну хорошо, может быть, ты расскажешь нам о России? Учебник читал?

— Читал. Клянусь мадонной!

— Оставь в покое мадонну. Рассказывай, рассказывай.

Кокос тяжело вздохнул. Стер ладонью со лба пот и начал:

— Россия большая, полудикая страна, без законного правителя.

— Та-ак, продолжай!

— В России люди живут в трущобах, а по улицам городов ходят медведи.

В это время в классе раздался смех. Все оглянулись — смеялся Санчо. Он сидел за партой и заливался смехом.

— Санчо Родригес! — строго прикрикнул учитель.

Санчо встал.

— Почему ты смеешься, Санчо?

— Потому что Кокос говорит чушь.

— Я в учебнике читал, — пробурчал Кокос. — Я учил.

— По-твоему, Санчо, в учебнике написана чушь? С каких пор в учебниках стали писать чушь? — строго спросил учитель.

— Я не знаю, с каких пор, — ответил Санчо, — но в России по улицам ездят автомобили, а медведей я не встречал. Тигров я видел... в зоологическом саду...

— Вздор! — прервал мальчика учитель. — Меня не интересует, где ты был и что ты видел. Продолжай, пожалуйста, Алдан Бланко.

— В России много природных богатств, но народ, не умеющий ими пользоваться, живет в нищете. Не каждый русский знает, что такое холодильник или телевизор.

Санчо снова вскочил с места:

— Да врет он, сеньор учитель. Между прочим, в русских школах все дети учатся бесплатно.

— В каком учебнике ты это вычитал? — строго спросил учитель.

— Я не вычитал, сеньор учитель, я каждый день ходил в школу, а денег не платил.

Учитель вдруг оторвался от доски и зашагал к Санчо.

— И любой парень, если захочет может стать летчиком или космонавтом.

— Лжешь! — крикнул учитель.

— Клянусь мадонной! — горячо сказал Санчо.

— Это агитация! Ты понимаешь, что такое агитация?

— Нет, — признался Санчо.

— Так знай: агитация — это когда говорят то, что не желает слышать его светлость президент! — задыхаясь от возбуждения, прокричал учитель и протянул руку к портрету, который висел над доской. — Изволь замолчать! Сядь! И ты, Алдан Бланко, сядь. Я ставлю тебе четверку.

— Благодарю вас, сеньор учитель, — радостно сказал Кокос и чуть ли не бегом направился к своей парте.

Некоторое время учитель расхаживал перед классом, не зная, что ему еще предпринять. Потом его вдруг осенила мысль, и он сказал:

— Санчо Родригес, возьми учебник и подойди ко мне.

Санчо исполнил распоряжение учителя.

— Теперь читай вслух отсюда. — Учитель показал пальцем, откуда следует читать.

Санчо взял учебник в руки и стал читать:

— «Россия — одна из самых больших держав мира. Она простирается от Балтийского моря до Тихого океана, от Памира до Новой Земли... Россия отсталая страна с тотальным режимом, который тормозит...»

В этом месте Санчо чихнул. Сделал он это так гулко и при этом соорудил такую рожу, что класс засмеялся.

Класс смеялся. Санчо чихал.

— Будешь ты читать или нет? — не выдержал учитель.

— Сеньор учитель, — взмолился Санчо, — ап-чхи! Сеньор учитель, ап-чхи! Я не могу, ап-чхи!

— Все! Хватит! На место! — вышел из себя учитель.

А Санчо под дружный хохот класса чихал и чихал, закрывая лицо учебником географии.

На зеленой лужайке, перед старинным зданием колледжа, построились мальчики в полосатых майках и белых коротких трусах — Санчо и его друзья. Справа, держа под мышкой вытянутый, как дыня, мяч, стоял Санчо. Он переступал с ноги на ногу, еле сдерживая нетерпение, чтобы не броситься в бой. Рядом с ним стоял высокий светловолосый Винсенто. Он слегка сутулился и делал над собой усилие, чтобы держаться прямо. Откровенно говоря, вид у него был слишком добродушный для настоящего бойца. Зато Пабло Реверо, широкоплечий, плотный, с едва заметным пушком на щеках, занял позицию боксера, и его серые поблескивающие глаза напряженно смотрели в сторону ворот противника. Следующим в строю стоял Алдан Бланко, он же Кокос. Руки он держал за спиной, а ободранные коленки свидетельствовали о том, что Кокосу нередко приходилось падать и не всегда

под ногами оказывалась мягкая трава. Замыкал строй самый маленький смуглолицый мальчик с умными, внимательными глазами и коротко подстриженными волосами — Андерс Рок. Он щурился от солнца и подпрыгивал на месте — уже приступил к разминке.

Напротив стояла команда в клетчатых майках, на которых вполне можно было сыграть в шахматы.

Судья — сеньор учитель физкультуры, — седой, с впалыми щеками, неторопливо поднес к губам свисток. Мяч взлетел. И мальчики стремительно бросились вперед, словно каждого привела в движение пущенная ракета.

Маленький, верткий Андерс Рок подхватил мяч дыню, но не успел сделать несколько прыжков, как его догнала вся ватага. И мгновенно на зеленой траве образовалась куча мала. Эта многоногая, многорукая, многоголовая куча дышала, опускалась и поднималась, двигалась, шумела.

И вдруг из-под чьих-то ног показался Андерс. Он выбрался из кучи и, прижав к животу мяч, бросился бежать к воротам противника.

— Эй! Эй! Эй! — забеспокоился вратарь.

Куча мгновенно распалась. Все устремились за обладателем мяча.

— Беги, Андерс! Беги! — кричал Санчо, поспевая за товарищем.

— Не промахнись, Андерс! — кричал Кокос.

— Держи его! Догоняй и держи! — кричали клетчатые майки.

И вот уже несколько человек приблизились к Андерсу. Потянулись руки, чтобы схватить его и отнять мяч. Но мальчик ловко вывернулся, потом сделал отчаянный прыжок и запустил мяч в ворота, похожие на огромную букву «Н».

Ребята зашумели и принялись обнимать маленького победителя. А тот, отмахиваясь от поздравлений, бежал к центру поля, прыгая то на одной, то на другой ноге.

И снова началась игра. Стоило кому-то завладеть мячом, как на него сразу наваливалась вся команда противника. Кто-то падал, кто-то вырывал мяч, у кого-то у самого вырывали мяч. Кто-то, поднявшись с земли, начинал хромать и тут же, забывая о хромоте, устремлялся за всеми.

Регби — игра смелых. В регби испытываются воля и ловкость. В регби рождаются бойцы.

В какой-то момент мяч очутился в цепких руках Санчо. Рыжеволосый игрок в клетчатой майке прыгнул на него сзади и как бы оседлал. Но Санчо ловко сбросил седока на землю и устремился вперед. Ему наперерез бросились два игрока в клетчатых майках. Санчо сделал обманное движение, будто хотел отдать мяч. Но мяч остался у него в руках. Санчо удалось обвести защиту противника. До ворот уже оставалось метров пятнадцать, когда со стороны колледжа послышался хриловатый голос служителя:

— Санчо Родригес, к директору!

Санчо по инерции продолжал бежать.

— Санчо Родригес!

Мальчик оглянулся, и в то же мгновение у него выбили мяч.

Рядом закипел бой, но Санчо уже не принимал в нем участия. Он нехотя шел через поле к служителю, который ожидал его в дверях школы в форменном мундире, застегнутом на все пуговицы.

— Я помоюсь под душем, — сказал мальчик, проходя мимо служителя.

— Нет. Сеньор директор просил явиться прямо с поля.

Санчо вздохнул и побежал по лестнице на второй этаж.

Директор колледжа был маленького роста. Сидел же он в огромном старинном кресле с массивной резной спинкой, которая была выше его головы. А над головой директора висел портрет президента. На этом

портрете президент, прозванный в народе Лысым генералом, был одет в белый, расшитый позументами мундир с орденами, со шпагой и с широкой лентой через плечо. На голове у него красовалась военная фуражка, которая скрывала лысину. На портрете Лысый генерал казался высоким, на самом деле он был низкорослым, таким же, как сеньор директор. Директор сидел за столом черного дерева с резными ножками. Стол был большой и громоздкий. Видимо, маленькие люди любят большие вещи.

Директор был в темных очках, которые скрывали не только глаза, но и часть щек, и что-то писал, когда раздался стук. Дверь отворилась, и в кабинет вошел Санчо. Мальчик тяжело дышал, майка на нем была мокрой от пота, а трусы — в черных пятнах, следах падения.

— Как успехи, Санчо Родригес? — весело спросил директор.

— Один — ноль в нашу пользу, — ответил мальчик, переминаясь с ноги на ногу.

— Один — ноль, один — ноль, — повторил директор, — очень хорошо, мой друг! Ты можешь сесть.

Санчо сел на краешек стула.

— Скажи, пожалуйста, Санчо, — вкрадчивым голосом заговорил директор, — в России дети играют в регби?

Санчо покачал головой:

— В России играют в снежки и гоняют в футбол.

— И ты тоже гонял... в снежки?

— Гонял, — ответил Санчо.

— И бесплатно учился в школе?

— Да, сеньор директор.

— Разве твой отец так беден, что ты не платил за учение?

— Так все ребята бесплатно...

— Все, наверное, очень бедные. Но представителю нашей республики не к лицу...

— Я и обедал в школе. У них вкусные обеды, только горчица злая.

— Что это за злая сеньора? — спросил директор.

Санчо захихикал и опустил голову:

— Она сидит в банке! Желтая от злобы.

— Глупости!

Директор встал с места, с трудом отодвинул тяжелый стул и подошел к Санчо.

— Мой друг, я должен дать тебе полезный совет. Забудь все, что было в России. Там тебя обманывали...

— Меня никто... — начал было Санчо.

Но директор перебил его:

— Тебя обманывали. В учебниках пишут правду и только правду. Недаром учебники пропущены цензурой сеньора президента. В следующий раз постарайся отвечать по учебнику! Ты, кажется, заразился в России насморком. Бедный мальчик. Тебе придется поберечься и два месяца не играть в регби.

— Но, сеньор директор, насморк мне не мешает играть...

— Мне виднее, что чему мешает. Поэтому я и назначен директором колледжа. И мне вверены судьбы молодого поколения республики. До свидания, мой друг. Иди, иди...

Санчо медленно поплелся к двери.

— Кстати, как поживает твой отец, сеньор Родригес? — спросил его директор вдогонку.

— Он устраивается на работу, — ответил Санчо.

— Что-то долго он ищет работу, — сказал директор, усаживаясь в свое кресло, — а ведь у нас в республике нет безработных.

Санчо скрылся за дверью.

— Ищите себе другого капитана, — сказал Санчо, вместе с друзьями выходя на улицу.

— Это почему еще? — спросил Андерс Рок, который раньше всех хотел все знать.

— Директор запретил мне играть в регби.
— За что? — спросил Винсенто. — Что ты ему сделал?

— За географию, — отозвался Санчо, поддавая ногой пустой коробок, лежащий на тротуаре.

Ребята переглянулись. Они шли по тихой улице, засаженной деревьями, и размахивали своими кейсами.

Так все пятеро дошли до продавца мороженого.

— Пять! — сказал Кокос продавцу и поднял руку с растопыренными пальцами.

— Расщедрился Кокос! — усмехнулся Пабло и весело подмигнул товарищам.

Продавец в белой каскетке и длинном фартуке ловко наложил в бумажные пакеты ядовито-желтое мороженое.

Пад городом светило сильное солнце. Оно штурмовало город с неба, и город защищался. На окнах, как забрало, были опущены жалюзи, а над сверкающими витринами поднялись полотняные тенты, на которых большими буквами были написаны названия фирм: «Фейерстоун», «Вестингауз», «Форд», «Шервин Уильямс». Пешеходы держали над головами пестрые зонтики.

Но пешеходов было мало — в этот час люди отсиживались дома. И ребята шли в один ряд, во всю ширину тротуара, и дружно расправлялись с мороженым.

— А верно, что в учебнике все брехня? — спросил Андерс, заглядывая в лицо Санчо.

— Брехня... Клянусь мадонной! Нет в России никаких трущоб и медведей. И люди живут как люди. Даже еще лучше... Мои друзья были пионерами.

— А кто такие пионеры? — спросил Кокос.

— Это такие ребята, которые помогают взрослым бороться. Они во время войны ходили в разведку и били фашистов.

— Били фашистов? — оживился Пабло. — Вот здорово!

— Я тоже пионер, — неожиданно сказал Санчо. Друзья от удивления остановились.

— Ты? — спросил Винсенто.

— Я дал пионерскую клятву, и мне надели красный галстук.

— Врешь! — выпалил Пабло.

— Нет у тебя никакого красного галстука, — сказал Кокос. — Не вижу.

Санчо остановился. Отбросил кулек из-под мороженого и стал было расстегивать рубашку, но вдруг в конце улицы послышался тревожный вой сирены.

Этот вой заставил ребят оглянуться. Санчо торопливо застегнул рубашку. По мостовой, прижимая машины к тротуару, мчались мотоциклы с огненно-красными фарами.

— Президент, — сказал Кокос. — Президент едет!

А мимо ребят, с ревом и треском, уже мчались мотоциклы. На них сидели люди в кожаных костюмах и белых шлемах с гербом республики.

Они были вооружены, словно спешили в бой.

За мотоциклами следовали машины. Их было десять одинаковых машин. И в них сидели люди в одинаковой военной форме.

— Один из них — президент, — сказал Пабло.

— Интересно, который? — провожая глазами машины, спросил Санчо.

— Говорят, он маленький и ему подкладывают подушку, — доверительно сказал Андерс.

И все засмеялись.

— Почему он так прячется? — спросил Винсенто, широко раскрытыми глазами глядя вслед кортежу генерала.

— Он боится народа, — твердо сказал Санчо. И в это мгновение он был очень похож на своего деда Хуан-Марию.

Последняя машина скрылась за поворотом.

Санчо оглянулся. Сквозь зеркальное стекло витрины магазина на него смотрел Лысый генерал. Санчо показал ему язык и скомандовал друзьям:

— Пошли!

Мимо пробежала стайка маленьких мальчишек, которые выли во весь голос, подражая реву машин президента.

Они лежали на песке, и солнце пекло их и без того загорелые спины.

— А как звали твоего самого лучшего друга в России? — спросил Санчо худощавый Винсенто.

Санчо ответил не сразу. Он думал. Потом он сел на песок и посмотрел далеко в море, словно хотел разглядеть вдали ответ на вопрос Винсенто.

— Рита, — сказал Санчо.

— Рита! — повторил Винсенто.

— Он был смелым? — спросил Пабло.

Санчо утвердительно кивнул головой.

— И ты крепко с ним дружил?

— Мы вместе катались на лыжах. И мы еще сами построили воздушного змея. Я на нем летал.

— Врешь! Кто тебе поверит! — сказал Кокос, он вообще был недоверчивым. — Поклянись мадонной!

— Честное пионерское! — ответил Санчо. — Сперва я скользил на лыжах, а потом змей поднял меня над землей — и я полетел. Честное пионерское!

— Здорово! — воскликнул Винсенто. — Я нарисую тебя летящим на крыльях, как Икар.

— Санчо, — вдруг сказал Андерс, — может быть, тыстроишь еще такого змея и мы все летаем?

— В России мне помогали друзья.

— А мы что, не друзья? — обиделся Пабло. — Мы поможем.

И все ребята закричали:

— Мы поможем! Что нам стоит! Естественное дело!

Санчо внимательно посмотрел на своих товарищей и как бы невзначай произнес:

— Ребята, которые помогали мне в России, были пионерами.

Товарищи притихли. До них не сразу дошел смысл слов Санчо.

— Значит, мы не годимся? — разочарованно спросил Винсенто.

— Не подходим мы, — сказал Кокос, — ну и не надо.

И тут Санчо поднялся с песка.

— Вы подходите! Вы очень подходите. В регби не боитесь нападающих, смело бросаетесь на мяч. Ненавидите Лысого генерала. Но я хочу, чтобы вы помогали старшим в борьбе за свободу республики. И чтобы вы стали пионерами. А змея мы построим!

Ребята повскакали с земли и закричали:

— Мы будем пионерами. Мы готовы. Скажи, как это сделать.

Санчо ответил не сразу. Он прошелся по берегу. Потом подобрал камешек и закинул его далеко в море.

— Подумайте как следует. Хватит ли у вас сил для борьбы?..

И снова с грохотом разбиваются приливные волны. И снова появились два человека на маленьких плотиках, которые скользили по волнам легко и, как казалось, просто. Они не думали об опасности и, покорив одну волну, смело устремлялись навстречу новой.

Когда ребята ушли, на пляже, на морском песке, остался рисунок трехтрубного военного корабля. А чуть подальше большими буквами было написано имя лучшего друга Санчо — РИТА.

Волны разбивались о берег и ползли по песку к нарисованному кораблю, словно хотели подхватить его и унести в открытое море.

...Каждое утро сеньор Родригес выходил из дома и отправлялся на поиски работы. Ма провожала его до угла, поправляла галстук и чуть-чуть сдвигала набок светлую шляпу.

— Да поможет тебе мадонна, — говорила она, целуя мужа.

Он ничего не отвечал. Вздыхал и отправлялся в трудный путь. А Ма смотрела ему вслед, пока он не пропадал в толпе прохожих.

Сеньор Родригес входил в сверкающие стеклом и медью подъезды фирм, поднимался по мраморным лестницам, открывал тяжелые двери кабинетов.

— Мне известно, что вам требуется опытный коммерческий работник. Я рад буду предложить вам свои услуги, — говорил отец Санчо, прижимая к груди шляпу.

— Где вы работали до настоящего времени? — спрашивал очередной босс, внимательно разглядывая осунувшееся лицо Па.

— Я был представителем фирмы по продаже бананов в Советском Союзе.

— В Советском Союзе? — переспрашивал босс. — Как ваша фамилия?

— Родригес.

Босс молча смотрел ему в глаза.

— Родригес... Это не с вами была неприятная история? Я что-то читал в газетах.

— Да. Но это не имеет отношения к работе.

— Конечно, конечно, — соглашался босс. — Заходите через месяц, может быть, у нас откроется вакансия...

— Но вы же давали объявление!..

— Мы поторопились. Извините. Мое почтение.

Тяжелая дубовая дверь закрылась. И снова шумная улица, полная людей, которые куда-то спешат. Сеньору Родригесу казалось, что все эти люди счастливы, все имеют работу, только он один как бы выброшен из жизни.

И снова яркая вывеска фирмы. Белая лестница. Дубовая дверь. И разговор о его работе.

— Вы служили у сеньора Крэдо? Это очень уважаемый коммерсант! С вашего позволения, я справлюсь у него о ваших деловых качествах. У нашей фирмы такой порядок. Наведывайтесь, сеньор Родригес.

Па уходил, понимая, что сюда он может уже не навещаться. Неужели железная рука Крэдо закрыла перед ним все двери? Она действовала незримо, но твердо.

— Будь он проклят, этот Крэдо, — бормотал Па, шагая по улице. — Он выгнал меня из Союза, теперь хочет разделиться со мной на родине. Что же мне делать?

Зажглись огни, и кроны деревьев сливались с темным небом, когда Па возвращался домой. Он шел устало, сутулясь, словно проделал долгий, трудный путь по безводной пустыне.

На углу двух небольших улиц его внимание привлек золотой светящийся банан. Этот банан как бы рос на глазах, меняя очертания и цвет. «Красивая реклама!» — подумал Па и задержался перед магазином, в витрине которого лежали горы свежих бананов.

Постояв перед витриной, он вошел в магазин. Опытным глазом сразу заметил хозяина, подошел к нему и, приподняв шляпу, спросил:

— Сеньор, вам не требуется продавец?

Хозяин, розовощекий, черноволосый человек в очках в золотой оправе, выкатил на него черные глаза:

— Продавец? Вы — продавец?

— Разве у меня на лице написано, что я не продавец? — спросил Па.

— Так точно! — воскликнул хозяин лавки.

— Я могу выполнять любую работу.

— Да, да, да. — Хозяин закивал головой, потом

снял очки и, подышав на них, стал протирать белым платком. — Вы не продавец. Вы — неудачник. А неудачникам я не доверяю. Может быть, купите бананов?

— Да! — с вызовом сказал Па. — И самых лучших. Свешайте три грозди!

Хозяин сразу повеселел. Сам свешал бананы, с поклоном протянул их странному покупателю.

Когда отец Санчо вышел из магазина, хозяин подозвал к себе продавца и сказал:

— Знаешь, кто это? Из редакции. Такой поработает две недели, а потом опозорит на всю страну. Но у меня глаз верный.

— Ой, сколько бананов! — воскликнула Ма, когда отец вернулся домой. — У тебя хорошие вести?

Отец покачал головой.

— Санчо дома? — спросил он.

— Мы ждем тебя обедать, — ответила Ма.

— Хорошо.

Отец пошел мыться. Вытирая лицо, он взглянул в зеркало и почему-то вспомнил, как однажды брился, а Санчо стоял рядом и тоже намазил себе помазком щеки. У них тогда было отличное настроение. Приближался какой-то праздник. Где это было? Ах, там, в Союзе...

— Не могу понять, что происходит. — Отец устало опустился на стул. — Я прихожу по объявлению, и каждый раз оказывается, что сотрудник уже не нужен. Мне кажется, что я живу в каком-то заколдованном городе.

— Я знаю, кто заколдовал для тебя родной город, — сказал Санчо. — Это сеньор Крэдо.

— При чем здесь сеньор Крэдо! — воскликнула Ма. — Он всего лишь коммерсант.

— Он не коммерсант, он убийца! — Санчо вскочил с места. — У него глаза как у пантеры. Он и ходит, как будто крадется...

— Не надо спорить,— сказала Ма.— Крэдо — отвратительный тип. Но он друг президента. Он связан с тайной полицией.

И снова все приумолкли. Ма налила отцу кофе.

— Я пробью эту стену,— нарушил молчание отец.— У меня будет работа... Будет!

Отец встал и зашагал по комнате.

И тут Санчо повернулся к отцу и спросил:

— Па, а у нас будет когда-нибудь такая жизнь, как в Советском Союзе?

— Когда-нибудь будет,— сказал Па и пошел в другую комнату.

— Но для этого надо прогнать Лысого генерала! — крикнул ему вдогонку Санчо.

— Допивай кофе и садись за уроки,— вздохнула Ма.— Будем надеяться на лучшее.

На чердаке колледжа стоял полумрак. В солнечных лучах, которым удалось проникнуть через слуховое окно, кружились пылинки, и казалось, лучи, как большие сверла, бурили чердачную тьму.

Андерс, Пабло, Винсенто и Алдан стояли перед Санчо и внимательно слушали его.

— Готовы ли бороться за свободу и независимость своей родины? — спрашивал Санчо.

И четверо друзей дружно, как один, отвечали:

— Готовы!

— Хватит ли у вас сил для борьбы с Лысым генералом?

— Хватит!

— Вы будете носить на груди красный галстук пионера как символ борьбы, как маленькое красное знамя. Поклянитесь, что никогда не снимете красный галстук.

— Клянемся!

Санчо говорил тихо, и друзья отвечали ему тихо. Их голоса звучали под сводами чердака гулко и торжественно.

— А теперь наденьте красные галстуки!

Ребята полезли в карман, и каждый извлек оттуда красный лоскут. Они расстегнули рубахи, и Санчо по очереди завязывал всем галстук, и ребята снова застегнули рубашки.

— Теперь вы пионеры,— сказал Санчо.— Как я. Мы — первый пионерский отряд. Правда, маленький, но боевой. Мы должны выбрать командира.

На чердаке установилась тишина.

— Пусть Санчо будет командиром,— вдруг сказал Пабло.— Он знает, как командовать отрядом.

— Санчо! Санчо! — подхватили ребята.

— Конечно, Санчо,— сказал Алдан Бланко.

— Хорошо,— сказал Санчо,— только сперва поднимите руки, так у пионеров полагается.

И все ребята отдали пионерский салют.

— Смерть Лысому генералу! — сказал Санчо и поднес к плечу сжатый кулак.

И весь его маленький отряд повторил жест своего командира.

Где-то вдалеке глухо зазвенел звонок. Ребята гуськом потянулись к двери.

В школу на урок возвращался отряд пионеров — юных борцов с Лысым генералом.

Кокос стоял перед директором и ждал, когда тот перестанет писать.

— Это ты, мой друг? — не поднимая головы, спросил директор.

— Я, сеньор директор.

— Хорошо,— растягивая слова, сказал директор,— хорошо. Что нового, Алдан Бланко?

Директор поднял голову и снял очки.

— Ни-чего,— растягивая слова, ответил Кокос.

— Ни-чего нового,— как бы передразнил его директор.— А между тем твои родители уже три месяца не платят за твою учебу...

— Но вы обещали подождать, сеньор директор.

— Я обещал,— согласился директор.— Я обещал, если ты будешь помогать мне. Будешь сообщать новости. А ты молчишь. Ты не доверяешь своему директору?

— Я доверяю,— пробормотал Кокос.

— Разве молчание признак доверия? Три месяца не платить за учебу...

Некоторое время он стоял перед директором сгорбившись, словно на него навалилась страшная тяжесть. Потом он вздохнул, поднес руку к воротнику и медленно стал расстегивать рубашку.

На груди, под рубашкой, алел галстук. Директор даже привстал от неожиданности и навалился животом на стол, стараясь лучше разглядеть, что за алый лоскут был под рубахой у Кокоса.

— Что это? Что?!

— Такие платки носят маленькие коммунисты в Союзе.

— Как попала к тебе эта... эта... тряпка?

Кокос оглянулся на дверь, словно там притаились ребята, которые могли видеть его и слышать, что он рассказывает директору.

— Санчо привез такую из Москвы. Он сказал, что все, кто ненавидит президента, должны дать клятву... и надеть красный галстук.

— Так! — сказал директор и опустился в кресло.— Так! И кто же дал клятву?

Кокос поежился. Ему показалось, что за ним стоит Санчо и спрашивает: «Эй, Кокос! Неужели ты предашь своих товарищей?» Мальчик опустил голову.

— Ты поступил правильно, мой друг! — сказал сеньор директор.— Потом ты напишешь их имена на бумажке. Печатными буквами. И мы спрячем эту бумажку в стол. На всякий случай... Санчо ненавидит президента за то, что сеньор президент приказал убрать его деда — опасного бродягу Хуан-Мария. В Санчо течет кровь этого Хуан-Мария.

Директор похлопал мальчика по плечу:

— Иди, мой друг, иди и продолжай верно служить сеньору президенту. Может быть, тебя наградят медалью.

— Как большого? — вырвалось у Кокоса.

— У патриотов нет возраста. Иди! Будь спокоен, буря не коснется тебя. Но возможно, для конспирации — ты меня понимаешь,— теперь директор говорил таинственным шепотом,— тебе тоже достанется. Но уповай на бога и на меня. Иди!

Кокос поплелся к двери. Медленно открыл ее, заглянул в коридор и выскользнул в щелку, как ящерица.

Санчо сидел за столом и делал уроки. Он был обложен книгами и тетрадками. Вид у него был невеселый: кому это весело делать уроки! Над столом висела фотография Риты. Время от времени Санчо отрывал голову от тетрадки и встречался взглядом со своей далекой подругой.

И перед глазами Санчо возникал заснеженный город, верные друзья, собака Дега, обгоревший пропеллер самолета, потерпевшего аварию. И ему казалось, что он идет по белым улицам рядом с Ритой и она спрашивает:

«Как дела, Санчо?»

«Хорошо, Рита. У нас в колледже теперь есть пионерский отряд. И я — командир отряда. Четверо моих друзей носят на груди такой же алый галстук, какой повязали мне ребята».

«Это здорово, Санчо,— говорит Рита,— я так и знала, что ты всегда будешь носить пионерский галстук и будешь верен клятве».

«Мы с ребятами скоро построим змея. А то они сомневаются, что я летал на змее, как птица».

«Я знаю, ты построишь и полетишь. И они поверят тебе».

Рита как бы пропала, и Санчо увидел себя летя-

щим на воздушном змее. Он забыл о задаче, об упражнении по родному языку...

В это время кто-то с улицы бросил в окно камешек. Санчо очнулся, оторвался от своих мыслей и подошел к окну.

Он увидел Боливара. Юноша с вьющимися волосами стоял на тротуаре и подавал ему знаки.

Санчо выбежал на улицу.

— Здравствуй, Санчо!

— Салют, Боливар.

— Какие новости?

— Четверо ребят вступили в пионеры. И носят на груди красный галстук. И у нас теперь отряд. Меня выбрали командиром.

— Это здорово, парень! Поздравляю тебя! Что же будет делать твой отряд?

— Бороться с Лысым генералом, — сказал Санчо.

Боливар широко улыбнулся. Но потом его лицо стало серьезным.

— Бороться... — сказал он. — Бороться — трудное дело. И опасное. Ты слышал об Острове смерти, куда Лысый генерал бросает всех, кто борется?

— Я знаю... И мои ребята тоже знают... Но мы все равно решили...

Боливар молча смотрел на Санчо, словно прикидывал, какое дело можно доверить Санчо и его друзьям.

— Есть у меня одна работа...

— Работа?! — удивился Санчо. При чем здесь работа, если они хотят бороться?

— Опасная работа, — как бы отвечая мыслям мальчика, сказал Боливар.

— Что надо делать?

Боливар обнял Санчо и отвел в тень.

— Ты знаешь, где находится бар «Глория»?

— Знаю, — ответил Санчо. — Очень хорошо знаю.

— Так вот, приходи туда завтра после уроков. Идет?

— Идет! — ответил Санчо. — И ты дашь нам боевое задание?

— Дам! Салют!

— Смерть Лысому генералу! — ответил Санчо и поднял над плечом сжатый кулак.

В назначенный день Санчо пришел в бар «Глория». Он заходил в этот бар в те времена, когда был жив дедушка. Здесь, в прохладном, полутемном подвальчике, Хуан-Мария любил петь свои песни. А люди любили его слушать.

Санчо сбежал по трем каменным ступенькам вниз и сразу почувствовал облегчение после уличного зноя. За прилавком стоял полный бармен с густыми усами. На нем был белый фартук — безукоризненно чистый. И от этой белизны тоже веяло прохладой. Бармен стоял за прилавком, а за его спиной громоздились полки с разноцветными бутылками. Они были похожи на орган, который вот-вот заиграет и заполнит бар веселыми звуками. Санчо узнал бармена.

В баре было полутемно. Войдя с яркого солнца, Санчо некоторое время привыкал к тусклому освещению. И вдруг он увидел отца. Отец сидел за крайним столиком, но ничего не пил и не ел. Перед ним стояла чашечка кофе, а в руках отец держал газету.

Санчо подошел к отцу. Тот не услышал его шагов.

— Па! — Санчо положил руку на его плечо.

— Санчо? — Отец отложил газету и встал. — Санчо, что ты делаешь в баре? Тебе джин или виски с содовой? — с усмешкой предложил он сыну.

— Разве ты здесь пьешь виски или джин?

Отец промолчал, внимательно разглядывая сына.

— В этом баре пел дедушка, — неожиданно вспомнил Па.

— Я знаю, — отозвался Санчо, — он брал меня с собой. Он пел песни, а погиб как солдат. Я иногда подыгрывал ему...

С этими словами Санчо подошел к небольшой эстраде и взял со стула гитару. Он медленно перебрал

струны и запел песню дедушки. И Па, забыв, что песня эта запрещена, стал ему подпевать. Так они пели вдвоем. И люди притихли, перестали шуршать газетами и тоже слушали.

В маленьком баре ожила старая песня. Песня погибшего борца, их товарища, их верного трубадура Хуан-Мария Родригеса. И все, кто был в баре, сперва слушали, а потом стали тихо подпевать, словно каждый хотел добавить частицу своего сердца песне, зовущей в бой.

Никто не заметил, как в «Глории» появился Боливар. Увидев Санчо, он не подошел к мальчику, а стоял в стороне и наблюдал за ним. Только когда песня кончилась и в баре стало тихо, он поманил Санчо пальцем.

— Мне пора, Па, — сказал Санчо.

— Иди, — отозвался отец. — До вечера.

— До вечера, — отозвался мальчик и помахал Па рукой.

— Кто этот человек? — спросил Боливар у Санчо, когда они очутились на улице.

— Это мой отец.

— Твой отец? Он часто бывает здесь. Приходит сюда, словно кого-то ждет.

— Он не может найти работу. Его выгнал сеньор Крэддо. Все двери для отца закрыты.

— Железная рука? — насторожился Боливар. — Это опасный враг. У него не только рука из железа, но и сердце.

— Разве Крэддо и есть Железная рука? — спросил Санчо.

— Он убил твоего деда Хуан-Мария, — был ответ. Кровь горячей волной ударила мальчику в лицо.

— Что мы должны делать? — Санчо словно ожидал приказа немедленно уничтожить Железную руку.

— Надо расклеить и разбросать по городу листовки с призывом объединяться для борьбы.

— Сделаем!

— Не спеши. Это дело серьезное и опасное.
— Мы не боимся опасности!
— Ты уверен в своих друзьях? — спросил Боливар, внимательно глядя в глаза мальчику.
— Как в себе! — твердо сказал Санчо.
— Надо действовать очень осторожно. Если вас схватят, будет плохо.
— Мы не боимся...
— Будь осторожен. Нам нужны помощники, которые действуют, а не сидят в застенке. Ясно?

Боливар протянул Санчо небольшой сверток. Мальчик подхватил его и побежал домой. А Боливар стоял у входа в бар «Глория», смотрел вслед и махал рукой.

Санчо и его отряд шли по городу и расклеивали листовки — выполняли поручение Боливара.

Они приклеивали маленькие, тревожные листки на стены домов и на окна автобусов, чтобы пассажиры могли читать их в пути.

Они приклеивали листки к богатым автомобилям, чтобы их хозяева знали: народ готовится к бою.

Афишная тумба пестрела портретами диктатора. Одна листовка была наклеена прямо на лицо Лысому генералу.

По улице не спеша прошел толстый монах, одетый во все черное. Ребята переглянулись, усмехнулись. И вот уже на спине почетного прелата, как заплата, белел листок.

Вскоре вся улица белела маленькими опасными листками.

Люди собирались вокруг каждого листка и читали. Некоторые из них старались отодрать листок. Но он был прочно приклеен. Не поддавался.

Появились полицейские. Они начали разгонять тех, кто читал листовки, и уничтожать неподдающиеся бумажки.

Санчо приклеивал листовку к фонарному столбу,

когда рядом с ним выросла внушительная фигура полицейского.

— Что ты делаешь? — крикнул блюститель порядка.

— Читаю, сеньор! — простодушно ответил Санчо. — А разве нельзя?

— Пошел прочь! — скомандовал полицейский и стал ногтями соскребать листовку.

Вдруг с крыши дома, как белая стая, слетело множество маленьких белых листков.

Это ловкий Андерс придумал такое. Листки кружились над улицей, и люди ловили их, как птиц.

Завыла сирена. Появились полицейские машины. Остановилось движение. Но уже большинство листовок было в карманах у людей.

А Санчо и его друзья нырнули в переулок и скрылись.

Они появились в старом городе, где вместо домов стояли лачуги, где на свалке поднимались горы лома и рухляди, где от дома к дому были натянуты веревки, и на них, как флаги расцвечивания на корабле, пестрело стираное белье.

Тут не надо было прятаться. И ребята в открытую раздавали людям листовки.

— Читайте, читайте все, кто умеет читать! — выкрикивал Санчо. — А кто не умеет — пусть попросит соседа. Лысый генерал качается! Пора его выбросить вон на свалку!

— У нас свалка под боком, и местечко для генерала всегда найдется! — отзывались люди.

Во время большой перемены Санчо с друзьями мастерили змея. Они устроились на сцене актового зала. Здесь им никто не мешал. Ребята уже соорудили каркас. Теперь нужно было оклеить змея плотной бумагой.

— Санчо, а как ты взлетишь над землей? — спросил Винсенто.

— В Союзе мне помогали ребята. Они дали разгон змею, а я скользил на лыжах.

— Но у нас нет снега! — воскликнул Андерс.

— Можно на водных лыжах, — сказал Пабло.

— Я так и думаю — на водных, — сказал Санчо. — Над морем будет хорошо лететь...

В это время директор ходил по этажам колледжа и пристально всматривался в лица бегущих мимо мальчиков. Мальчики не просто пробегали, но на какое-то мгновение останавливались перед директором, опускали руки по швам и быстро кивали головой, после чего продолжали бег. Директор как бы не замечал их приветствия, но стоило кому-либо пройти мимо, и сухой директорский голос начинал громко, на весь коридор:

— Друг мой, ты считаешь возможным не поприветствовать директора колледжа? Или ты думаешь, что директор должен это сделать первым? Вернись и покажи, как поступают юноши с хорошими манерами.

Когда на втором этаже директор увидел Кокоса, он отвернулся. Кокос прошел мимо, думая, что директор не видит его. Но у директора, казалось, и на затылке были глаза.

— Остановись, мой друг!

Кокос застыл как вкопанный.

— Ты тоже не приветствуешь своего директора?

— Сеньор директор... — начал было Кокос, но директор перебил его:

— Мне казалось, что ты принадлежишь к числу вежливых людей, мой друг! — Эти слова директор произнес громко, чтобы все слышали, тихо же он сказал: — Ты мне нужен... Иди за мной... Чтоб никто не обращал внимания...

Директор отвернулся и зашагал прочь. Кокос, выждав время, пошел за ним. Так они очутились в пустом актовом зале.

— Мой друг! — начал директор, убедившись, что в зале никого нет. — Мой друг, вчера в школе я нашел это! — Директор протянул Кокосу листовку — один из листов, какие ребята накануне расклеивали по городу. — Тебе знакомо это?

— Не-ет! — сказал Кокос.

— Очень жаль. Я ждал от тебя большей осведомленности. Кто мог занести эту заразу в стены нашего колледжа?

— Не знаю, — соврал Кокос.

— Мой друг, ты, наверное, забыл о своей задолженности, а неуплата за учебу ведет к исключению... Ну ладно, ладно. Я пойду тебе навстречу. Скажи, ты предан нашему президенту?

— Предан, сеньор директор!

— А ты бы мог осквернить его портрет?

— Нет! Клянусь мадонной, нет! — воскликнул Кокос.

— Но тебе придется это сделать, — сказал директор, и от этих слов мальчик попятился. — Не подумай плохого. Это надо для общего блага. Это поможет нам выкорчевать в стенах нашего колледжа красную заразу. Готов ли ты помочь мне?

— Я ничего не понимаю, но, если надо, я нарисую усы президенту... — шепотом сказал Кокос. — Это будет трудно. Ведь могут увидеть, что я рисую усы.

— Никто не должен увидеть. Сделай это ночью. Я знаю, что это трудно и опасно. Но помни о медали... Мальчика, награжденного медалью, узнает вся республика.

— Вся республика? — переспросил Кокос, и его глаза расширились. — За усы?

— А теперь иди. Действуй, борись, мой друг!

Они стояли посреди зала. А на них с портрета смотрел Лысый генерал. Глаза у него были маленькие и колючие, как у директора колледжа.

Дверь за директором колледжа и Кокосом затворилась. Казалось, что свидетелем их разговора был

только Лысый генерал, одобрительно глядящий с портрета.

Но были и другие свидетели.

Ребята, которые мастерили за сценой змея, слышали разговор директора с Кокосом.

Некоторое время, пораженные предательством, они молчали. Потом зашумели, заговорили.

— Это провокация! — вдруг тихо сказал Санчо.

— Директорский холуй! — вскипел маленький Андерс.

— Надо бить! — коротко определил будущий боксер Пабло.

— Побить мы всегда успеем. Надо разоблачить замысел директора.

— Но ведь Кокос предаст нас! — крикнул Винсенто.

— Тише, — сказал Санчо, — надо решить, что делать. Во-первых, Кокос не должен знать, что мы слышали его разговор с директором...

Теперь ребята ни на шаг не отпускали от себя Кокоса. Стоило ему остаться одному в классе, как сразу же рядом оказывался кто-нибудь из ребят.

— Эй, Кокос, что ты здесь делаешь, один в пустом классе? — В дверях стоял маленький Андерс и внимательно смотрел на Кокоса, который разглядывал портрет Лысого генерала, ломая голову над тем, как к нему подступиться.

— Я... я... ничего не делаю. У меня что-то голова болит.

— Ах, у тебя болит голова? Хочешь, я попрошу сеньора учителя, чтобы он отпустил тебя домой?

— Не хочу я домой... Может быть, она пройдет.

— А если не пройдет? Ты же не переносишь боли!

— Перенесу, — сказал Кокос и вышел из класса. — Пойду попью, может быть, станет легче.

В другой раз Винсенто застал Кокоса на столе, придвинутом к доске. Кокос уже протянул руку с

угольком к портрету, как рядом с ним очутился Винсенто.

— Кокос! Что ты делаешь с господином президентом?

— Я поправляю портрет. Он криво висит.

— А тебе-то что? Пусть висит хоть вверх ногами!

— Конечно, пусть висит, — сказал Кокос, прыгая со стола.

— А что у тебя в руке?

— Ничего у меня нет в руке.

— Покажи.

— Нет у меня ничего!

Винсенто впился в руку товарища. Он силился разжать кулак, но Кокос не давался. Так они довольно долго возились, пока наконец кулак не разжался и на пол не выпал уголек.

— Что это? — Винсенто строго посмотрел на товарища.

— Уголек.

— Что ты собирался делать?

Кокос молчал.

— Говори, или я позову ребят.

Кокос вздохнул и сказал:

— Я хотел пририсовать Лысому генералу усы.

— Усы? Тебе командир давал такое задание?

— При чем здесь командир?

Винсенто прижал Кокоса к стене и требовал от него ответа. Тот изворачивался, но никак не мог уйти от ответа.

— Поклянись святой мадонной, что не тронешь портрета без приказа командира.

Кокос покраснел и сердито сказал:

— Я думал, мы будем бороться с Лысым генералом. Я хотел бороться...

— Иди! — Винсенто оттолкнул Кокоса и крикнул ему вдогонку: — Ты не забыл, что у тебя на груди красный галстук?

Кокос ничего не ответил и выбежал из класса.

...Санчо, Пабло и Винсенто вышли из колледжа вместе с толпой ребят. Свернули за угол и стали чего-то ждать.

Они стояли в тени, прислонясь к ограде, и напевали какую-то песенку.

Мимо прошел учитель географии. Он заметил маленькую компанию и остановился:

— Почему вы не идете домой?

— Сеньор учитель, — сказал Санчо, — мы любимся красотой родной природы.

Географ огляделся и сказал:

— Здесь нет никакой природы!

— А голубое небо, а облака, а старый платан! — воскликнул Санчо, подмигивая товарищам.

Учитель повернулся и пошел прочь: с таким народом ни до чего не договоришься!

— Пошел, ефрейтор! — тихо сказал Санчо.

— Почему ефрейтор? — спросил Пабло.

— Разве ты не знаешь? Он был ефрейтором. Его направили к нам в колледж для поднятия «боевого духа» учащихся.

— Откуда ты знаешь? — спросил Винсенто.

Санчо ничего не ответил. Он снова начал напевать песенку.

А в это время в пустом классе происходило следующее. В класс вошел Кокос. Огляделся. На носочках вернулся к двери и закрыл ее стулом. Пододвинул к доске стол. Вынул из кармана уголек и начал рисовать президенту густые черные усы. Он увлекся своим «искусством» и не заметил, как из-под парты вылез маленький Андерс. Достал фотоаппарат, навел его на Кокоса и спустил затвор. Послышался едва слышный щелчок.

Кокос вздрогнул. Оглянулся. В классе никого не было. Андерс успел нырнуть под парту.

Кокос спрыгнул на пол, поставил стол на место и вышел из класса, насвистывая песенку.

Когда дверь за ним закрылась, из-под парты вылез

Андерс. Он навел аппарат на Лысого генерала с черными усами. И сделал еще один снимок. Потом подхватил свой кейс и зашагал прочь.

Директор колледжа вошел в класс, и все встали, как по команде. Директор не поздоровался и не предложил детям сесть. Он дошел до учительского места и поднял глаза на портрет президента. Лысый генерал с черными пышными усами, созданными старанием Кокоса, выглядел не свирепо, а смешно. И это еще больше подогрело директора.

— Что это значит? Кто осмелился прикоснуться к персоне сеньора президента?

В классе стояла напряженная тишина. Только кто-то на задней парте хихикнул и умолк.

— Может быть, виновник найдет в себе мужество признаться и тем самым смягчить свою вину?

Никто не пожелал признаваться и смягчать свою вину.

— Я вытравлю из колледжа красную заразу! — закричал директор, и его маленькие колючие глазки заметались по классу. — Сегодня перестают верить учебникам. Завтра издеваются над президентом. Послезавтра...

Директор запнулся, сразу не сообразив, что же будет послезавтра. Он зашагал по проходу между парт, всматриваясь в лица ребят, и остановился перед Санчо.

— Санчо Родригес, это твоя работа? — в упор глядя на мальчика, спросил директор.

— Нет, сеньор директор!

— Я уверен, что это твоих рук дело! И я докажу это.

Весь класс повернулся к Санчо. Все ждали, как директор докажет его вину.

— Расстегни рубашку, — вдруг сказал директор.

— Мне не жарко, сеньор директор, — отозвался мальчик.

— Мой друг, теперь тебе будет жарко! — воскликнул директор и, подойдя вплотную к мальчику, рванул на нем рубашку.

Красный галстук вырвался наружу, как язык пламени. Казалось, грудь мальчика запылала.

— Вот она, красная зараза! — закричал директор. — Я так и знал, что ты осквернил портрет...

— Я не трогал портрета, — повторил Санчо.

— Ты один носишь этот... этот пионерский... галстук!

Директор посмотрел на стоящих ребят и вдруг увидел на груди у нескольких мальчиков красные пионерские галстуки. Это были друзья Санчо — Андерс, Пабло, Винсенто. И Кокос тоже был в красном галстук.

— Всем сесть! — скомандовал директор. — А тем, у кого на груди эта... тряпка, встать!

Скрипнули парты, и отряд Санчо Родригеса, подпольный пионерский отряд, встал.

— Так вот оно что! И вы тоже! Андерс Рок — сын известного журналиста. Пабло Реверо. Винсенто Коста — будущий художник. Алдан Бланко. Ты?! Это бунт против порядка. Оскорбление власти!

И вдруг Андерс сказал:

— Сеньор директор, я знаю, кто это сделал.

— Ты знаешь? — Директор быстро подошел к Андерсу. — Говори, мой друг!

— Кокос, — сказал Андерс.

— Какой Кокос?

— Алдан Бланко.

Директор повернулся и подошел к доске.

— Алдан Бланко, это действительно сделал ты?

— Нет, сеньор директор! Он врет! Клянусь мадонпой!

— Ты действительно врешь? — спросил директор Андерса.

— Не вру. Я могу доказать. Вот, смотрите.

С этими словами Андерс поднял над головой фото-

графию, на которой был изображен Кокос, рисующий Лысому генералу усы.

Директор взял фотографию, внимательно посмотрел на нее, подошел к Кокосу и несколько раз наотмашь ударил его по щекам злосчастной фотографией.

— Щенок! Ничтожество! Пошел вон!..

— Но, сеньор директор...

— Молчать! Вон! Все, у кого на шее красная тряпка, — вон! Дежурный, снять портрет и отнести его ко мне в кабинет.

Санчо и его друзья поднялись и пошли к двери. Последним шел Кокос. Проходя мимо директора, он заглянул ему в глаза, но директор отвернулся. Двое ребят поднесли стол к доске, третий забрался наверх. Он стал снимать портрет президента с гвоздя. И вдруг портрет выскользнул из его рук и упал на пол.

Директор плюнул, невнятно выругался и выбежал из класса.

В доме сеньора Родригеса стояли невеселые дни. Светило солнце. В небе не было ни тучки, а в доме было темно, неуютно, холодно.

После приезда из Советского Союза отец лишился работы. И все его попытки найти какое-нибудь дело оканчивались провалом. Не было работы для человека, который шел против воли сеньора Крэдо, личного друга президента республики.

Теперь семью кормила Ма. Целый день она сидела, склонясь над столом, заваленным разноцветными лоскутами, и при помощи ножниц, клея и проволоки мастерила искусственные цветы. Цветы были поистине прекрасны и казались живыми. Особенно сеньоре Родригес удавались незабудки, которые она впервые увидела в России. Эти маленькие голубые цветы с золотой сердцевинкой были настолько естественными, словно их только что сорвали где-то в низинке и на них еще не просохли капельки росы.

Каждый вечер Ма относил цветы в ателье мадам Россо и радовалась, когда вырученных денег хватало на жизнь.

В этот день, возвратясь домой, Санчо долго ходил вокруг Ма, не решаясь признаться, что его выгнали из колледжа.

— Какие чудесные маки! — говорил он, рассматривая цветы, лежащие перед матерью. — За такие маки можно заплатить миллион.

— Что ты, Санчо! — говорила Ма. — За них мне заплатят гроши. Надо сделать очень много маков, чтобы хватило на завтрак и обед. А ведь мы задолжали за квартиру. Вот найдет Па работу...

И вдруг Санчо сказал:

— Я знаю, что делать! Я знаю!

— Что, сынок? — Ма отложила работу и внимательно посмотрела на сына.

— Я пойду на Большой базар и буду продавать цветы. Мы получим много денег, уверяю тебя.

— Успокойся, — сказала Ма. — Твое дело — учеба. Ты же не безработный, ты единственный в нашей семье при деле.

— Нет, Ма, — сказал Санчо, бросая свой кейс на диван, — я не при деле. Я — самый настоящий безработный.

— Ты? Что это значит, Санчо?

— Меня выгнали из класса.

— Тебя? — У мамы опустились руки. — За что, Санчо?

— За то же, за что и отца. За честность. За правду о Советском Союзе.

— Что ты сделал, мальчик? — Ма подошла к сыну и обняла его.

— Я сказал правду. Сказал, что в России по улицам не ходят медведи и люди там живут хорошо.

— Нет, нет! Ты что-нибудь натворил! За это не выгоняют.

— Выгоняют, — вздохнул Санчо. — Директор при-

казал Кокосу намалевать усы Лысому генералу и объявил, что это сделал я.

— Ты этого не делал?

— Честное пионерское!.. Давай, Ма, цветы. Я покажу, на что я способен! Я пойду на Большой базар и продам твои цветы очень дорого.

На другой день на Большом базаре появился маленький продавец цветов с лотком, на котором были разложены всевозможные цветы. А по бокам шли его верные друзья и помощники. Они вели разговор как бы между собой, но делали это так громко, что привлекали внимание всех, кто был поблизости.

— Какие чудесные цветы! — восклицал Андерс.

— Как живые, — вставлял словечко Винсенто.

— Наверное, они стоят кучу денег, — добавлял Пабло. — Откуда они? Из Рио?

— Что ты! Эти цветы из Парижа! — отзывался Санчо. — Они сделаны знаменитым мастером и получили приз на Всемирной выставке.

— Эти цветы были на Всемирной выставке? — удивлялся Андерс.

— Конечно! Потому они так прекрасны!

И тут кто-то из людей, слышавших этот разговор, не выдерживал и останавливался около лотка.

— Сколько стоит эта веточка? — спрашивала полная загорелая женщина в ярко-желтом платье.

— Совсем не дорого, сеньора, — отвечал Санчо и называл цену.

— Он отдает цветы даром! — восклицал Андерс. — Тебе попадет от матери за то, что так базариваешь свой товар.

А женщина уже спешила заплатить деньги, пока маленький продавец не увеличил цену.

Одну модницу сменяла другая. И третья... И четвертая...

И уже вокруг лотка сгрудилось много покупате-

лей. Они рассматривали цветы и спешили купить. А друзья Санчо снова восклицали:

— Это не из Рио! Это из Парижа! Он продает их даром! Такой счастливый случай для покупателей! Ему попадет дома за то, что отдал товар за бесценок.

К полудню товар был продан, и друзья направились к выходу. Тогда Санчо отвел их в сторону и сказал:

— Друзья, я выручил кучу денег... Давайте пересчитаем их и разделим поровну.

Трое друзей покачали головами.

— Нет,— сказал Андерс,— все деньги твои.

— Но вы же помогали мне... Если бы не вы...

— Санчо,— сказал Пабло,— ты сам говорил, что пионеры должны помогать друг другу.

— Тебе семью надо кормить,— сказал Винсенто,— у тебя родители без работы...

— Пошли! — сказал Андерс.

Санчо стоял перед ребятами, опустив голову и держа под мышкой пустой лоток.

— Ладно,— вдруг сказал он и вскинул голову,— пошли. Но прежде я угощу вас мороженым. Вперед!

— Вперед! — отзывались друзья.

Они обнялись, запели свою любимую песенку и, расталкивая толпу, зашагали к выходу.

В это время вдалеке послышались выстрелы. Друзья остановились.

— Что это? — спросил Винсенто.

— Стреляют,— отозвался Андерс.

— Это идет бой с Лысым генералом,— решил Санчо.— Бежим в «Глорию», к Боливару!

А вокруг уже началась суматоха. Люди куда-то бежали. Торговцы торопливо закрывали свои лавочки. На базаре поднялась настоящая буря.

Работая локтями, друзья прокладывали себе путь к выходу. Наконец им удалось выбраться на улицу.

Они побежали в ту сторону, откуда доносились выстрелы.

Их обогнали три танка, которые мчались, высекая искры из каменной мостовой.

Где-то совсем близко разорвался снаряд. Над соседним домом вырос черный столб. Ребята прижались к стене и, как щитком, закрылись деревянным лотком, на котором совсем недавно лежали цветы. Осколки кирпичей забарабанили по лотку.

— За мной! — крикнул Санчо.

И три товарища, пригнувшись, побежали за ним.

А к вечеру друзья появились на улице, держа под мышкой по большой пачке свежих газет. Как заправские газетчики, они кричали на всю улицу:

— Покупайте новую газету «Свобода»! Здесь напечатан подробный отчет о штурме президентского дворца. Лысый генерал сбежал, переодевшись в женское платье. Покупайте газету «Свобода»!

На высоком доме в центре города висел большой портрет президента — Лысого генерала.

А под ним бушевала толпа. Люди кричали:

— Долой Лысого генерала!

— Свободу народу!

— Да здравствует республика!

— Сбросьте на землю это пугало!

— Снимите с него фуражку, и вы увидите, что он лыс, как коленка!

И вдруг портрет дрогнул, покосился, перевернулся вниз головой и стал спускаться, люди в окнах кричали:

— Ловите! Пугало полетело! Головой вниз!

Портрет диктатора, покачиваясь, сползал вниз. И из каждого окна люди провожали его проклятьями. Когда же портрет наконец жестко ударился о землю, в него, как в мишень, полетели яйца, помидоры, бананы.

Люди открыто пели те песни, которые раньше

можно было петь только вполголоса. А на груди у Санчо и его друзей пылали красные галстуки.

— Покупайте газеты «Свобода», и вы узнаете правду о революции! — кричали маленькие газетчики, размахивая пахнущими типографской краской газетами. — Лысый генерал бежал, переодевшись в женское платье!

И все покупали газеты.

— Кто вы такие, мальчики? — спросил у Санчо человек, заросший серебристой щетиной.

— Мы — пионеры!

— Пионеры! Как красиво звучит это слово!

— Мы пионеры всей страны!

И они двигались дальше, раздавая направо и налево новую, рожденную революцией газету.

Шел урок арифметики. Санчо сидел у окна и поглядывал на улицу. Он видел зеленую площадку для игры в регби, видел высокую кирпичную ограду, которая окружала колледж. Видел массивные кованые ворота.

— Сегодня мы разберем с вами решение уравнения с одним неизвестным, — говорил учитель. — Я напишу вам простейшее уравнение...

Он подошел к доске и, поскрипывая мелом, стал писать.

Санчо посмотрел на доску. Потом снова выглянул в окно. То, что он увидел, заставило его насторожиться. Ворота колледжа распахнулись, и во двор въехали два крытых грузовика. На землю стали прыгать парни в коричневых рубашках, прозванные в народе «шакалами».

В одном из них Санчо узнал директора колледжа, он отдавал распоряжения.

Санчо вырвал из тетрадки листок и написал записку Андерсу: «В колледж прибыли «шакалы». Андерс прочитал записку и послал ее Пабло. Так листок с тревожным словом «шакалы» обошел весь

отряд. Ребята уже не слушали учителя и не смотрели на уравнения с одним неизвестным. Они тревожно переглядывались.

Тем часом ворота колледжа закрылись. И отряд «шакалов», вооруженных винтовками и автоматами, стал входить в парадную дверь.

«Что делать?» — написал Андерс и послал записку Санчо.

«Быть наготове!» — ответил Санчо.

И вдруг дверь отворилась, и в класс вошел директор — старый директор колледжа, который в день свержения Лысого генерала исчез бесследно. Учитель от удивления выронил мелок. Ученики стали нерешительно вставать.

— Встать! — по-военному крикнул директор. — Сесты!

Класс с дружным грохотом встал и сел.

— Ученики, — заговорил директор, выходя на середину класса, — должен сообщить вам радостную весть. Президент жив. Президент борется. Красные мятежники доживают свои последние часы.

Директор подошел к окну и посмотрел, все ли там в порядке, во дворе. У ворот стояли два вооруженных «шакала».

— Сегодня руководители красных соберутся в оперном театре. И оперный театр вместе с ними взлетит на воздух! Ха-ха!

Директор натуженно засмеялся. Несколько учеников откликнулись ему.

— В нашем колледже разместился отряд преданных президенту молодых людей. Мальчики старших классов получают оружие и смогут пролить кровь за отечество. А вам, — тут директор подошел к Санчо, — вам придется снять свои красные тряпки. Советую, пока не поздно, одуматься.

— Мы одумаемся, — пообещал Санчо и спрятал галстук под рубашку.

И весь отряд, как по команде, сделал то же.

— Очень хорошо! — сказал бывший директор.

— Что он замышляет? — шепнул Пабло Андерсу. Тот пожал плечами.

— Продолжайте урок! — скомандовал бывший директор. — Соблюдайте спокойствие, ждите распоряжений.

Он повернулся и, печатая шаг, направился к двери.

Когда прозвенел звонок и ребята вышли из класса, оказалось, что на каждом этаже дежурят по нескольку вооруженных «шакалов».

— Не бегать! — командовали они. — Стройными рядами ходить по кругу.

Санчо и его отряд шли рядом.

— Как в тюрьме, — сказал Пабло.

— Надо любой ценой выбраться из колледжа и сообщить о взрыве, — сказал Санчо.

— Как же это сделать? — спросил Винсенто.

— Я попробую, — предложил Андерс. — Главное, выйти во двор, а там можно перемахнуть через ограду.

Ребята оглянулись. За ними, с опущенной головой, шел Кокос.

— Что же ты не радуешься? — спросил Пабло.

— Тебе расхотелось медаль? — усмехнулся Винсенто.

— Я с вами, ребята, — пробормотал Кокос. — Честное... честное пионерское.

— Ты не пионер, — напомнил ему Санчо.

— Клянусь мадонной, — со вздохом прошептал Кокос.

В это время Андерс отделился от ребят и направился к выходу. Ребята шли по кругу, напряженно следя за товарищем.

Через некоторое время Андерс от пинка «шакала» буквально влетел в круг.

— Не пускают, — сказал Андерс. — Даже в туалет... не пускают. Что делать, командир?

— Может быть, по водосточной трубе спуститься вниз? — предложил Пабло. — Я один раз пробовал.

Санчо не ответил ему. Он думал. И вдруг он сказал:

— Кокос, ты можешь оказать нам услугу, и тогда мы снова примем тебя в пионеры.

— Я сделаю все! — с решимостью ответил Кокос.

— Пойди к директору и скажи: эти ребята что-то замышляют. И посоветуй ему запереть нас на чердаке.

— Зачем? — спросил Кокос. — Я не хочу больше доносить этому паршивому коротышке. Мой отец — делегат народа.

— Делай, что тебе говорят, — строго сказал Санчо. — Я даю тебе пионерский приказ как сыну депутата народа.

— Делай, раз говорят! — пробурчал Пабло, подталкивая Кокоса к выходу.

Кокос как-то грустно посмотрел на ребят и заковылял к выходу.

— Проведите меня срочно к директору колледжа, — сказал он.

— А по шее не хочешь? — отозвался дежурный «шакал».

— Важное дело, — стоял на своем Кокос. — Скажите ему, что у Алдана Бланко есть что рассказать ему.

— Стой и жди! — приказал один из дежурных и нехотя ушел.

Вскоре Кокос очутился в кабинете директора.

— Что у тебя, мой друг? Ты интересуешься медалью, не правда ли? — спросил директор.

— Нет, сеньор директор, я еще не заслужил медали. Но я ее заслужу.

— Вот как? — Директор поднял брови.

— Сеньор директор, Санчо и его дружки что-то замышляют. Я не знаю — что, они не доверяют мне, но они замышляют. Их надо запереть на чердаке.

— Вот как! У тебя котелок варит лучше, чем я думал! — воскликнул директор и обнял Кокоса. — Иди! Иди! Все будет в полном порядке.

Кокос повернулся и зашагал к двери. И директор вдогонку ему сказал:

— Благодарю тебя от имени президента!

«Шакалы» один за другим заталкивали юных пионеров на чердак, провожая каждого хорошим пинком. А когда все ребята оказались на чердаке, закрыли за ними тяжелую дверь и повесили замок.

— Счастливо оставаться, красные щенки! — крикнул здоровенный «шакал» и вместе с другими побежал вниз по лестнице.

Санчо и его друзья стали пленниками.

Едва тяжелая дверь чердака закрылась, Андерс крикнул Санчо:

— Объясни, что ты надумал?

— Может быть, ты спасовал? — спросил Пабло. — Хочешь переждать?

— Сам ты спасовал, — сказал Санчо. — Идемте. Сейчас все узнаете.

И он повел ребят по темному лабиринту чердака.

На полу лежал змей с гордым именем «Рита», написанным золотыми буквами на крыльях.

— При чем тут змей? — спросил Винсенто.

— Змей теперь не нужен, — вздохнул Пабло.

— Змей нужен, — уверенно сказал Санчо. — Змей еще сослужит службу. Я полечу на змее в город.

Некоторое время ребята молчали. Потом они в один голос загалдели:

— Ты с ума сошел?

— Ты не должен лететь, Санчо! Четыре этажа — это высоко!

— Другого пути нет! — твердо сказал Санчо. — Я ведь уже летал.

— Но не с четвертого этажа!

Друзья осаждали Санчо своими советами. Они рассердили его, и он крикнул:

— Хватит! Помогите лучше вынести змея на крышу! Я все равно полечу. Ведь если взорвется театр... сами понимаете, что будет!

Пришлось друзьям повиноваться. Они стали разбирать змея, чтобы через слуховое окно вынести его на крышу.

В это время во двор колледжа въехали еще три фургона с «шакалами». И ребята поняли, что они очутились в самом «шакальем» логове.

Надо было действовать, чтобы не упустить время.

Змей был собран. Ребята молча прикрепили Санчо ремнями.

— Послушайте, — сказал вдруг Санчо, — если со мной что-нибудь случится, расскажите папе и маме. Только рассказывайте не очень страшно. И еще скажите, что вы меня удерживали, а я обманул вас и полетел.

Санчо подошел к краю крыши. Зажмурился. Оттолкнулся. И полетел. Порыв ветра подхватил могучие крылья змея и понес его плавно и уверенно.

И тогда, забыв о предосторожности, ребята замахали руками, запрыгали и закричали:

— Вива Санчо! Вива Санчо!

Стоящие внизу «шакалы», услышав их крики, сорвали с плеч винтовки:

— Эй вы там, на крыше, заткнитесь! А то получите свое!

Но ребята не слышали их угроз. Они кричали:

— Санчо! Вива Санчо!

До Санчо уже не долетали их крики, змей плавно скользнул над оградой.

— А вдруг он не долетит? — спросил Андерс.

— Должен долететь! — сказал Пабло.
— Как мы узнаем об этом?
— Мы узнаем. Если он долетит, сюда придут бойцы революции и разгонят свору «шакалов».

Наконец и «шакалы» заметили улетающего змея. Сперва они просто с любопытством глазели на этот необычный летательный аппарат. И вдруг один из них обнаружил под крылом змея мальчика.

— Смотри, там какой-то щенок! — крикнул он товарищам.

— Он улетаёт из колледжа на волю! — отозвался другой. — У нас приказ: чтобы ни одна мышь не ушла за ограду. Стреляй!

И, не дожидаясь ответа, «шакал» выстрелил из винтовки. Раз, другой...

— Они стреляют! Они убьют его! — закричал Андерс, с крыши наблюдая за происходящим.

Пабло ударил себя кулаком в грудь.

— Что же делать?

— Давай кричать, чтобы отвлечь их от Санчо, — предложил Винсенто.

И ребята начали отчаянно кричать. На лужайку из здания колледжа стали выбегать «шакалы».

— Что случилось? Кто сбежал? Почему стреляли? Что за крики на крыше? — спрашивали они друг друга, щелкая затворами винтовок.

— Эй вы там, замолчите немедленно! — крикнул кто-то друзьям Санчо, но те закричали еще громче.

— Что случилось? — спросил директор, выбегая из подъезда.

— Один... улетел, — доложил «шакал».

— Как улетел?

— На крыльях.

— Что он, ангел? Тебе все померещилось! Ты что, пьяный?

— Да не пьяный я.

— А за стрельбу объявляю тебе выговор!

— Клянусь мадонной, он летел!

В это время на крышу забрались двое парней в коричневых рубашках.

— Где четвертый? — крикнул один из них.

— Он там, на чердаке... — сказал Андерс.

— Спит в углу, — добавил Пабло.

— Слезайте с крыши! И заткнитесь! Красные щенки!

На песчаном пляже, неподалеку от границы моря и земли, лежал большой крылатый змей. Он слегка вздрагивал от набегающего ветра, и тогда на нем как бы оживало имя — Рита. Имя далекой советской подруги Санчо, которое он дал своему змею.

Тяжелая волна упала как срубленная, и потоки белой пены устремились к берегу. Один поток коснулся краешка змея.

Змей пошевелился. Слегка приподнялся. Из-под него вылез Санчо. Мальчик осмотрелся, потряс головой, словно сейчас только очнулся. Потом он осмотрел змея и увидел дырочку от пули.

«Чуть не убили», — подумал Санчо и, быстро оттащив его к пальмовой роще, придавил крылья тяжелыми камнями, чтобы ветер не унес летательный аппарат.

Сквозь колючий кустарник Санчо выбрался на шоссе. С грохотом мчались машины. Санчо поднимал руку, но машины проезжали мимо, словно не замечали мальчика. Тогда он побежал по краю шоссе. Бежать было трудно, потому что стоял час, когда зной особенно силен.

Время от времени мальчик останавливался и протягивал руку, в надежде, что шофер нажмет на тормоз.

Наконец одна машина остановилась. Это была тяжелая машина, груженная ящиками с бананами. Санчо подбежал, вскочил на подножку.

— Очень надо, — заговорил он, тяжело дыша. — Революция в опасности. Лысый генерал жив...

— Садись! — сказал шофер.

Это был молодой парень. Невысокий, смуглый, большерукий.

— Только давай скорее, — попросил Санчо, когда машина тронулась.

— Как ты очутился здесь?

— Я прилетел на змее!

Шофер недоверчиво покосился на мальчика.

— Клянусь мадонной! — сказал он и для большей убедительности расстегнул рубашку.

Шофер увидел на его груди красный галстук. И это подействовало на него как пароль.

— Куда надо ехать?

— Бар «Глория», — отозвался Санчо.

И огромная груженная машина помчалась со страшной силой, прижимая к обочине легковые лимузины.

Когда машина въехала в город, там звучали выстрелы и улицы были безлюдными. Где-то шли бои. Это сторонники Лысого генерала сделали попытку захватить власть.

В одном месте путь машине преградил патруль «шакалов» в коричневых рубашках. Они сооружали из ящиков баррикаду и потребовали, чтобы шофер остановился. Шофер переглянулся с Санчо и вдруг направил машину на «шакалов», те успели разбежаться. Баррикада из ящиков с треском разлетелась под колесами тяжелой машины.

Прозвучало несколько выстрелов. Но пули попали в ящики с бананами. Наконец машина подъехала к бару «Глория».

Шофер затормозил. Санчо выпрыгнул из кабины.

— Спасибо! — крикнул он.

— Салют, приятель! — отозвался шофер, и машина помчалась дальше по улице.

У бара толпилось много людей. Большинство из них было с оружием.

— Вы не видели Боливара? — спрашивал Санчо, пробираясь к входу. — Не знаете, где Боливар?

Но люди были заняты своими делами, своими разговорами. Они не обращали внимания на мальчика. Где-то вдалеке зазвучали выстрелы.

Санчо спустился в бар и почти сразу же столкнулся с Боливаром.

— Боливар!

— Санчо!

— Боливар... они заминировали театр. Они хотят взорвать народное собрание, — быстро сказал Санчо. — Надо спешить.

— Откуда тебе это известно?

Санчо рассказал другу о том, что произошло в колледже.

— И ты не побоялся полететь на змее? — удивился Боливар. — Мог ведь разбиться.

— Когда идет бой, каждый может погибнуть, — ответил мальчик.

— Идем к командиру!

В небольшом закутке под лестницей поминутно раздавались телефонные звонки. За столом сидел командир. Выслушав Санчо, командир тут же приказал нескольким отрядам отправиться к оперному театру. Когда же все распоряжения были сделаны, командир пожал мальчику руку и сказал:

— От имени республики спасибо тебе, Санчо!

И Санчо отдал пионерский салют.

— Надо освободить колледж, — сказал он. — Там мои товарищи.

— Боливар, — распорядился командир, — возьми отряд и направляйся в колледж. Надо выручать друзей Санчо.

Когда Санчо вслед за Боливаром шел по залу бара, он увидел нескольких раненых. Среди них был его отец. Сеньор Родригес сидел на стуле. Голова у Па

была забинтована, и на белом бинте расплылось алое пятно крови.

— Па!

Отец открыл глаза:

— Санчо!

— Ты ранен? Тебе тяжело?

— Ничего, сынок, эта рана стоила им двух «шакалов», оставшихся лежать на мостовой. Когда идет бой...

— Па, ты поправишься. Я скоро вернусь за тобой.

— Куда ты, Санчо?

— Освободить колледж, — ответил Санчо.

А Боливар сказал, улыбаясь и лохматя свои вьющиеся волосы:

— Ваш сын настоящий герой!

Броневи́к с разгону ударил в ворота колледжа, и тяжелые ворота разлетелись в разные стороны. Броневи́к покати́л по лужайке к входу в колледж. Находящиеся на лужайке «шакалы» в панике побежали к зданию. Они так спешили, что образовали в дверях пробку. Тут их настигли бойцы отряда Боливара.

Раздалось несколько выстрелов. И вот в окне колледжа появился белый флаг. «Шакалы» выходили один за другим. Они бросали на землю оружие и поднимали руки. Санчо вместе с бойцами вбежал в колледж. Он бегал с этажа на этаж в поисках товарищей. Но их нигде не было. Вдруг он услышал глухие удары. Санчо сбежал по лестнице вниз. Двое бойцов последовали за ним.

Удары раздавались из карцера. Кто-то колотил табуреткой в дверь. Бойцы прикладами сбили с дверей замок, и пленники выбежали из темного карцера.

— Санчо!

— Андерс!

— Пабло!

— Кокос!

— Винсенто!

САМАНТА

Фантазия-быль

Друзья обнимались, хлопали друг друга по спине, смеялись.

— Мы думали, ты погиб!

— Они стреляли в тебя. А потом затолкали нас в карцер.

— А ты как попал сюда? — спросил Санчо Кокоса.

— Когда обнаружили, что тебя нет, директор дал мне в глаз и запер со всеми. Кстати, где директор?

На улице они увидели директора. Правда, узнать его было трудно, потому что на нем была одежда швейцара. Кроме того, под носом у него откуда-то появились усы, густые и черные, совсем такие, какие Кокос пририсовал Лысому генералу.

— Алдан Бланко, мой друг, — обратился директор к Кокосу, — ведь я был к тебе добр...

— Вы были добры! — усмехнулся Кокос, прикладывая ладонь к подбитому глазу. — Вы хотели сделать меня предателем!

В это время из колледжа стали выбегать ребята, которым было приказано не выходить из классов. Теперь все уже знали о полете Санчо и о том, что он привел отряд, который выбил «шакалов» из колледжа.

Двор заполнили ребята, а Санчо и его друзья с красными галстуками на груди пробивались сквозь толпу. И все сжимали у плеча кулаки и кричали:

— Вива Санчо! Санчо герой! Вива Санчо!

И вот уже пятеро друзей — первый пионерский отряд колледжа — шли по украшенному флагами городу и пели свою песню, которую Санчо привез из Советского Союза.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жила-была девочка

Сколько необыкновенных историй начинаются этими обыкновенными словами: жила-была девочка. Была похожа на своих подруг и мало чем отличалась от других девочек, живущих на свете. Но вот девочка совершила поступок, на который не каждая решится, и неожиданно ее жизнь вызвала общий интерес.

Всем вдруг стало любопытно, кто ее родители, как выглядит ее дом, кто ее любимый писатель и кем она собирается стать, когда вырастет, умеет ли она плавать, как звать ее лучшую подругу.

И когда люди получают ответ, у них появятся новые, куда более важные вопросы. Они захотят узнать ход ее мыслей, захотят понять, что привело девочку к поступку, который поразил всех. Не отступила ли она в трудную минуту?

Ведь от того, что жила-была эта девочка, что-то изменилось в жизни всех людей.

А потом, когда ее не станет, вместе с болью и горечью у людей снова появятся вопросы. Еще более трудные, проникновенные и вместе с тем грозные. Эти вопросы зазвучат на весь мир как обвинение. И кое-кому захочется, чтобы о девочке скорее забыли.

Но она жила, была, и от этого никуда не денешься, это невозможно забыть. А то, что не забывается, продолжает жить вечно.

Реквием

Кончалось лето. Августовское утро было свежим. И маленькие паучки-связисты тянули от дерева к дереву свои провода-паутинки, словно спешили передать по телефону известие о том, что лето кончается.

Серо-голубое небо было высоким, многоярусным, оно притягивало к себе, как на высоте притягивает земля. Когда задувал ветер — теплый, вполсилы, — шуршал сухой дождь пожелтевших листьев. И казалось, листья сыпались не с деревьев, а из глубин неба.

И вдруг удар.

Среди множества газетных сообщений маленькая заметка. Ее вполне можно было не заметить, пропустить. Но она попала на глаза:

«Нью-Йорк. (ТАСС.) В аэропорту Оберн-Льюистон потерпел катастрофу самолет авиакомпании «Бар харбор эйрлайнз». Как сообщило агентство ЮПИ, находившиеся на борту восемь пассажиров и члены экипажа погибли. В их числе — 13-летняя американская школьница Саманта Смит и ее отец Артур Смит...»

Я прочел эти строки, и сердце сжалось...

Кончилось лето. Повеяло холодом. Небо стало низким и скучным, как потолок. Паутинки повисли, как сорванные провода. Мне показалось, что произошло стихийное бедствие вроде землетрясения или цунами. От Оберн-Льюистона — от эпицентра беды — стали расходиться волны по всей земле. Они мчались в будущее и возвращались в настоящее. Но не ослабевали — напротив, набирали силу.

Самолет летел из Бостона в Огасту, но был по неизвестным причинам направлен в аэропорт Льюистона, где взорвался при посадке в ночное время. Что это за неизвестные причины? Почему диспетчер дал вылет в непогоду? Почему изменили маршрут? Почему самолет вдруг взорвался? Сколько времени эти вопросы будут мучить людей! Найдут ли на них ответы?

Саманта. Моя Саманта. Она улыбалась мне с экрана телевизора, а я в ответ улыбался ей, я разговаривал с ней, рассказывал ей о своих маленьких друзьях, о внучке Насте, о льве Кинге, о собаке Айде. Я забывал, что мы с ней по разные стороны экрана и по разные стороны океана и обратной связи не было...

Была обратная связь! Мне казалось, что Саманта слышит меня в своем телевизионном Зазеркалье. Улыбается мне. Понимает меня. Известно, что читатели тянутся к полюбившимся писателям. Но никто не знает о том, как мучительно и вечно писатель тянется к своему читателю.

Саманта так и не открыла моих книг, но неожиданно стала моей героиней. Она завладела моим сердцем. Я просыпался с ее именем на устах и засыпал, думая о ней. Ах, тонкие провода-паутинки! Не выдержали страшного известия, сгорели.

Теперь мысль о Саманте неотступно следует за мной. Я иду по ее следам. Они еще не остыли, я чувствую их тепло. Я собираю все, что известно об американской девочке. Пытаюсь мысленно поставить себя на ее место и пережить то, что пережила она. Образ Саманты живет во мне, и я передаю его людям, чтобы каждый добавил к нему хоть толику своего тепла, ведь жизнь Саманты может быть продолжена только жизнью миллионов.

«И еще я боюсь, — говорила Саманта, — что следующий день будет последним днем Земли».

Земля осталась на месте — не стало Саманты.

Стрекоза

Я представляю себе Саманту бегущей по утреннему лужку, и высокая трава, как собака, трется о ее ногу. Каштановые, пахнущие солнцем волосы разметались от бега, спадают на лицо, и девочка встряхивает головой, чтобы отбросить их назад. Большие

глаза наполнены небом, длинные реснички вздрагивают, как веточки. От частого дыхания рот полуоткрыт, два верхних зубика чуть крупнее остальных. Веснушки — след солнца.

На девочке белая блузка с забавным пеликаном на груди и потертые замшевые шорты. На коленках ссадины едва зажили, покрылись корочкой, как сургучом.

Девочка гонится за стрекозой.

Стрекоза то взмывала вверх, то стремительно падала, и ее слюдянистые крылышки блестели на солнце. Она закладывала пемыслимые виражи, словно маленьким самолетиком управлял отчаянный пилот.

В конце концов ей наскучило играть с девочкой — она поднялась на этаж выше и растворилась в воздушных потоках.

И тогда за рощей послышался дробный звук, похожий на треск мотоцикла, и из-за зеленой кущи вместо стрекозы выскользнул легкий спортивный самолетик. Глаза Саманты сразу загорелись, словно кто-то повернул выключатель. Девочка вспомнила, что у нее в руке сачок, и замахала им — хотела накрыть желтым колпачком огромную стрекозу.

А тем временем самолет опускался, и по траве уже пошли зеленые волны. Он летел так низко, что были видны блестящие крышки, ручки, разные винтики. Девочка решила, что с самолетом приключилось что-то неладное — он вот-вот выпадет из своей стихии и врежется в землю.

Но шасси благополучно коснулись земли, и самолет, неловко прыгая по кочкам, побежал по лужку. Его дробный грохот заглушил птиц и кузнечиков. Наконец он остановился, замер. Только крылья слегка покачивались.

Появление самолета нарушило привычный ход жизни луга. Цветы перестали пахнуть медом, а влажная трава утратила соленый дух морской воды. Все поглотил резкий запах бензина.

На крыло самолета из кабины выбрался худой парень в кепке с прозрачным целлофановым козырьком. Он осмотрелся, ладонью провел по лицу и тут заметил девочку.

— Хелло, герл! — крикнул он.

— Хелло! — Саманта рукой помахала незнакомцу.

Она сделала несколько шагов в сторону самолета и смогла получше рассмотреть пилота. Он был молод — почти мальчик, — но под нижней губой у него, как приклеенная, росла жидкая борода.

— Я заблудился, — сказал парень и потрогал бороду.

— Разве в небе можно заблудиться? — удивилась девочка. — Ведь сверху все-все видно.

— Это так. Только на земле не написаны названия мест, — усмехнулся парень.

— Но у тебя есть карта!

— Я не смотрел на карту. Я гнался за рыжим! — ответил он и спрыгнул на землю. В красных кедах он напоминал девочке гуся... с бородой.

— За каким рыжим? — заинтересовалась девочка. — Он бежал по земле, а ты гнался по небу?

— Нет! Я воображал, что гонюсь за ним! И со злости не заметил, куда залетел. У меня кончается бензин. Где здесь поблизости колонка?

— В двух милях отсюда. — Девочка удивленно рассматривала незнакомца. — Только там самолеты не заправляют.

— За деньги и подводную лодку заправят, — отрезал бородатый.

Сперва парень, свалившийся с неба, заинтересовал девочку. Но его самоуверенность была неприятна ей. И отпала охота помогать ему. Напротив, захотелось чинить всяческие препятствия.

— У нас на колонке работают одни рыжие, — сказала Саманта. — Они не дадут тебе бензин, даже за деньги.

— Откуда они узнают, что я гонялся за рыжим? — воскликнул парень, и голос его сорвался, как бы дал петуха.

— Я им скажу!

Девочка с вызовом посмотрела на бородатого.

Коричневые глаза парня округлились.

— Это почему?

— Потому, что мой лучший друг — рыжий. Мы сидим с ним за одной партой. Дуглас — самый сильный парень в школе.

Девочка повернулась на пятке и зашагала прочь, размахивая сачком. Сачок ловил ветер и раздувался.

И тогда парень в кепке с целлофановым козырьком вскочил на крыло своего самолета и закричал вслед девочке:

— Этот рыжий на моих глазах обнимал мою сестру за плечи! У него и лицо рыжее — все в веснушках, и руки рыжие.

— Ей это не понравилось? — заинтересовалась девочка.

— В том-то и дело, что понравилось! А тебе бы понравилось?!

— Не знаю, — призналась девочка. — Может быть, она любит его?

Она произнесла эти слова и покраснела... И отвернулась, чтобы он не видел, как она покраснела. А парень закричал:

— Да! Да! Любит! Но она не должна любить такого рыжего!

Некоторое время девочка молчала, думала, как бы покрепче ответить. И, глядя через плечо, крикнула с вызовом:

— А может быть, я тоже когда-нибудь полюблю рыжего Дуга!

И тут парень взорвался.

— Все девчонки дуры! — закричал он. — Все девчонки не знают, что делают. Мне не нужна твоя

колонка! Мне не нужен твой бензин. Долечу как-нибудь так! — И вдруг: — Как тебя зовут?

— Саманта! — ответила девочка.

— Я запомню твое имя! Я навсегда запомню твое имя, — закричал парень. — А меня зовут Руди. Рудольф Битеринг.

Девочка так и не поняла, зачем этот Рудольф Битеринг собирается навсегда запомнить ее имя. Чтобы гоняться и за ней по небу до тех пор, пока не кончится бензин?

А Руди уже нырнул в кабину, с шумом задвинул прозрачный плексигласовый колпак. Затрепал мотор. Завертелся пропеллер. И самолетик, переваливаясь с боку на бок, как бы нехотя побежал по неровному полю. А потом незаметно отделился от земли и по невидимой лестнице стал взбираться в небо.

Он исчез, как до него исчезла стрекоза, — растворился в солнечных лучах.

И в это время со стороны городка потянулся странный, тревожный вой, словно множество сирен старались перекричать друг друга.

«Пожар? — подумала Саманта. — А может быть, другое бедствие?»

Девочка потеряла заживающую коленку и побежала в сторону дома.

«Русские летят»

Когда усталая, в пыльных кедах Саманта вошла в город, никакого пожара не было, но город был пуст. Он был пуст, как бывает ночью, когда на улицах нет прохожих, а по мостовой не мчатся машины. Но если город уснул, то почему не горят фонари, а высоко в небе стоит солнце? Может быть, произошла ошибка, путаница: испортились сразу все часы, переменились программы телевидения, и люди уснули, приняв день за ночь?

Саманта шла, прижимаясь к стенам домов, чтобы быть незаметной. Ее охватил страх. Страх обычно приходит в темноте — сегодня ей стало страшно при свете дня. Она боялась, сама не зная чего. Пустоты?

Так девочка прошла еще два квартала и вдруг подумала: наверное, пока она ловила стрекоз, случилась какая-то беда и все жители покинули дома и умчались прочь из родного города. А как же папа и мама? Они наверняка остались дома и ждут ее, что бы ни произошло. Только бы дойти до дома, только бы дойти...

Саманта шла, вернее, кралась по пустому городу, и страх все сильнее овладевал ею. Чтобы отвлечься, она стала читать вывески, самые привычные: «Банк», «Бар», «Аптека»... Но они существуют для людей, а если некому заходить в банк, идти к ленчу в бар и спешить за лекарствами в аптеку, то все теряет смысл. И жизнь в пустом городе тоже теряет смысл.

И вдруг раздался свист. Девочка остановилась. Рядом приоткрылась дверь, оттуда высунулась рука и мгновенно втянула Саманту в подъезд. Дверь захлопнулась.

— Это я, — слышался в темноте приглушенный голос, но Саманта не узнала его, потому что, когда говорят шепотом, все голоса становятся похожими.

Зато она почувствовала знакомый, аппетитный запах свежих гамбургеров — булочек с вложенными в них котлетами. У нее потекли слюнки, и она узнала Дуга. После школы он разносил по городу гамбургеры — подрабатывал.

— Это ты, Дуг? — спросила Саманта.

— Это я, Саманта. На, поешь! — Маленький продавец булочек с котлетами вложил в руку девочке гамбургер.

— У меня нет с собой денег, — призналась Саманта.

— Ничего, — отозвался мальчик. — Ешь так! Бери!

— Я от страха забыла про голод,— призналась девочка и с удовольствием принялась есть хрустящую булочку с ароматной котлетой.— Скажи, Дуг, что здесь происходит?

— Взрослые играют в войну. Они объявили: «Русские летят» — и стали всех загонять в атомные убежища.

— Что этим русским надо? — вздохнула девочка.

— Не знаю,— признался Дуг.— У меня дядя ушел на войну, только не с русскими, а с вьетнамцами. Он был в командос. Дядя не вернулся. Но нам прислали его зеленый берет. И никто не победил.

— Но если война, кто-то должен победить?

— Лучше не воевать,— задумчиво произнес Дуг.— У дяди остались три дочки, мои кузины. Они не виноваты, что кто-то хотел воевать. Им живется плохо. Так плохо, словно их победили!

Дуг замолчал. И Саманта молчала. Ей было горько, словно не у Дуга, а у нее были три кузины и у них теперь вместо отца зеленый берет командос.

Ребята притихли и стали наблюдать за улицей в щелку приоткрытой двери. По камням прыгали воробышки, словно состязались в беге в мешке. В поле зрения показался человек в инвалидном кресле-каталке. Он с независимым видом катил по самой середине мостовой.

— Смотри, старый солдат Ральф! — воскликнул Дуг.

— Он не боится войны,— отозвалась Саманта.

— Тем более что война не настоящая,— усмехнулся Дуг.

— Он и настоящей не боится. Давай позовем его.— И, не дожидаясь согласия своего товарища, Саманта распахнула дверь и крикнула: — Мистер Ральф! Подгребайте к нам.

Кресло на колесах остановилось, сделало крутой поворот и оказалось рядом с детьми.

— О! Сэми! — воскликнул Ральф.— И ты, Дуг!

Хорошая подобралась компания. Играете в войну?

— Весь город играет. А мы спрятались.

— От войны не спрячешься.

...Ральф был одет в неизменную, изрядно поношенную куртку. На голове лихо сидела военная фуражка. Он казался молодым, но его короткая щетина-борода отливала серебром. Словно он намылился, а побриться забыл. У него не было ног. Вернее, они были, но не действовали.

«Ноги мне заменили на войне,— горько усмехаясь, обычно говорил он.— Взяли крепкие, а вернули бывшие в употреблении, неподвижные».

Когда ему говорили: «Вы рано поседели!» — он отвечал: «Потому что поздно поумнел».

Он действительно на всю округу слыл мудрецом.

Но дети любили его не за мудрость, а за то, что он рассказывал сказки и дружил с ребятами на равных. Это взрослым людям редко удается.

Саманта внимательно посмотрела в глаза мистера Ральфа и спросила:

— Почему никто не хочет войны и все готовятся к войне?

Старый солдат не спеша раскурил свою трубку, которую ему на Эльбе подарил русский друг Иван, и задумчиво воскликнул:

— Война! Война! Я помню, как было страшно, когда я не узнал лес. Вчера это был прекрасный лес. А на другой день после обстрела лес стал калекой. Сломанные деревья, обгоревшие ветви, корни, черными спрутами застывшие над головой. Онемели птицы. Ослепли цветы.

— А люди? — спросила Саманта.

— Люди — как лес,— ответил старый солдат.— Я дерево из того леса.

Мистер Ральф любил рассуждать и каждый раз приходил к неожиданному выводу.

— Человек, если делает добро другому, непременно хочет, чтобы об этом знали все. Люди тще-

славны. А вы, друзья мои, слыхали притчу о солдатской фляге? — спросил он и, не дожидаясь ответа, стал рассказывать: — Семеро солдат томились от жажды. И была у одного из них фляга с тремя глотками воды. Он пустил флягу по кругу. И все подносили флягу ко рту. Но когда фляга вернулась к хозяину, оказалось, что вода не тронута. Каждый хотел уступить эти три бесценных глотка товарищу... Настанет время, когда старая солдатская фляга пойдет по всему миру. И вернется нетронутой. Вот тогда и настанет вечный мир... Эй, Сэми! Как поживает твоя собака? Не принесла щенков? Я куплю у тебя щенка.

— Мистер Ральф, я подарю вам щенка.

— Дарить собаку нельзя. Я дам тебе доллар, а ты отсчитаешь мне пятьдесят центов сдачи. У тебя найдется пятьдесят центов?

Четыре ступеньки

Я вглядываюсь в даль и вижу деревянное крылечко Самантиного дома. Сюда долетают ветры с залива Мэн и веет прохладой от Великих озер, а рядом шумят сосны, словно рассказывают, что когда-то на этом месте стоял вигвам индейцев, горел костер и дымок, словно по винтовой лестнице, поднимался высоко в небо.

А рядом с первой ступенькой, совсем близко, растет невысокая елочка. Раз в году, зимней ночью, Санта-Клаус наряжает ее и кладет прямо на снег рождественский подарок.

Я вглядываюсь и вижу: на крыльце появился Артур — отец Саманты. Он высоченный, как баскетболист, и нога у него будь здоров. Глаза у папы глубоко посажены, и кажется, что он щурится, словно от солнца. Черты лица крупные, грубоватые и располагающие. Ветер, тот, что дует с залива Мэн, растрепал

ему волосы, и на макушке появилось два мальчишеских вихра. И папа старательно приглаживает их, но ничего не получается: они как на пружинках. Но, кроме вихров, в папе сохранилось еще что-то от мальчишки. Саманта это чувствует, и ей легко находить с папой общий язык. Временами он кажется ей очень, очень, очень высоким мальчишкой. А для других папа — джентльмен, степенный преподаватель Боудон-колледжа. Мистер Артур Смит.

Когда папа бывает строг, Саманте кажется, что он играет в строгого. Она улыбается, а папа сердится.

Папа постоял на крылечке. Потом по-спортивному развел руки в стороны и глубоко вздохнул. Он повторил это несколько раз, затем спустился и сел на вторую ступеньку.

— Посмотрим, что пишут в газетах, — сказал он и, как парус, развернул свежую газету.

И тут появилась мама — Джейн. Она на целую голову ниже папы. С ее коротко постриженными волосами ветер ничего не может поделать. Мама очень аккуратная и, прежде чем сесть, долго поправляет юбку. Она улыбается — сдержанно, с достоинством, истинная хозяйка дома. Весь вид ее говорит: мы должны поступать разумно.

— А где Сэми? — спрашивает мама.

— Я здесь!

Саманта выбегает на крыльцо, осматривается, и на лице ее появляется та неповторимая, заразительная улыбка, которая все время стоит у меня перед глазами.

Вся семья в сборе.

— Будем фотографироваться? — спрашивает Саманта. — Семейная фотография? Папа, опусти газету. А где фотограф?

Этот фотограф — я. Я смотрю сквозь время и пространство, отыскиваю маленький городок на севере Соединенных Штатов, дом на окраине, крылечко с четырьмя ступеньками. Моя мысль, вернее, мое

чувство напряженно работает: ведь я должен запечатлеть не на пленку, а в своей памяти маленькую, обыкновенную, типичную американскую семью. Но ей суждено стать необыкновенной и нетипичной благодаря девочке, которая больше всего любит собак и ловко прыгает через резинку.

И еще мне известно, что она была великой фантазеркой.

Каждое утро Саманта распахивала дверь, раз, два, три, четыре — сбегала вниз по ступенькам и — в школу. В ней было столько энергии, что даже когда она не опаздывала, все равно бежала или шла вприпрыжку. За углом она махала рукой своему соседу — старому солдату Ральфу; он уже выехал на своей каталке и принимает парад идущих в школу.

— Эй, подруга, поторапливайся! — кричал он и тоже махал рукой.

А через два квартала с постоянством старого солдата Ральфа на углу стоял Дуг.

Каждый раз, встречая Саманту, он говорил:

— Какое совпадение! Мы снова случайно встретились!

Но Саманта знала — никаких случайностей не было. Ее верный друг всегда приходил пораньше и ждал ее. И дальше они шли вместе. А когда она опаздывала, он опаздывал с ней. За компанию.

— А знаешь, Сэми, мой дед был ковбоем, — рассказывал Дуг, шагая рядом и размахивая сумкой. — Ты думаешь, он скакал на необъезженном мустанге и стрелял сразу из двух пистолетов шестого калибра? Это только в кино ковбои похожи на веселых разбойников. Деду в то время было столько лет, сколько нам. И чтобы сесть на лошадь, он подводил ее к тумбе... Однажды в прериях его застигла страшная буря. Сперва полил дождь, а потом с неба посыпался град величиной с голубиное яйцо. А вокруг — ни жилья, ни деревца. Мой дед упал на

землю, свернулся в комочек и стал ждать своей судьбы. И его бы прибило градом! Но одна корова подошла к нему, и он очутился под живой крышей — корова приняла на себя все удары града. Она спасала маленького ковбоя.

— Я знаю, коровы добрые. После школы я поступлю к папе в колледж, а потом буду лечить коров, — сказала Саманта.

— А в Мэриленде в одном городе при пожарной части жила корова. Она приносила пожарным удачу...

О! Он знал столько увлекательных историй, этот Дуг!

Черный ящик

В этот вечер Саманта рано сделала уроки и легла на любимый диван, у которого, кстати, было еще одно достоинство: напротив стоял телевизор — «черный ящик», как называл его папа.

Саманта потянулась к телевизору, раздался щелчок, и на экране появился ее старый знакомый — маленький инопланетянин Ити. У него большой рот и выпуклые глаза, что делало странного Ити похожим на лягушонка. Но он не имел к лягушкам никакого отношения — он был сам по себе, лягушки сами по себе.

Он выделял разные трюки и развлекал Саманту. Он не хотел никого смешить, но у него все получалось смешно.

В конце передачи Ити — житель неизвестной скалочной планеты — улыбнулся, помахал рукой. И Саманта тоже улыбнулась и тоже помахала рукой...

И тогда началась война. Пляшущее пламя охватило экран телевизора, раздался грохот и вой. И в дыму, как призраки, возникали фигуры в комбинезонах, забрызганных темными пятнами камуфляжа. Казалось, это было не обмундирование, а собственная шкура — пятнистая и шершавая. В глазах солдат

застыла яростная пустота — они ничего не видели, шли напролом, вслепую, не разбирая дороги. Рты перекошены в крике. От солдат пахло дымом и огнем. Девочка почувствовала этот запах.

Маленький смешной человечек затерялся в памяти, а его голос замер в реве солдат, которые тоже казались выходцами с другой планеты, только не с доброй и занятой, а с чужой и дикой.

Они шли прямо на Саманту, наставив на нее черные глазки автоматов. Девочка глубже вдавилась в спинку старого дивана, словно отступила под натиском солдат-чудовищ.

С ревом промчались самолеты. И с холодным гулом завывали бомбы. Вой нарастал, вырывался из телевизора, и девочке казалось, что бомбы приближаются, что они пробьют крышу, второй этаж, потолок и взорвутся в комнате с зеленым ковром.

Саманта втянула в плечи голову и закрыла глаза.

А когда снова открыла, то увидела танки. Они ползли тяжелой, грохочущей лавиной. Длинные стволы орудий мерно покачивались. Танки тоже на двигались на Саманту. Они становились все больше, от их грохота гудела голова. Он уже заполнил всю комнату, и девочка морщилась от едкого запаха пережженной солярки, похожего на запах походного примуса. От железной поступи танков в буфете звенела посуда, стенные часы раскачивались вместе с маятником. Погасла люстра, скисло молоко... Лицо обжигало пламя... Еще мгновение — и танки разобьют стекло телевизора и ввалятся в комнату, все круша и ломая, оставляя на зеленом ковре глубокие рубчатые следы.

— Мама! — вырвалось у девочки. Но она не услышала собственного голоса. — Мама! — Призыв о помощи так и остался на губах.

И тут Саманте, моей маленькой умной Саманте пришла спасительная мысль. Преодолевая страх, закрываясь рукой от танков, девочка соскользнула с

дивана и нащупала выключатель. Раздался щелчок, и сразу не стало танков, утих грохот, перестало пахнуть дымом — экран телевизора погас. В комнате установилась тишина. Девочка провела тыльной стороной руки по лбу и облегченно вздохнула.

Она опустила на диван и некоторое время сидела с закрытыми глазами. Девочка тяжело дышала. Лицо ее горело. Исчезли веснушки, словно она пробежала сквозь огонь.

«Неужели не существует выключатель, который может навсегда выключить атомные заряды, двигатели подводных лодок и летающих крепостей, сделает безобидными снаряды, остановит танки?.. — думала Саманта. — Может быть, можно найти такой прекрасный выключатель, который выключит войну, как только что выключил телевизор?!»

Погасший экран был похож на окно дома, в котором хозяева погасили свет и легли спать... А еще экран был похож на выпуклое голубоватое небо, созданное для птиц и облаков, для радуги и фейерверков. И для бумажного змея с большим хвостом и смешной рожицей.

...Змей летел над невысоким городом, он скользил рядом с коньками крыш, задевал хвостом за телевизионные антенны. Порой опускался и заглядывал в окна верхних этажей. В какой-то момент он зацепился за провод, повис вверх ногами и заглянул в окно Саманты.

— Здравствуй, Саманта.

— Здравствуй. Почему ты стоишь на голове?

— Потому, что у меня нет ничего, кроме головы. Еще я могу стоять на подбородке, но для этого мне нужно отцепиться. Ой, подул ветер. Прощай!

Смешная рожица исчезла в окне. Как птица, которая сядет на подоконник и неожиданно улетит.

И вдруг Саманта увидела бумажного змея. Он летел над домом напротив и был охвачен пламенем. Вместо хвоста за ним, как за горящим самолетом,

тянулся шлейф черного дыма. А смешную рожицу искажала боль.

На крыше стоял человечек с другой планеты и качал головой.

И Саманта подумала, что кто-то опять включил войну.

Она открыла глаза. В комнате было темно, а сама она лежала на диване, зажав коленками озябшие руки. Папа и мама еще не пришли.

Девочка вздохнула и снова уснула.

Папа бесшумно вошел в комнату и остановился перед спящей дочерью. Он смотрел на загорелое плечо, с которого сползло одеяло, на прядку волос, которая упала на лоб, на густые длинные реснички, веснушки, похожие на семечки березы. Саманта лежала на боку, маленькая, хрупкая, нежная, а он стоял над ней, как великан — рослый, плечистый, большеногий. Он был вечным стражем, который охранял дочь от тревог и напастей.

А может быть, он пытался узнать тайны Самантиных снов? И его любящий, пытливый взгляд проникал в сплетение ресничек и видел то, что видит спящая дочь?

В последнее время папа был насторожен. Он чувствовал, что тревожный взрослый мир все глубже проникает в сознание Саманты. Она стала задумчивей. В доме реже слышался смех, реже звучала забавная песенка «Чат-тануга-чу-чу». Как помочь дочери преодолеть недетские мысли, как уберечь ее от тревог мира? Надо будет увезти ее летом на Великие озера!

— Арт, — послышалось за его плечом.

Папа оглянулся. В дверях стояла Джейн.

— Пора спать, Арт!

— Да, да, — пробормотал папа. — Она призналась мне — она боится, что следующий день будет последним днем Земли.

Он натянул одеяло на раскрытое плечо дочери и на цыпочках пошел прочь.

И вдруг Саманта вскрикнула, между ровными бровями на мгновение запала складочка, губы сжались.

Папа вернулся и большой рукой провел по мягким волосам Саманты.

Письмо президенту

Четыре ступеньки Самантиного дома вели в удивительный мир, где сосны шумели, как море, и горько пахло еловыми шишками. Белки, как птицы, перелетали с одной ветки на другую, а дятлы — неустоимые плотники — стучали клювами-топориками по гулким стволам. Когда начиналась гроза, молнии вспыхивали электрическим светом, словно суетливый фотограф делал снимки и вспышкой блица освещал темный мир.

Эти четыре ступеньки вели то в глубокие снежные сугробы, то в ворох опавших листьев, то к ручьям весеннего снеготавя. Саманте казалось, что ее дом постоянно движется, а четыре ступеньки — ступеньки вагона, ночью мчащегося по разным странам. Как было бы скучно, если бы дом стоял на одном месте!

Нет, это не дом, это наша планета в постоянном движении, и все люди — путешественники.

И однажды Саманта подумала: поезд может остановиться. Кто-то рванет на себя красную ручку стоп-крана — и движение кончится.

Эта мысль все чаще и чаще посещала девочку. Особенно ночью.

Саманта лежала с открытыми глазами и думала: неужели на целой планете не найдется человека, который бы знал дорогу к миру. Пусть придет такой человек. Пусть придет поскорей, пока не поздно.

Я представляю себе Саманту среди ночи.

Саманта проснулась и почувствовала, что не хочет спать. Обычно утром она любила поваляться хоть

минутку, а сейчас прилив бодрости поднял ее, и она уже собралась соскочить с постели и бежать мыться, чистить зубы. Но ее насторожила тишина — за стеной не слышно было тяжелых папиных шагов, не звучал мамин голос. Саманта села, свесила босые ноги и прислушалась.

С улицы долетело три глухих удара колокола — городские часы пробили время. Три часа? Саманта удивилась. В ее памяти всплыли стихи:

Час дневной — болтун.

Час ночной — молчун.

Утренний — разговорчивый,

Вечерний — несговорчивый.

«Я заблудилась во времени, — решила девочка. — Думала, что наступило утро, а оказалось — глухая ночь». Ею овладела невнятная тревога. Над домом с грохотом, как по рельсам, промчался самолет.

Саманта соскочила на пол и подошла к окну. Ночь была туманной. Не видно было ни звезд, ни неба, ни голубоватых крон сосен.

Час ночной действительно молчун — не с кем поговорить, все спят. Но зато хорошо думать, хорошо разговаривать самой с собой.

И тут тревога стала проявляться, как проявляются дома, деревья, небо, когда ночной туман рассеивается и наступает рассвет. Саманта вспомнила, как русский танк едва не разбил стекло телевизора и не ввалился в дом. Вспомнила искаженную рожицу бумажного змея и черный дым вместо хвоста... Стало страшно, захотелось крикнуть. Но у Саманты хватило сил сдержать крик. Она скрестила на груди руки, обняла себя за плечи и, как лунатик, стала ходить по комнате. И думать.

И вдруг девочку обожгла мысль, которая последнее время преследовала ее. Может быть, эта ночь последняя. Может быть, именно сейчас случится страш-

ное, непоправимое: кто-то рванет красную ручку тормоза — поезд остановится, жизнь на Земле замрет. И уже не будет разговорчивого утра, болтливое дня, несговорчивого вечера... Почему русские хотят завоевать весь мир, хотят завоевать Америку?

Почему? Почему? Почему?

В сознании девочки произошло просветление. Она совершенно четко поняла, кому надо задать этот страшный, неразрешимый вопрос: почему? Саманта решительно подошла к столу. Зажгла свет. Вырвала из тетрадки листок, достала ручку. Села на краешек стула и вывела первые слова: «Мистер советский Президент...»

Строка полилась за строкой:

«Мне 10 лет. Я обеспокоена, будет ли война... Вы за войну или нет? Если вы против, пожалуйста, напишите, как вы собираетесь не допустить войны».

Саманта остановилась. Она тяжело дышала, словно не писала, а совершила большую пробежку. Но задерживаться было нельзя, каждое мгновение это могло произойти, и она, крепче сжав ручку, вывела на бумаге самый страшный вопрос: «Почему вы хотите завоевать весь мир или по крайней мере Соединенные Штаты?»

Она так погрузилась в свою трудную работу, что не заметила, как дверь отворилась и порог комнаты переступил папа, а за ним, кутаясь в халатик, маленькими шажками бесшумно вошла мама. Они встали за ее спиной. И не дыша следили за каждым словом, выходящим из-под ее пера. Только когда Саманта поставила точку и отложила ручку — почувствовала, что не одна в комнате, и оглянулась.

— Ты правильно поступила, дочь, — сказал папа. — Хотя неизвестно, чем это кончится.

— Не слишком ли опрометчиво? — спросила мама. — Впрочем, скорее всего, ты не дождешься ответа. Но пусть в Москве по крайней мере знают, что даже наши дети не хотят войны...

— Хорошо, что вы здесь,— тихо произнесла Саманта.— Хорошо, что вы знаете. Я завтра отправлю письмо. Если русский президент честный человек, он ответит, он напишет правду.

Я представляю себе раннее утро в маленьком американском городке, когда еще слышны голоса птиц, а вместо резкого запаха бензина и асфальта еще пахнет свежей травой и тополиной смолой. И городские люди на мгновение вспоминают, что существует небо, солнце, трава, а ветер возникает не от мчащихся машин, а от дыхания Великих озер.

Я вижу Саманту, мою дорогую Сэми, сбегаящую по ступенькам крыльца, раз, два, три, четыре — до меня долетает стук ее каблучков.

На плече сумка с книжками. В руке голубой конверт. В конверте не просто листок бумаги, сложенный вчетверо, в нем — все ее надежды, начало какой-то очень важной, серьезной связи. Придет ли ответ? Или связь оборвется, как обрываются провода-паутинки в осеннем лесу?

На углу Саманту поджидал Дуг.

— Понимаешь, я совершенно случайно...— начал было мальчик, но Саманта оборвала его:

— Да, да, я знаю, ты совершенно случайно очутился здесь. Я очень хорошо знаю это, Дуг! — Саманта улыбнулась, а потом лицо ее стало серьезным, и она обратилась к другу как к официальному лицу: — Дуглас Хилл! Ты умеешь хранить тайны?

— Ты же знаешь, Сэми: я — могила!

— И ты можешь дать клятву...

— Клянусь! — поспешно отозвался мальчик, боясь, что Саманта раздумает посвящать его в свою тайну.

Саманта приблизилась к Дугу и на одном дыхании сказала:

— Сегодня ночью я написала письмо русскому президенту. Если ты засмеешься, я повернусь и уйду.

Дуг не засмеялся. Он только смотрел на Саманту веселыми глазами, и девочка почувствовала, что ему очень хочется засмеяться.

— Почему твои глаза смеются? — строго спросила она.

— Потому что я вспомнил про бродягу, который решил жениться на английской королеве. «Половина дела сделана,— заявил он друзьям.— Я согласен. Осталось уговорить английскую королеву».

Саманта закусил нижнюю губу и сухо спросила:

— Какое отношение твоя дурацкая история имеет к этому письму? — Девочка подняла над головой конверт.

— О чем ты просишь русского президента? — вместо ответа поинтересовался Дуг, и его глаза перестали смеяться.

— Я ни о чем не прошу. Я спрашиваю его: за войну он или нет? Я видела в газете портрет русского президента. У него вполне человеческие глаза.

— Но он может не ответить тебе.

Некоторое время девочка молчала. Потом вскинула голову и сказала:

— Не верить всегда проще, чем поверить.

Повернулась и застучала каблучками.

— Саманта, куда ты?

— В почтовую контору.

— Я с тобой! — Дуг сорвался с места и побежал за подружкой.

В конторе не было посетителей, и, сидя за барьером, девушка в больших очках увлеченно рассматривала журнал «Вог» — изучала новые фасоны. Увидев Саманту, девушка кивнула ей и спросила:

— Что у тебя?

— Письмо.

— Куда отправляешь?

— В Москву! — ответила Саманта и выжидательно посмотрела на девушку.

— В Москву? Это в нашем штате?

— Да нет же! — воскликнула Саманта.

— Еще Москва есть в Канзасе. Я сейчас посмотрю справочник. — Девушка раскрыла потрепанную книгу и стала называть штаты, в которых есть населенный пункт с названием Москва: — Айдахо, Охайо, Теннесси... Есть еще в Пенсильвании...

— Ей нужна другая Москва. Русская! — решительно сказал Дуг.

— Русская? — девушка удивленно посмотрела на Саманту. — Да, да, вспомнила! У русских тоже есть Москва. Это будет стоить сорок четыре цента! У тебя там родные?

Саманта покачала головой.

— Кому же ты пишешь... в Москву?

— Президенту! — за Саманту ответил Дуг.

Девушка от удивления даже сняла очки и посмотрела на Саманту так, словно увидела впервые.

— Президенту?! Однажды мой дедушка написал письмо губернатору штата, но ответа не получил.

— Я тоже, может быть, не получу, — сказала Саманта.

— Наверное. Лучше бы купила мороженого. Только деньги бросаешь на ветер. Ну, давай письмо.

Саманта протянула голубой конверт, девушка наклеила марку, поставила жирный штемпель и отсчитала сдачу с доллара.

Когда Саманта ушла, девушка еще долго смотрела ей вслед. А потом вздохнула и сама себе сказала: подумала вслух:

— Иногда выигрывают по автобусному билету. Вдруг и она выиграет?

Солнце с белыми лучами

Старый солдат Ральф рассказывал сказки. У него были любимые сказки, которые он рассказывал по нескольку раз. Но они не надоедали слушателям.

Его сказки отличались тем, что обычно в сказках речь шла о минувших временах, старый же солдат обращался к будущему. Он был скорее фантаст, чем сказочник.

— История эта произойдет лет через сто, а может быть, через двести. Дети, вроде вас с Дугом, прибегут однажды домой в страшном возбуждении и, перебивая друг друга, станут рассказывать матери:

— Мама, мы нашли странный цветок!

— Он растет за домом, около клена с красными листьями.

— Мы не знаем его названия. Белое колесико с желтой сердцевинкой.

— Вовсе нет! Он похож на маленькое солнце с белыми лучами. Ты не знаешь, что это за цветок?

Они все еще не могли отдышаться, а замолчать тоже не могли, им хотелось поскорей все высказать маме.

— Он пахнет корицей.

— Вовсе нет! Он пахнет солнцем.

— Солнцем? — Мама подняла брови, и глаза ее заблестели. — Я не знаю, как пахнет солнцем. Разве можно понюхать солнце?

— Если наклониться пониже, можно. И на носу остается желтая пыльца. Смотри!

Два маленьких носа поднялись к маме — кончики были желтыми.

— Не знаю, о каком цветке вы говорите, — сказала мама и поочередно вытерла желтую пыльцу с ребячьих носов. — Может быть, вы придумали этот цветок? Хотя от придуманных цветов носы не желтеют. Пойдемте!

И все трое зашагали к клену с красными листьями.

Цветок действительно был похож на белое колесико с желтой сердцевинкой, но и на солнце с белыми лучами был похож тоже. Все зависело от того, чьи глаза на него смотрели.

— Значит, не ты посадила этот цветок? — сказали дети, и в голосе их прозвучало разочарование. — Кто же посадил его? Отец?

Мама пожала плечами.

— Я слышала, что раньше... очень давно цветы появлялись сами и неожиданно. Никто не удивлялся, просто радовались.

— Неужели цветы могут появляться сами?!

— Только в сказках цветы появляются сами!

Четыре глаза с недоумением смотрели на маму.

— Может быть, этот цветок появился по ошибке? — сказала мама.

— По ошибке ничего хорошего не получается, — сказали дети. — Наверное, отец решил сделать нам подарок, всем троим.

И они стали ждать отца. И все это время они разглядывали цветок, поливали, заслоняли от яркого солнца. Постепенно все три носа стали желтыми.

Когда отец вернулся с работы, оказалось, что никаких цветов он не сажал. Он долго рассматривал незнакомое растение, измерил рост стебля, диаметр колесика. Все тщательно записал в книжечку и наконец сфотографировал открытие своих детей. А дети терпеливо ждали, что скажет отец.

Он сказал:

— Вероятно, семечко этого цветка занесло ветром из жарких стран, где растет много экзотических цветов.

Весь остаток дня дети провели около цветка. Приходили соседи, разглядывали незнакомое растение, строили различные предположения о его появлении. Одни говорили, что в природе появился новый вид. Другие не исключали, что цветок инопланетянин — семечко занесло на землю потоком космических частиц. Третьи глубокомысленно молчали. Но никого цветок не оставил равнодушным. Одним он напоминал колесико с желтой сердцевинкой, другим — ма-

ленькое солнце с белыми лучами. И все уходило с желтыми носами.

А цветок одиноко стоял в траве и покачивался от ветра на тонком стебельке.

И тогда дети вспомнили о бабушке.

Обычно о бабушке они редко вспоминали, а тут вспомнили и привели ее в сад. Бабушке было сто лет, а может быть, двести, дети умели считать только до ста. Бабушка жила не только с ними, но и еще в каком-то далеком, малопонятном времени, о котором люди знали только по книгам. Отец называл бабушку «живая история».

Бабушка долго смотрела на цветок и молчала. Потом она сняла очки, словно они мешали ей рассмотреть удивительное растение, и тут дети заметили, что в глазах у бабушки накапливаются слезы.

— Что с тобой, бабушка?

— Может быть, от этого цветка у тебя аллергия?

— Тогда мы сорвем его и выбросим.

— Нет, нет, — запротестовала бабушка. — Никакой аллергии. Все в порядке.

— Почему же у тебя на глазах слезы?

— Цветы всегда напоминают людям детство, — сказала бабушка и легкой сухой рукой смахнула слезу.

— Разве когда вспоминают детство, плачут? — спросили дети. — У тебя было тяжелое детство?

— Нет, — ответила бабушка. — У меня было хорошее детство. Я просто встретила старого знакомого, как встречают на улице или на вокзале.

— Как же зовут... старого знакомого?

— Ромашка, — тихо произнесла бабушка.

— Ро-маш-ка, — по складам повторили дети. — Правильно? Мы никогда не слышали про ромашку. Она из Африки или из Австралии?

— Она из моего детства.

Слезы снова навернулись на глаза бабушки; у детей и стариков чуть что — слезы.

— Когда-то давно ромашек было очень много. Они покрывали поля, пригорки, берега рек. Словно летом неожиданно выпал теплый снег.

Бабушка вспоминала, а детям казалось, что она рассказывает им забавную сказку, в которую сама верит.

— Белое колесико с желтой сердцевинкой было живым, оно встречало человека весной и катилось рядом с ним до осени. От детства до старости человеку светило маленькое солнце с белыми лучами. И от этого жизнь становилась прекрасней. А потом ромашек становилось все меньше. Их стали безжалостно срывать, каждый, кто проходил мимо, срывал.

— Зачем?! — четыре непонимающих глаза смотрели на старую женщину, а она молчала, не знала, что ответить.

Она опустила в траву и низко наклонилась к ромашке. Ее губы шевелились, она что-то шептала своей старой знакомой. Может быть, рассказывала о своей жизни.

Неожиданно она оглянулась на детей, и глаза ее стали сухими:

— Мы виноваты перед вами, дети! Не уберегли ромашку. Она стала для вас чужой, как инопланетянин. Теперь ромашка уже не вернется.

— Вернется, — сказали дети. — Одна ромашка уже вернулась. Мы будем охранять ее, а когда придет осень, соберем семена. И весной вернутся остальные ромашки, и людям будет казаться, что выпал снег... Бабушка, когда ты была молодой, люди не знали, что ромашка — маленькое солнце с белыми лучами. Но теперь они будут знать.

Дети помогли бабушке подняться с травы. Нос у нее был желтый от пылицы цветка, а глаза светились. И всем троим показалось, что высоко в небе над кленом с красными листьями сияет солнце с белыми лучами и оно пахнет ромашкой.

Выигрыш по автобусному билету

Потом, когда Саманта будет вспоминать этот теплый апрельский день, ее фантазия нарисует его совсем не таким, каким он был.

Разноцветные гроздья фейерверка взлетят в небо и превратятся в огромный фантастический букет. Отблески этих небесных красок отразятся во всех окнах города. Зазвучит музыка, и музыканты в ярких униформах, пританцовывая, пройдут по улицам, сотязаясь в своем искусстве. Далеко за полночь еще будет звучать музыка, люди будут танцевать, и смеяться, и плакать от счастья. А старый солдат Ральф Пастер появится на своем кресле-каталке в отглаженной форме с орденами и прочими знаками воинской доблести.

На самом деле день был как день. Саманта возвращалась из школы. И вдруг издалека увидела на крыльчике своего дома папу. Он стоял, размахивал руками и звал ее:

— Сэми! Сэми! Ты только подумай, Сэми!

Когда девочка подошла к дому, лицо папы сияло, в глазах затаилось лукавство, и он был похож на себя в детстве.

— Что случилось, папа?

— Произошло невероятное! Он ответил! Вот письмо.

— Кто ответил, папа?

— Русский президент.

— Ты шутишь, Арт! Ты неудачно шутишь! — сказала девочка и стала подниматься по ступенькам: она устала и была голодна.

Но папа преградил ей путь.

— Я шучу... но не сейчас, — почти закричал Артур Смит. — Мало того, что он прислал тебе ответ. Он приглашает тебя с родителями... посетить Советы. В удобное для нас время.

Но тут терпение девочки лопнуло. Она подпрыгнула и выхватила из руки отца письмо. Затем бросила сумку, уселась на ступеньку и стала быстро, перескакивая со строки на строку, читать:

«Здравствуй, дорогая Саманта!.. Мне кажется, ты смелая и честная девочка, похожая на Бекки, подружку Тома Сойера...— Саманта глотнула воздух и продолжала.— Твой вопрос — самый главный. Ответу на него серьезно и честно... Советские люди хорошо знают, сколь ужасна и разрушительна война... У Америки и у нас есть ядерное оружие — страшное оружие, которое может в один миг убить миллион людей... Но мы не хотим, чтобы оно было когда-либо пущено в ход... Мы предлагаем прекратить его дальнейшее производство и приступить к уничтожению всех его запасов на Земле... Мы хотим мира для себя и для всех народов планеты. Для своих детей и для тебя, Саманта...»

Саманта читала, а папа стоял над ней, огромный и сильный, и терпеливо ждал, когда письмо из Москвы будет дочитано. Саманта поднялась со ступеньки. Она должна была бы закричать «ура!». И запрыгать. Но она вопросительно смотрела на отца и молчала. Не расцвели огни фейерверка, не заиграли оркестры, и люди не закружились в танце.

Мама вышла из дома и спросила:

— Что случилось?

— У нас ничего не случилось,— как можно спокойней ответил папа.— Саманта получила ответ от русского президента. Он приглашает ее и нас... посетить Союз... в удобное время. Джейн, когда у нас удобное время?

И тут папа заметил, что Саманта молчит и не улыбается.

— Ты не рада? — спросил папа.

— Не знаю,— призналась девочка.— Когда все было далеко, я была спокойна. А теперь все так резко приблизилось.

— Но ты... мы будем гостями президента! — воскликнул папа.

— Президенты всегда улыбаются. А обычные люди чаще бывают мрачными. Я для них — американка. Они там, за океаном, ненавидят нас.

— Кто это тебе сказал? — твердо спросил папа.

— По телевизору,— начала было девочка, но папа перебил ее:

— Когда-то телевизор был признаком цивилизации. Теперь умные люди выбрасывают из дома... ящики.— Папа протянул маме листок с письмом президента: — Прочти. Мы выиграли по автобусному билету.

Саманта молча сидела на ступеньке. Что скажет мама?

— Тебе, Артур, не кажется, что в этом есть что-то авантюрное? — спросила мама.

— Удача не всегда результат авантюры,— сдержанно ответил папа,— иногда везет и не авантюристам.

— Ты считаешь, что нам повезло? — спросила мама.— Ты подумал, что это не просто приглашение от друга или от дальней родственницы, которая неожиданно объявилась в России? Об этом приглашении завтра узнает мир. А послезавтра каждый наш шаг будет очень ответственным. Надо твердо знать, что мы хотим. Мы должны поступить разумно. А что на этот счет думает Сэми?

— Я во всем виновата,— призналась девочка и поднялась со ступеньки.— Я очень хотела знать, будет ли завтра на месте наш дом, наш город, наша Земля. Я хочу не бояться жить. Но для этого надо своими глазами увидеть, что это за Россия.

Саманта быстро поднялась по ступенькам и скрылась в доме, словно хотела немедленно собраться в путь.

— Ты молодец, дочка! — воскликнул папа, входя следом в дом.

В комнате было тихо. Мама подошла к окну и задумалась.

Бывает момент, когда взрослые, всегда самые умные, всегда самые справедливые, всегда самые правые, — когда взрослые вдруг прислушиваются к ребенку. И тот оказывается мудрее, дальновиднее и понимает то, чего люди из-за своей взрослости понять не могут.

Этот момент наступил.

И оказалось, что права Саманта. Права, как никогда. Права, как никто.

— Теперь вся наша жизнь переменится, — наконец заговорил папа. — Теперь жизнь будет другой. Только какой, я не знаю точно.

— Я боюсь перемен. Ведь они не всегда бывают счастливыми, — сказала мама.

— Надо быть на высоте, — сама не замечая того, повторила Саманта любимые папины слова.

Как быстро по городу разносятся вести. Особенно если город маленький, а весть большая, необыкновенная.

В магазинах, в аптеках, в барах, в котлетных и возле игровых автоматов люди обсуждали феноменальное событие: их маленькую землячку пригласил сам мистер президент Советов.

Город гудел:

— Слыхали? Девчонка выиграла по автобусному билету!

— Еще неизвестно, может быть, проиграла.

— Но она гостя президента!

— Ничего хорошего из этого не получится. Это пропаганда!

— А может быть, именно наша девочка поможет понять людям нечто очень важное.

— С каких это пор дети стали заниматься большой политикой?!

— Она вернется из Москвы красной!

— Да хоть зеленой. Лишь бы не было войны!

А вечером к дому на краю леса подрулила каталка старого солдата. И, попыхивая трубочкой, которую ему подарил русский Иван на Эльбе, Ральф крикнул:

— Мисс Саманта! Не соблаговолите ли вы выйти на крыльцо?

И когда Саманта, возбужденная и встревоженная, появилась на крыльце, Ральф Пастер воскликнул:

— Сэми! Уезжаешь? Позволь пожелать тебе счастливой дороги. Ты сделала смелый шаг, теперь уже нельзя отступать. Только не ошибись, Сэми!

Девочка вопросительно посмотрела на гостя.

— Помнишь, я рассказывал тебе про военный лес? Так у этой истории есть продолжение. Прошли годы. Смола затянула раны, появилась свежая зелень. Лес стали пилить на доски, чтобы построить дома. И тогда у пил начали ломаться зубья: столько осколков и пуль было в стволах деревьев. Видишь, как глубоко в мир входит война. Я тоже дерево из того леса. И в моем теле тоже сидит осколок, и поэтому я не могу ходить, бегать, плавать, играть в бейсбол... Сэми, ты разведчик, которого наш народ посылает в Россию. Нет, тебе не придется пересчитывать русские ракеты! Ты должна узнать нечто более важное: пужна ли русским новая война, хотят ли они войны? Ты должна серьезно сыграть в «горячо-холодно» и найти истину. Запомни, весь мир поверит тебе. Только не ошибись, Сэми. Только не ошибись.

И он внимательно посмотрел на девочку своими светлыми, выгоревшими от огня глазами. В этом взгляде слились боль и надежда.

Решено было ехать в июле, после дня рождения.

Решено было экстренно вызвать бабушку и кузину Тейлер, чтобы они помогли собраться, а потом остались бы, чтобы позаботиться о собаке и кошке.

Вещи увязаны в тюки, провизия уложена в корзины, на случай нападения индейцев заряжены

ружья. А под окнами стоит фургон с брезентовым верхом, запряженный шестеркой лошадей. Глава семьи подаст команду — и загремят колеса по долинам рек, по скалистым нагорьям и по глубоким каньонам. Вперед! На Дикий Запад?

Так в былые времена американцы отправлялись открывать новые земли. Но теперь семья Смит отправляется не на запад, а на восток, и не в фургоне, а в самолете, и не уезжает, а улетает. Прощай, Манчестер!

ГЛАВА ВТОРАЯ

На каком языке поют петухи

Я представляю себе Саманту, летящую в самолете. Она сидит в глубоком мягком кресле, скинув туфли и поджав под себя ноги. Она прильнула к холодному стеклу иллюминатора. И если бы кто-нибудь взглянул на нее снаружи, то увидел бы приплюснутый нос и горящие глаза, которые хотят вобрать в себя мир заоблачной высоты.

За бортом лайнера — белая изнанка облаков. Нет, это не легкие воздушные облака, какими мы их видим с земли. Здесь, на высоте девяти тысяч метров, облака похожи на спрессованный снег, скрипящий под ногами. Кажется, что самолет летит над Арктикой и вот-вот из-за сугроба выглянет белая медведица.

На самом деле внизу под этой устойчивой белизной дышит океан. Большие, тяжелые волны поднимаются и опускаются, поднимаются и опускаются, а порывистый ветер срывает с их гребней белую пену.

Саманта представляет себе, как, скрытые облаками, словно таинственным занавесом, внизу проплы-

вают корабли, прыгают дельфины и возникают острова. Но постепенно однообразная картина облаков как бы укачивает ее. Ей начинает казаться, что самолет летит очень медленно, а потом вообще повисает между небом и землей. Если он так будет висеть, то вообще никогда не прилетит в Москву!

И вместо того чтобы мчаться вперед, мысли девочки возвращаются. И над Атлантическим океаном Саманта с грустью вспомнила о родном доме — крылечко с четырьмя ступеньками, елка, растущая рядом, словно сорвались с места и бросились вдогонку за своей хозяйкой. Они догнали ее в заоблачной выси. И девочку сразу обступили знакомые вещи — старый диван, часы, стол с книжками и тетрадками. Песенка «Олли, Олли, три быка!» зазвучала совсем близко.

С домашними вещами у Саманты были свои отношения. Она дружила с одними и недолюбливала других. Очень, к примеру, девочка любила большой старый диван. У него был мягкий характер. Когда в свободные минуты девочка с ногами забиралась на диван, ей казалось, что она проваливается в лесной мох. И сразу слышался шелест листвы и пахло еловыми шишками. Диван убаюкивал, на нем снились интересные сны.

А вот стенные часы с гириями Саманта недолюбливала. Их колючие стрелки-усы двигались по лицу циферблату и отправляли жизнь. Когда надо было заниматься, часы специально шли медленно, а тяжелые гири как бы висели на шее у Саманты — не давали поднять голову. Но когда наступало время игр, часы по закону бутерброда срывались с места и мчались на одной ноге. Время летело так быстро, что стоило только войти во вкус, как слышался голос мамы: «Сэми, пора ужинать!» Утром часы не давали поспать, вечером загоняли в постель.

Папино ружье, висевшее в гостиной, казалось особенно мрачным. Его можно было бы назвать молчу-

ном, если бы несколько раз в году, когда папа отправлялся на охоту, ружье не гремело бы на всю округу так, что закладывало уши.

Но самым коварным был теннисный мяч. Стоило ему вылететь за пределы площадки, как он буквально растворялся в траве. Саманта с друзьями искали его, а он незаметно перекачивался с места на место. И в конце концов оказывался на виду, словно вовсе не прятался...

Потом лайнер нагнал — то есть Саманта вспомнила — Руди Битеринг в кепке с прозрачным козырьком. Он летел рядом на своем спортивном самолете и грозил кулаком рыжему парню, который нравился его сестре.

В иллюминаторе, как в портретной раме, появилось лицо Дуга. Его короткие рыжие волосы топорщились от ветра, а он не обращал внимания, щурил глаза и говорил:

— Почему люди обязательно кого-то недолюбливают? Одни — рыжих, другие — черных, третьи — картавых, четвертые — всех, вместе взятых. Эти маленькие ненависти складываются, и получается большая ненависть. А большая ненависть — это война. Я так думаю.

«Значит, война начинается с таких, как Руди Битеринг, — подумала Саманта. — Но такие, как Дуг, должны уметь постоять за себя. Чтобы Руди Битеринги не очень распоясывались!»

Самолет плавно парил над облаками. Папа листал газету. Мама дремала. Саманте захотелось домой.

Куда она летит? Зачем? Что ждет ее впереди?

А что, если письмо русскому президенту было ошибкой?

И тут летящий со скоростью тысяча километров в час лайнер нагнал старый солдат на своей каталке. Саманта вспомнила и его. Она увидела лицо Ральфа Пастера с серебристой колючей бородой, увидела его

натруженные руки — они лежали на пледе, прикрывающем колени, — услышала его голос:

«Всю жизнь ищи людей, которым можно верить. Потому что именно в них заключена правда... Правда не бывает русской, американской, она везде одинакова. Это ложь бывает всякой. Красной, синей, зеленой. Ложь очень живуча. Она прорастает сквозь землю, даже когда лгуи лежат в земле... Люди стареют от лжи. А кто говорит правду, всегда молодой».

Почему здесь, над океаном, Саманта вспомнила мистера Ральфа? Может быть, потому, что летела за правдой?

Она вдруг подумала, что завтра ее встретят незнакомые дети. Они будут что-то говорить — она не поймет, потому что не знает русского языка. Может быть, они будут насмехаться над ней.

От этих тревожных дум Саманта поежилась. Ей захотелось, чтобы большой лайнер сделал разворот и вернулся домой.

Саманта повернулась к папе и спросила:

— Тебе не страшно?

— Почему мне должно быть страшно, Саманта?

— В одном справочнике я прочитала, что по московским улицам ходят медведи.

— Чушь, — ответил папа.

— Но ведь это напечатано.

— Значит, напечатана чушь. А написал ее невежда.

— Конечно, дело не в медведях, я в них тоже не очень-то верю. Но нас могут обидеть.

— Девочка, ты забываешь, что мы гости президента.

— Но играть-то я там буду не с президентом, а с детьми. Думаешь, они не будут считать меня американской шпионкой?

Папа усмехнулся, положил на колени газету и повернул голову к дочери:

— В каждой стране по-своему слышат петуха.

Нам кажется, он поет — «кок-э-дудл-ду», а французам слышится иное — «ко-ко-рику». Шведам слышится — «ку-ке-лику», португальцам — «ко-ко-ро-ко». На самом деле петухи во всем мире поют одинаково. — И тут, забыв, что он в самолете, папа пропел: — Кок-э-дудл-ду!

— Артур, что с тобой? Мы не одни, — тревожно прошептала удивленная мама.

Смущенный, папа спешно погрузился в чтение газеты. Тем временем стекло иллюминатора стало синим — наступили сумерки. В салоне зажгли свет.

Саманте вдруг показалось, что она лежит на диване, свернувшись калачиком. Один глаз закрылся, а другой все смотрит, смотрит. И видит, что в комнате идет снег. Снежинки падают на ковер и не тают. И весь ковер в сверкающих белых звездочках. «Вот бы, — во сне думает Саманта, — собрать белые звездочки и наклеить в тетрадку. Но для этого потребуется черная тетрадка. А где взять черную тетрадку?»

«Откуда падает снег?» — Саманта посмотрела вверх и увидела, что в комнате нет потолка, а над домом нет крыши, и над столом, над старыми часами, над ящиком телевизора стоят звезды.

Когда Саманта проснулась, было светло. Девочка повернула голову к иллюминатору и увидела, как солнце выбирается из своего логова — оно окутано туманом, словно выплывает из закипающего молока. Саманта вспомнила медную кастрюлю на плите и убегающее молоко, которое белой волной переваливает через край. И в салоне запахло молоком.

Саманта хотела сказать: «С добрым утром» но сказала:

Молоко убежало.

Ей стало легко и весело, и она запела: «Олли Олли, три быка!»

Наш лайнер пересекает границу Советского Союза, торжественно объявила стюардесса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первая Наташа

Впервые Москву Саманта увидела с неба. Город возник из лесов и полей белыми квадратами, и в белизне кварталов таилась удивительная, почти снежная, свежесть. Для жительницы маленького Манчестера это было так необычно, что девочка почувствовала себя Алисой, парящей над сказочной страной Зазеркалья. Сейчас мелькнет Черная Королева или на облачке проплывет надутый ворчун Шалтай-Болтай. Тревожная радость охватила Саманту. Она прижалась лбом и носом к холодному стеклу иллюминатора и смотрела на проплывающую внизу Москву. Людей не было видно — высоко! — зато по тоненьким прямым капиллярам дорог двигались машины, они были едва видимы и казались сплошным потоком — это было кровообращение огромного города.

«Прежде всего, — считала Алиса, — надо изучить страну, по которой собираешься путешествовать».

Саманта готовилась к поездке в Союз, как Алиса к путешествию в страну Зазеркалья. Девочке казалось, что там, за океаном, все наоборот. То, что дома хорошо, там считается плохим. И напротив, то, что дома плохо, за океаном окажется хорошим. И часы там ходят в обратную сторону. Настоящее Зазеркалье!

Лайнер наклонился, и земля стремительно приблизилась — иллюминатор превратился в увеличительное стекло: дома, деревья, бегущие машины стали сразу крупнее. А тень самолета призрачно-легко скользила по зеленой траве, крышам домов и плыла по голубой воде озер.

Лайнер вздрогнул, качнулся — произошла его встреча с землей.

И дальше он уже бежал по бетонной полосе, как обыкновенный автобус. А полет стал казаться далеким и почти нереальным.

— После полной остановки двигателей вас пригласят к выходу, — мягким голосом объявила стюардесса. — Благодарю за внимание.

И вот первый глоток свежего воздуха, первый шаг со ступеньки трапа на землю. И запах земли, хотя вокруг был гладкий бетон аэродрома.

«Что меня ждет? Кто меня ждет? Что будет в следующее мгновение?» — напряженно думала Саманта.

И в это время перед ней вырос невысокий, полный человек в кожаном пиджаке. У него на плече, как цепная обезьянка, примостилась кинокамера. В его лице было что-то располагающее и вместе с тем лукавое. А светло-голубые глаза сияли.

— Хелло, Саманта! Я — Пол Бертинг. Телевизионная компания Эй-би-си! Будем вместе работать! — Все это незнакомец произнес быстро, как скороговорку, и подмигнул Саманте.

— А что надо делать, мистер Пол? — растерянно спросила девочка.

— Шутить! Улыбаться! И не заниматься политикой. Нашим зрителям и без того хватает политики. — При этом Пол провел ребром ладони по горлу и доверительно сказал: — Политику мы будем делать сами. Можешь называть меня просто Пол. И не забудь, детка, ты дорого стоишь: компания и газеты вложили в тебя небольшие деньги.

Потом Саманта узнает, что Пол Бертинг — один из самых ловких и удачливых телерепортеров и что коллеги называют его Попрыгунчик Пол. Оказывается, взрослые тоже дают друг другу прозвища.

— Итак, Сэми, первое интервью в Советах. Как тебе понравилась Москва? — «Обезьянка» с плеча смотрела на Саманту холодным стеклянным глазом.

— Я еще не видела Москвы! — призналась Саманта.

Но от этого Попрыгунчика не так-то просто было отделаться.

— Однако ты видела Москву с птичьего полета

— С птичьего... Я мало что поняла... — растерянно ответила девочка.

— Тогда я передам, что встреча с Москвой озадачила тебя?

Попрыгунчик Пол исчез так же неожиданно, как и появился, а Саманта почувствовала себя слегка одуроченной.

Тогда к ней подошла незнакомая женщина. У нее была легкая походка и серые доверчивые глаза. Незнакомка кого-то напоминала Саманте, но кого, девочка никак не могла вспомнить. Она только обратила внимание, что у незнакомки туфли на очень высоких каблуках, и подумала: если она снимет туфли, с ней вполне можно попрыгать через резинку.

— Здравствуй, Саманта! — Голос у женщины оказался мягким и располагающим. — Меня зовут Наталья Павловна. Но ты можешь называть меня Наташа. Так тебе легче. Я буду сопровождать тебя.

— Будем вместе работать? — вспомнив Попрыгунчика Пола, спросила Саманта.

Наташа улыбнулась:

— Разве в гостях работают? Работают дома.

Она положила на плечо Саманте руку, и девочка сразу почувствовала себя иначе, словно неожиданно встретила добрую знакомую. Саманта улыбнулась и увидела, что окружена множеством репортеров. Десятки камер, нацеленных на нее, заверещали, как кузнечики, захлопали затворами, заработали, чтобы показать всему миру прекрасную улыбку американской девочки — улыбку доверия и надежды.

То, что с головокружительной высоты полета выглядело тонкими капиллярами, на земле превратилось в огромные магистрали. Саманта мчалась на машине в потоке других машин, и это движение было таким стремительным, что жительнице маленького североамериканского городка порой казалось, будто полет продолжается.

Мелькали белые дома. Их заслоняли деревья. Трава газонов рождала свежесть.

В воображении Саманты Москва была древним городом, а при первой встрече она поразила девочку молодостью и огромностью.

Саманте захотелось поделиться своими впечатлениями с Дугом. Но он был далеко, за океаном. Однако никто не может тебе помешать мысленно перекинуться словечком с приятелем.

«Ты, конечно, очень удивишься, если я скажу тебе, что не встретила на московских улицах ни одного медведя. Это так же немыслимо, как встретить бизона в Вашингтоне или в Сан-Франциско. Те, кто писал справочники, здорово привирают, Дуг! Они либо ничего не знают о Москве, либо морочат людям голову. А может быть, я еще встречу медведя?»

Встреча с медведем

Первого медведя Саманте подарили. Медведь был плюшевый, большой, но с такими маленькими ушами, словно они предназначались для мелкого зверюшки, а их по ошибке пришили медведю. Саманта, как все дети, сразу привязалась к дареному мишке и первое время не расставалась с ним.

Второго московского медведя Саманта встретила в театре зверей Натальи Дуровой. Я хорошо представляю себе эту встречу, потому что дружу с Натальей Юрьевой и знаком с этим медведем.

У медведя маленькие поблескивающие глазки и неестественная пританцовывающая походка. При этом передние лапы он держал на весу, словно нащупывал опору. Увидев Саманту, он остановился и внимательно посмотрел на девочку.

— У нас гостя! — воскликнула Наталья Дурова. — Поклонись. Ты же воспитанный медведь.

Медведь поклонился.

— Я слышала, ты собираешься стать ветеринаром? — спросила гостью Наталья Дурова. — Учти, что нам очень нужен ветеринар. Мы рады будем принять тебя к себе на службу.

— Спасибо, — сказала Саманта. — Мой папа работает в Боудон-колледже, где готовят ветеринаров. Их эмблема — белый медведь.

— Это прекрасно! — Дурова ослепительно улыбнулась.

А Саманта подумала: «Еще одна Наташа, может быть, в России каждая вторая — Наташа?» Она не догадывалась, что судьба готовит ей встречу с еще одной Наташей. Но это произойдет позже.

— А можно медведя погладить? — осмелела девочка.

— Тебе можно, — сказала Наталья Дурова.

— Это потому, что я гость президента?

— Нет, потому что ты гость нашего театра. Наши звери очень любят гостей.

— Ком хи! — позвала Саманта.

Медведь вскинул голову и, пританцовывая, двинулся к ней. Казалось, он идет по льду и боится поскользнуться.

— Он понимает по-английски! — воскликнула Саманта.

— Нет, — улыбнулась Дурова, — он чувствует добрый голос. А на каком языке говорит человек, не имеет значения. У тебя наверняка есть собака!

— Откуда вы знаете?! — воскликнула девочка.

— Только собака может научить человека интонации, понятной зверям. Ведь ты разговариваешь со своей собакой?

— Разговариваю!

— И она тебя понимает?

— Еще как!.. Вы угадываете мысли? — спросила Саманта. — Вы все можете отгадать?

— Нет, не все, — призналась дрессировщица, — я могу отгадать, когда у зверя болит живот, когда он

очень опечален чем-то, когда ему позарез хочется вкусенького и когда он соскучился по ласке. Идем, я покажу тебе одного моего друга, которого спешно надо приласкать. Иначе он из бегемота превратится в лягушку.

И они зашагали по причудливому лабиринту театра зверей, куда легко войти, но не так-то просто выйти.

— А вас звери никогда не кусают? — поинтересовалась Саманта.

Наталья Дурова ответила не сразу.

— Звери вообще редко обижают своих друзей — людей, — сказала она. — Но случается. Однажды молодая гиена откусила мне полпальца.

— Ой! — воскликнула Саманта, словно это печальное происшествие произошло только сейчас. — Вам больно?

Наталья Дурова посмотрела в глаза своей гостье и прочла в них сочувствие. Девочка воспринимала чужую боль, как свою.

— Это было давно, — сказала Наталья Дурова встревоженной американской гостье, — а когда давно, то уже не больно. Боль забывается. Если ты станешь ветеринаром, будь осторожна, — предупредила она маленькую гостью. — Работа благородная, но опасная. Надо понимать животное, а это мало кому дано. Чтобы понимать, надо любить.

— Я люблю! — воскликнула Саманта, а потом задумчиво сказала: — Я хотела бы дружить со всеми зверями.

— Человек придет к этому, — поддержала гостью Наталья Дурова. — Когда-нибудь наша планета станет такой тесной, что зверям придется покинуть леса. Люди вынуждены будут жить в мире с медведями и тиграми. Другого выхода не будет — только мир. Но тут все зависит от людей.

«Все зависит от людей»! Саманта внимательно слушала хозяйку звериного театра. Они шли рядом по

проходу, а им вслед удивленно и понимающе смотрел лев, кивали головами плюшевые корабли пустыни — верблюды, каким-то человечески-трогательным взглядом провожал со второго этажа жираф, волки и собаки, зайцы и лисы. И огромный тигр — оранжевый в полоску — приподнял голову и золотым глазом посмотрел на них. Все артисты единственного в мире театра зверей смотрели на Сэми и ее спутницу как на своих друзей, и никто не рычал, не скалился, не выпускал когти.

— А у вас есть бизоны? — неожиданно спросила девочка.

— Нет. У меня есть морские львы, а бизонов нет, — ответила Наталья Дурова.

— Жаль, — отозвалась девочка. И вдруг произнесла название известного фильма: — «Благослови зверей и детей». Это такой фильм. Хотите, я вам расскажу?

— Расскажи.

— Дети выпустили из загон обреченных на уничтожение животных, — начала рассказ Саманта. — И когда изумленные животные, не понимающие, что означают распахнутые ворота, топтались на месте, как бы не рады были свободе, один из мальчиков сел в маленький грузовичок и начал гнать их. Он кричал и гнал бизонов из загон, на волю... И тут появились взрослые. Холодные, безжалостные добытчики. Они рассуждали просто. Раз ты взял мое, мою добычу — смерть тебе. И они открывают огонь по маленькому грузовичку. Их глаза были полны ненависти. Они стреляли в своего врага. А врагом был мальчишка с добрым сердцем. Одна пуля догнала маленького спасителя... Вы обязательно посмотрите этот фильм, Наташа.

— Хорошо, девочка моя. Хотя в жизни я видела много жестокого.

— Вы не думаете, что вся Америка такая?

— Я не думаю... Пока есть ты, Сэми, есть другая

Америка. Я люблю твою Америку — умную, добрую, где не дают в обиду бизонов. Где защищают от бульдозеров древние вигвамы индейцев... И где выброшенных на берег китов возвращают в море. Идем, Сэми, идем. Я познакомлю тебя с Капи.

— А кто этот Капи?

— Карликовый бегемот.

Ввысь по спирали

В Москве Саманта не скучала по дому. Во-первых, рядом с ней были папа и мама, а когда они рядом, то даже гостиница «Советская» кажется немного родной. А во-вторых, программа пребывания маленькой американской гостьи в Москве была заполнена такими интересными и неожиданными встречами, что некогда было скучать.

И только в те короткие минуты, когда девочка ложилась в постель, а сон еще не успевал ее сморить, она мысленно возвращалась в свой дом на окраине Манчестера, садилась на ступеньку крыльца, и к ней подбегала собака и лизала ее в щеку своим теплым, немного шершавым языком. Потом было слышно, как хрустят камешки, это бежал Дуг. Поскрипывали колеса кресла-каталки старого солдата Ральфа.

«Как дела, соседка?» — спрашивал седой мистер Ральф.

«Я думала, что в России все курят такие же трубки, какую вам подарил русский солдат на Эльбе. Но оказывается, трубки в России курят только иностранцы и заросшие густыми бородами художники».

«Времена меняются», — вздыхал мистер Ральф и набивал свою старую трубку табаком.

И Саманта подумала, что старые люди обязательно живут своим старым временем. Любят старые песни и неохотно следуют новой моде.

«Ты там не голодаешь? — спрашивал Дуг. —

Может быть, прислать тебе несколько хамбургеров? Правда, они остынут и зачерствеют».

«Здесь никто не ест хамбургеров, — отвечала Саманта. — Здесь на каждом углу продают мороженое. Говорят, что даже в самые суровые морозы русские едят мороженое. Прямо на улице».

«Чудеса! — восклицал Дуг. — Но ты расскажи что-нибудь важное».

«Важное сразу не приходит. Важное складывается из обычного. Ах, да! Мы были на велотреке в Крылатском...»

И тут Саманта уснула.

Велотрек в Крылатском был похож на огромную кадку с деревянными боками. Саманта стояла на дне кадки и наблюдала, как легкие и стремительные велосипедисты, согнувшись вдвое, мчались с огромной скоростью и неожиданно оказывались на стене кадки. По невидимой спирали они поднимались все выше, и казалось, достигнув верхнего края, продолжают спирали в небе, в бесконечности.

С замиранием сердца Саманта следила за бесстрашными велосипедистами.

И вдруг родилась дерзкая мысль.

— Можно мне попробовать?

Тренеры переглянулись, но тут же подкатили к ней легкий блестящий аппарат на двух колесах с рулем, изогнутым, как рога буйвола.

— Попробуй, девочка. Только осторожно! — предупредил тренер и приветливо улыбнулся.

Но Саманта почувствовала: он думает, что у нее ничего не выйдет.

Это мы еще посмотрим!

Девочка крепко сжала ручки руля и поставила ногу на педаль. И вот она уже в седле, нажимает на педали, медленно катит по кругу.

Но трек есть трек. Он создан не для простых велосипедных прогулок. Он втягивает человека в необыч-

ное движение, отрывает его от земли и превращает в снаряд, несущийся по спиральной орбите.

Девочка слегка повернула руль, и велосипед очутился на стенке гигантской кадки. Все выше, все выше с каждым витком забирался велосипед. Но отступить было уже невозможно. Она оказалась во власти влекущего движения. Вперед и выше! И уже нельзя затормозить, нельзя остановиться: остановка — падение. А если повернуть руль еще круче — бросишь велосипед к тому жутковатому пределу, за которым начинается бесконечность.

Саманте стало не по себе.

Саманте стало страшно.

Как вернуться на землю из этого отчаянного полета?

Девочка сжала губы. Прищурила глаза. Резким движением головы отбросила с лица волосы. Только устоять. Только не смалодушничать, не закричать. К ней вернулось самообладание. Мысль заработала четко и ясно. Она повернула руль в обратную сторону и по стенке гигантской кадки стала виток за витком приближаться к земле.

Саманта не заметила, как уже очутилась на дорожке: из головокружительного полета вернулась на землю. Теперь велосипед катился сам по себе, а педали подбрасывали коленки девочки. Можно прыгнуть и отдышаться.

— Саманта, ты такая бледная! — воскликнула Наташа.

— Немного устала, — ответила девочка.

— Молодец! — К дочери подошел папа. — Не струсила, не отступила.

Где-то под потолком заиграла музыка.

— Нас ждет машина, — объявила Наташа. — Мы едем к женщине-космонавту.

Оставляя огненный след, по черному простору вселенной мчались космические корабли. Гремели выстрелы. Вспышки прожигали тьму. Шел бой. Внутри кораблей металась люди с холодными, прозрачными глазами. Звучали команды. Среди космических солдат были женщины. Такие же жестокие, полные страшной решимости, с холодными глазами...

Сколько раз на экране телевизора перед Самантой возникали страшные видения из фильма «Звездные войны». И теперь по дороге к женщине-космонавту девочка думала, что сейчас встретится с женщиной, похожей на героиню «Звездных войн», — суровой и беспощадной.

Женщина-космонавт предстала перед Самантой не в скафандре, похожем на одежду водолазов, а в обыкновенном платье. Она смотрела на Саманту и сдержанно, но тепло улыбалась. Во всем ее облике была какая-то строгость. Может быть, до полета в космос она была веселой и говорливой, а побывав там, оставила частицу своей улыбки в ледяной пустоте.

Саманта посмотрела в глаза женщины-космонавта и вдруг подумала, что эти глаза видели нашу Землю издалека, как мы видим Луну. А из космоса наша Земля кажется прекрасным голубым шаром. Теперь для Саманты космос начинался с этих серых глаз, с их вечной тревоги. И девочка подумала, что будет с ней самой, если она когда-нибудь наберется смелости и полетит к звездам? Наверное, в ее глазах тоже появится след космоса.

Хозяйка пригласила гостей к столу и стала угощать их чаем: в России по каждому случаю пьют чай!

— Как тебе понравилась Москва? — вежливо спросила хозяйка.

— Мне очень понравилась Москва! — вежливо ответила американская гостья и почувствовала, что ее

отношение к русской столице было более сложным, чем просто «очень понравилась».

Волнение и настороженность, с которыми Саманта летела в Москву, уступили место новым чувствам. Теперь Москва была уже не чужим, непонятным городом. Москвичи, которые встречали девочку, как родную, растопили холодок недоверия. И в сердце девочки пробился робкий росток привязанности к удивительному русскому городу.

Женщина-космонавт улыбалась маленькой гостье, а глаза оставались беспокойными, тревожными.

— Вам не страшно было лететь в космос? — спросила Саманта и запоздало подумала: «Может быть, этот вопрос неуместен? Тысячи людей до нее уже спрашивали об этом. Какая я нескладная, — решила девочка, — все время спрашиваю невпопад».

Но хозяйка заговорила — стала отвечать. И Саманте показалось, что обо всем, о чем она говорит, говорит впервые и никому до Саманты в этом не признавалась.

— Меня преследовал страх неведомого. Ведь все нормальные люди боятся неведомого. Но если этот страх не преодолеть, земля остановится.

— Вы хотите сказать, — отозвалась Саманта, — что кто-то должен вертеть землю?

— Я хочу сказать, что каждый человек должен вертеть землю по мере своих сил. Страх, что земля остановится, погибнет, куда сильнее страха перед неведомым.

Саманта задумалась над словами женщины-космонавта — в них был глубокий смысл.

— Когда я летела, — продолжала хозяйка, — миллионы людей переживали за меня. И поэтому мне было легче побороть свой страх. Ты, говорят, сейчас была на велотреке, попробовала промчаться по стене. Тебе было страшно?

— О, да! — воскликнула девочка: если космонавт не боится признаться, что было страшно, то ей то-

же нечего скрывать. — Но я не заплакала и не закричала.

Потом они пили чай.

И тогда Саманта решила и задала хозяйке прямой и страшный вопрос:

— А если будет космическая война, вы тоже будете воевать?

Мама нахмурилась. Папа энергично пригладил ладонью свои вихры. Наташа покраснела.

И только хозяйка оставалась спокойной.

— Никаких звездных войн не будет, — убежденно сказала она.

— Почему? — удивилась юная американка.

— Потому что люди не настолько безрассудны, чтобы допустить такую катастрофу.

— Но наш президент говорит... — Саманта запнулась.

А хозяйка задумчиво посмотрела на нее и покачала головой.

— Президент не бог, и если он думает, что ему под силу решить судьбу всего мира, он, вероятно, ошибается, — сказала она и перевела взгляд на миссис Джейн и мистера Артура. — Как жаль, что даже за чаем, даже в обществе ребенка приходится заниматься политикой, — с сожалением сказала она. — Мы уберегли своих детей от страхов перед звездными войнами...

— Какое счастье! — воскликнула мама.

— Мы бы тоже рады уберечь, — сказал папа. — Но мы воспитываем детей более реалистично.

— Я много повидала на своем веку, — продолжала хозяйка, — но никак не могу вообразить, что на свете есть люди, которые готовы лишить своих внуков детства и в своей игре ставят на карту их жизни. Нам приходится оберегать и своих детей, и ваших.

И тут она обняла Саманту, ласково притянула ее к себе. И крепко прижала. «Так, что косточки затрепщали», — впоследствии вспомнит Саманта.

— Ты-то откуда знаешь о звездных войнах? — спросила она.

— Я видела по телевизору фильмы «Звездные войны».

— Это не детские фильмы. Это вообще нечеловеческие фильмы.

— Но телевизор смотрят все, — вздохнула мама.

— Есть вещи, от которых надо оберегать детей. Как от заразы.

Женщина-космонавт поднялась из-за стола и, обняв себя за плечи, прошлась по комнате. И Саманте вдруг показалось, что полет в космос от нее далеко-далеко и что теперь она полна других забот, которые поважнее космоса, — эти заботы связаны с судьбой Земли, которая из далей космоса кажется прекрасным голубым шаром.

Мир начинается с Ленина

Каждый день в Москве дарил Саманте новые, незабываемые впечатления. Ее мир — мир девочки из небольшого американского городка — оказался таким неуместительным. Теперь этот мир с каждым днем разрастался, расширял свои границы. Мир Саманты становился богаче и ярче.

В Москве Саманта впервые услышала имя Ленина.

— Сегодня мы поедem к Ленину, — объявила Наташа.

— А где он живет? — любопытствовала Саманта.

От этого неожиданного вопроса Наташа даже растерялась, но, внимательно посмотрев в глаза девочке, сказала:

— Мы поедem на Красную площадь, где стоит Мавзолей Ленина.

Красная площадь оказалась не красной — она была вымощена темными каменными брусочками, отливающими синевой. Красными были стены Кремля и звезды на башнях.

Саманта со своими спутниками подошла к гранитному сооружению. У входа замерли два часовых.

— Это Мавзолей Ленина, — тихо произнесла Наташа.

— Ленин, как наш Вашингтон, — объяснил Саманте папа. — Его знает каждый.

Он положил к стене Мавзолея букетик гвоздик. И все направились к распахнутым дверям. Саманта подумала, что часовые, охраняющие вход в Мавзолей, сейчас скрестят винтовки и преградят им путь. Но воины не шелохнулись.

В полутьме подземного зала в стеклянном саркофаге лежал немолодой человек. У него было спокойное, усталое лицо. Слово он уснул после трудного рабочего дня. Это не было лицо героя и не было лицо властелина. Саманте оно показалось знакомым, словно Ленин бывал у них в доме на окраине Манчестера, сидел на ступеньке крыльца...

Стараясь не дышать, чтобы не потревожить сон Ленина, Саманта почему-то представила себе, как собака трется о его ногу, а он гладит ее. И улыбается. Саманте было очень легко представить себе его улыбку. Значительно труднее было сознавать, что Ленин мертв. В глубине души девочка не могла согласиться с этим. Она вообще никогда в жизни не видела мертвого человека.

Ленин спал. Глаза его были сомкнуты.

«Интересно, какие у него глаза: серые или карие?» — подумала Саманта и про себя решила: добрые.

Папа коснулся рукой ее плеча — надо идти! — и девочка нехотя направилась к выходу.

Когда по каменным ступеням тихо, чтобы не потревожить торжественной тишины, Саманта вышла

наружу, солнце стояло высоко и над площадью плыли мелодичные неторопливые удары часов — Кремлевских курантов.

Саманта шла по кремлевскому двору, а перед глазами все еще стояло лицо спящего Ленина. И девочка думала: пусть поспит, пусть отдохнет. Он слишком много недосыпал.

Гостей пригласили посетить квартиру и рабочий кабинет Ленина. Квартира Ленина поражала удивительной скромностью. Слушая рассказ экскурсовода, Саманта разглядывала вещи Ленина, и они как бы оживали. Вспыхнуло и затрепетало маленькое пламя свечи — в трудные годы часто не было электричества, и тогда зажигали свечи. А белая кафельная печь не запылала, она и при жизни Ленина часто стояла нетопленной — не хватало дров. От печки тянуло холодком.

Саманта представила себе, как Ленин входит в свой дом, снимает в маленькой прихожей пальто и вешает его, моет руки над раковиной умывальника, садится на венский стул с гнутой спинкой. Девочка потрогала рукой спинку стула.

Ленин жил, как жили в те далекие трудные годы все люди России. Недосыпал, недоедал, замерзал.

Саманта задержалась у кровати Ленина. Узкая кровать с железной спинкой походила на простую больничную койку. Когда враги ранили Ленина — в плечо и в грудь, — он пожелал, чтобы его привезли домой. Сам поднялся по лестнице, чтобы никого не утруждать, и лег в свою суровую постель.

Может быть, Ленин потому так ненавидел войну, что у людей от нее одни страдания.

Девочка осторожно провела рукой по белому покрывалу.

В кабинете Ленина Саманта долго рассматривала шкафы с книгами, пальму в кадке (Ленин сам поливал ее и сам влажной тряпкой протирал жесткие

листья), стенные часы, старинный телефонный аппарат. К этому телефону сходились все нити страны, охваченной революционной борьбой. Сколько горьких известий нашептывал этот телефон Ленину. Сколько раз радостно докладывал о победах. А вдруг телефон сейчас зазвонит и Ленин торопливой походкой войдет в кабинет? Войдет и увидит нежданную гостью — маленькую американку.

Но телефон так и не зазвонил, а хозяин так и не пришел в свой кабинет.

Саманта нехотя уходила от Ленина.

Все, что она узнала о нем, казалось, она узнала от него самого, всматриваясь в его лицо, изучая его дом, вещи, рабочее место.

Только один вопрос задала она:

— А у Ленина была собака?

Вместо ответа ей показали старую фотографию, на которой Ленин сидел в плетеном кресле, а рядом стоял ирландский сеттер, положив морду на колено. Ленин гладил его.

— У меня точно такой же! — воскликнула девочка: ирландские сеттеры все похожи друг на друга.

Позднее, в Ленинграде, Саманте покажут штаб русской революции — Смольный. Здесь сразу после восстания был принят Декрет о мире. И это тоже было делом Ленина.

Мост через время

Я часто думаю: если можно было бы повернуть колесо времени и вернуть то лето, когда в Москве появилась улыбчивая американская девочка с такими родными веснушками-конопушками, похожими на семечки березы, взял бы я ее за руку и сказал:

— Пойдем, Сэми, я покажу тебе свою Москву.

— А разве есть еще одна Москва? — Брови удив-

ленно поднимутся домиком.— Хотя у нас в Штатах пять городов называются Москвой.

— Другой Москвы нет. Но есть уголки, особенно дорогие мне. Может быть, ты разделишь мою любовь к ним?

— О, да!

И мы бы отправились в удивительное путешествие по тихим переулкам, где стоят не тронутые временем старые дома и ни один дом не похож на другой. Где зимой на мостовых, как в поле, лежит снег. И где смелые городские птицы чувствуют себя хозяевами Арбатских, Замоскворецких, Покровских переулков и Никитских ворот.

И повел бы я Саманту по переулкам, далеким от туристских маршрутов, где стоят старые дома, где в уютных дворах — «московских двориках» — растут старые, в два обхвата, тополя, а зимой, как в поле, лежит неубранный снег.

Я привел бы свою подружку на Старый Арбат, к двухэтажному дому с мезонином, бывшему дому Хитрово. Он теперь отреставрирован, сверкает новизной. А ведь в этом доме после женитьбы жил наш Пушкин.

Я бы рассказывал ей о Пушкине, а воображение девочки перенесло бы ее в далекое время. И вот уже улица покрыта снегом, на стеклах узор изморози, слышен скрип саней. А из возка на снег выскакивает Пушкин, горячий, радостный. Он размахивает цилиндром, что-то кричит, а снежинки смешиваются с завитками его курчавых волос, и его голова превращается в большой одуванчик. А потом из саней неторопливо выходит его молодая красавица жена.

— Кто этот мистер с вьющимися волосами?

Оказывается, Саманта не знает Пушкина. Про медведей на улицах Москвы успела узнать, а на Пушкина не хватило времени.

И мне станет обидно, что она не знает нашего великого поэта.

Я бы зажег в Саманте тягу к таинственному Пушкину. Придет время, она сама откроет для себя великого поэта.

Придет ли время?

Тогда я верил, что придет, и продолжил бы путешествие по моей Москве. Я бы привез Саманту на Горбатый мост.

Пусть бы она молча осмотрела его, пусть бы спросила:

— Зачем мост, если нет реки?

— Река была... когда-то. Ее спрятали в трубы.

— Значит, мост не нужен!

— Этот нужен. Этот мост соединяет настоящее с прошлым,— объяснил бы я девочке,— а между ними время, как река.

— Мост через время.— Саманта обрадовалась бы этому открытию.— А что это за прошлое, к которому перебросили мост?

— Борьба за свободу. Как в Америке боролись с рабством, так и в России... Ты проходила по истории?

Саманта бы утвердительно кивнула — вспомнила урок истории.

— Люди шли в бой с песней «Нет, никогда мы не будем рабами». И погибали,— продолжил бы я свой рассказ.— «Это есть наш последний и решительный бой».

— И бой шел на этом мосту?

— Нет, Сэми. Того моста уже нет. Это памятник героическому Горбатову мосту. И если стоять на нем и думать, почувствуешь течение времени, как течение воды... По этому мосту приходит будущее. Ты видишь вокруг высокие, красивые дома? Когда-то на их месте были жалкие лачуги.

— В них, как на плантациях Юга, жили рабы?

— Ты все правильно поняла, Сэми,— сказал бы я. — А теперь перейдем по мосту через время. Я хочу вместе с тобой вернуться в 1941 год.

И повез бы я мою маленькую американскую подругу на бывшую окраину Москвы. Я показал бы ей школу. Самую обычную школу-новостройку, похожую на пособие по геометрии.

— Посмотри, Сэми. Это — школа.

— Вы учились в этой школе?

— Учился... Здесь... На этом месте. Только тогда здания школы не было. Здесь было поле.

— Вы учились в поле?! — Глаза девочки вспыхнули бы от удивления.

— Здесь было поле боя. Помню, по утрам выпадала холодная роса. А потом ударили морозы. Они ударили рано, в октябре. Я здесь здорово учился, Сэми. Так здорово, что едва жив остался. Здесь стояла шестая батарея. Штурмовики фашистов вылетали из-за ближнего леса. Появления танков мы тоже постоянно ждали оттуда... Мы глохли от стрельбы.

— Это было страшно?

— Мы тогда были очень молодыми. Еще не научились бояться. Теперь, когда оглядываюсь на это поле, становится страшновато.

— А как же школа? — Девочке все еще было не по силам представить, что белого здания школы не было, что было поле.

— Школы тогда не было. Но здесь, Сэми, стояла шестая батарея, и потому теперь стоит школа.

До сих пор думаю: поняла бы Саманта смысл этих слов?

Но в мыслях ребенка всегда рождаются неожиданные вопросы — мысли ребенка непредсказуемы.

— Ты, как мистер Ральф, был солдатом?

— Как мистер Ральф.

— Почему же ты такой молодой?

— Я? Молодой? Да у меня совсем нет волос!

Но Саманта покачала бы головой:

— У тебя глаза как у мальчишки. Как у невеселого мальчишки. Почему?

— Наверное, потому, что я детский писатель. Во мне осталось что-то от мальчишки, чтобы ты понимала меня.

— И чтобы ты понимал меня? — подхватила бы Саманта. — Да?

Потом бы она задумалась, посветлела бы и воскликнула:

— Какая странная, прекрасная Москва. В ней все времена живут одновременно. Или взрослые этого не замечают? Все их время на часах. А все числа — в сегодняшней газете.

Так я бы подарил Саманте свою Москву. Свою любовь к Москве.

Пусть бы она увезла эту любовь в Штаты, вместе с московскими двориками, с Арбатом Пушкина, с Горбатым мостом через время и с бывшим полем, где стояла батарея и потому теперь стоит школа. Ей бы жилось легче с этой любовью.

Если бы жилось!

Жила-была девочка. Жила. Была. И я любил ее.

Люди делятся на тех, кто строит мосты, и на тех, кто сжигает их. Саманта наводила мост — от народа к народу, через океан лжи и недоверия, самый важный для человечества мост.

И ее мост так же нужен всем людям, как Горбатый мост в Москве на Красной Пресне.

— Завтра мы вылетаем в Артек! — еще не переступив порог, объявила Наташа.

Саманта удивленно посмотрела на Наташу.

— Что же ты не радуешься, Сэми? Это так интересно — Артек! — удивилась Наташа. И плотно закрыла за собой тяжелую гостиничную дверь.

— Мне жаль уезжать из Москвы, — призналась Саманта. — Сперва мне было не по себе... А теперь так же по себе, как дома в Манчестере. И химкинский ветер похож на ветер с Великих озер.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Маленькая Наташа

Мне очень трудно писать эти строки в прошедшем времени.

Прошедшее время — не просто форма глагола. Это форма жизни человека. Его прошлое, его пережитое. Встречи, открытия, неудачи. И победы.

Но есть еще форма человеческого бытия — фантазия. Фантазия — моя верная помощница, ключ от дверей, которые кажутся наглухо закрытыми.

Фантазия помогла мне встретиться с Самантой.

Я задираю голову и вижу — в настоящем времени вижу! — самолетик. Он выглядит серебряным журавликом. Только вместо журавлиного курлыканья из поднебесья доносится приглушенный гул.

На самом деле «журавлик» огромный. Распростер могучие крылья над бескрайней страной. И несут его над землей не воздушные потоки, а мощь турбин.

Внизу зеленеют поля, ровные, как вода. Тенями от туч чернеют леса, осколками стекла поблескивают озера. Дороги прямые, словно начертанные по линейке.

На этом лайнере летит Саманта. Прижалась лбом к холодному стеклу иллюминатора и думает. И в ее сознании выкристаллизовывается естественный вопрос:

«Зачем России нападать на Соединенные Штаты, если она такая большая?»

«Эх, Дуг, как жалко, что тебя нет рядом. Может быть, вдвоем мы бы сумели разобраться в этом трудном вопросе. А вообще, Дуг, тебе бы здесь понравилось! Здесь такие люди!»

Самолет продолжает мчаться вперед, а мысли Саманты летят назад — возвращаются в Москву. И перед глазами девочки возникает Наталья Ду-

рова, окруженная львами и медведями. Ей можно позавидовать! Саманта снова видит приветливую женщину-космонавта со следами холодного космоса в глазах. В какое-то мгновение самолет заваливается на одно крыло, и Саманта видит себя летящей по наклонной стене велотрека и ощущает острую радость побежденного страха.

«А вдруг лайнер рванется ввысь, преодолееет земное притяжение и ворвется в космос? Или направится к белому, безмолвному материку Антарктиды? Какое тогда потребуется мужество!»

Так думает-фантазирует Саманта.

Но мужество требуется и в обычной жизни. Чтобы оставаться самим собой. Чтобы отстоять справедливость. Чтобы найти истину.

Не подведи, Саманта! Привези правду о России.

Путь к истине не прост. И он еще до конца не пройден.

Лайнер не рванулся ввысь. Он качнулся — пилот заложил вираж, и иллюминатор резко приблизился к земле.

Где-то под ногами раздался металлический звук: самолет выпустил шасси. И сразу деревья, столбы, крыши замелькали близко-близко.

Когда лайнер приземлился и Саманта ступила на трап, в лицо ударило яркое крымское солнце, и девочка невольно подняла руку, чтобы защититься от резких лучей. И, спускаясь по трапу, ничего не видела, кроме собственной ладошки. Еще на трапе девочка ощутила тревожную настороженность Алисы, очутившейся в сказочном Зазеркалье. Вдруг она, как Алиса, назовет свое имя и какой-нибудь русский Шалтай-Болтай усмехнется:

«Довольно дурацкое имя! Что оно означает?»

Саманта нерешительно прыгнула с последней ступеньки трапа и очутилась на крымской земле, ее

оглушил многоголосый хор ребят, которые громко выкрикивали:

— Са-ман-та! Са-ман-та!

Саманта подняла глаза и увидела детей с красными косынками, завязанными вокруг шеи. Все они были одинаково загорелыми, одинаково хлопали в ладоши и одинаково скандировали:

— Са-ман-та! Са-ман-та!

Я представляю себе Саманту идущей по обожженной земле, навстречу незнакомым ребятам, которые не догадываются, что происходит в душе девочки. А она, подавляя в себе чувство неуверенности, идет прямо на них и улыбается — через силу, но улыбается! Она не знает, что будет в следующее мгновение. Может быть, эти кричащие и улыбающиеся на один манер чужие и непонятные дети сейчас набросятся на нее?!

И вдруг кто-то в самое ухо прошептал на родном ее языке:

— Саманта! Меня зовут Наташа. Давай дружить!

Наташа! Счастливое русское имя. Уже две Наташи есть в числе Самантиных друзей. И снова — Наташа.

Саманта оглянулась и увидела девочку, одетую, как все, — белая блузка, алая косынка, завязанная на груди узлом. Большие карие глаза излучали тепло и дружелюбие.

— Давай дружить! — согласилась Саманта, и сразу отлегло от сердца. Лучи перестали обжигать лицо, ребята заговорили нормально, только непонятно. Каждый тянул к ней руку, хлопал ее по плечу, улыбался ей.

«Са-ман-та! Сам-ман-та!», как отгремевший гром, отнесло куда-то в сторону. А может быть, этого ничего и не было?

Саманта крепко сжимала руку девочки, улыбалась и что-то говорила, говорила. А ребята, хотя и не пони-

мали ее, кивали головами и тоже что-то по-своему говорили. Стало легко и радостно.

С той минуты Саманта уже не отпускала руку Наташи — Маленькой Наташи.

Откуда видна луна

— Будешь жить с родителями или с девочками? — спросила американскую гостью вожатая, стройная блондинка, похожая на стюардессу.

— С Наташей, — не задумываясь, ответила Саманта.

— Значит, с девочками. Идем!

И они пошли по дорожке, посыпанной галькой, которая аппетитно похрустывала под ногами.

Сначала все, что было вокруг, казалось Саманте декорациями сказочного спектакля. Пальмы, кактусы, рододендроны, скалы, кусты древнего самшита, таинственные гроты, белая полоса прибоя. Но постепенно декорации начали наполняться дыханием, оживать.

От малейшего ветерка длинные листья пальм постукивали, как деревянные. И их стволы, покрытые бурым войлоком, напоминали о бизонах. Скроенные из жесткой зелени, поднимались кактусы, в них гвоздиками торчали колючки. Завершались же эти суровые растения нежно-розовыми цветами — словно эти цветы выросли отдельно, а к кактусу их прибили гвоздями-колючками. Солнце шло на закат. От кипарисов тянуло теплом, как дома от натопленной печки, и пахло смолой, как от дров. Саманта даже протянула руку и ладошкой почувствовала тепло кипариса.

И чем дальше девочка углублялась в артековский парк, тем явственней все вокруг дышало, шуршало, пахло, излучало тепло — жило. Пели цикады, начинали свой концерт скрипучие древесные лягушки. Над головой девочек, как маленький черный самолет

с выключенным моторчиком, пролетела летучая мышь.

Сгущались сумерки.

Саманта вошла в палату и осмотрелась.

— Эта постель свободна,— сказала вожатая, указывая на постель, стоящую у выхода в лоджию.— Можешь занять ее.

Вожатая была строгой и, как показалось Саманте, суховатой. И она плохо говорила по-английски.

И вместо того чтобы улыбнуться и поблагодарить, американская гостья промолчала. А когда вожатая ушла, спросила Наташу:

— Из какого окна видна луна?

— Ты увлекаешься астрономией? — удивилась Наташа.

— Я привыкла из своей постели видеть луну.

Наташа осмотрелась и сказала:

— Луна видна отсюда. Но эта постель занята.

— Я хочу спать там, откуда видно луну,— упрямо повторила гостья.

Потом ей станет стыдно за свое упрямство. Потом вообще многое переменится в Саманте. А пока она поджала губы и ждала, как поступят ее новые друзья.

— Хорошо,— сказала Наташа.— Я поговорю с девочкой, которая спит здесь.

— И с этой девочкой тоже поговори,— Саманта указала на соседнюю постель.— Я хочу, чтобы ты спала рядом со мной. У меня с собой мировая жвачка. Я подарю им по упаковке.

— Им не надо жвачки. Они и так уступят тебе место.

Саманта непонимающе посмотрела на Наташу. Готовность выполнить ее желания удивила маленькую гостью. Ей захотелось допытаться о причине этой готовности.

— Это потому, что я дорого стою? — спросила она.

— Как — дорого стоишь? Почему ты дорого стоишь?

— Пол Попрыгунчик сказал, что компании вложили в меня большие деньги,— доверительно сообщила Саманта.

— Что же, ты теперь денежный мешок? — в сердцах воскликнула Наташа.

— Какая ты странная, Наташа,— терпеливо сказала Саманта.— Ты говоришь так, словно хочешь обидеть меня. Но я не обижаюсь. У нас очень почетно, если в тебя вкладывают большие деньги. У вас разве иначе?

— У нас иначе,— ответила Наташа.— У нас вкладывают деньги во всех детей сразу...

Ночь. Откуда только берется столько тьмы, чтобы закрыть ею всю землю, все небо, все море? И только луна — ночное солнце — взошла, и проложила в море золотистую дорожку, и заглядывает в окно, словно подслушивает ночные разговоры подруг.

А ночные разговоры самые интересные и самые откровенные.

— Мне очень нравятся туфли Большой Наташи,— шепчет Саманта и смотрит в сторону своей подружки.— Слышишь?

— Слышу,— отвечает Маленькая Наташа и, стало быть, не спит.

— Я их мерила. Наденешь и сразу становишься взрослой. А надоеет быть взрослой, скинешь их и наденешь кеды.

— Разве так бывает? — шепчет подруга.

— Со мной бывает,— отзывается Саманта.— Завтра я попрошу у Большой Наташи туфли, и ты увидишь, как я повзрослею. У меня даже голос станет низким, как у взрослой.

Луна зашла за тучу. Стало совсем темно. И Наташа не видит, что Саманта села на постель и болтает босыми ногами.

— Наташа обещала мне подарить свои туфли после Ленинграда,— доносится из темноты голос Саманты.— Она говорит, что туфли расхожие, не новые. Ну и пусть... А как они стучат... Тук... тук... тук...

— Я знаю, как они стучат,— откликнулась Наташа.— Они здорово стучат.

— Девочки, спаты! — раздается откуда-то из темноты голос дежурной.

И две подруги замирают.

Но ненадолго.

— Наташа, ты спишь?

— Нет. А ты, Саманта?

— И я не сплю. Давай думать об одном и том же, и нам приснится один сон. Тебе никогда не хотелось убежать?

— Куда убежать?

— На другую планету. Например, к маленькому принцу?

И снова тихо. И снова Самантин голос звучит в темноте:

— У нашего крыльца две белые березки.

— Русские?

— Нет, американские.

— А чем они отличаются от наших? — интересуется Маленькая Наташа.

— Не знаю. Мы же с тобой не отличаемся?

— Мы с тобой не отличаемся,— шепчет Маленькая Наташа.— Может быть, только чуть-чуть. Ты даже при девочках не можешь раздеваться и считаешь, что за добро надо сразу заплатить.

— Надо, конечно.

— Добром. А не жвачкой, не цветными фломастерами. И не обязательно сразу. Можно ведь через некоторое время.

— Это в Америке называется кредит. Есть кредитный банк, где берут в долг... Я не люблю долгов. Меня папа так воспитал.

— Когда тебе делают подарок, это же не в долг. Или в Америке не делают подарков?

— Делают! На день рождения. И на рождество. Но только свои, родные. Разве я для вас родная? Я же американка.

— Ты моя подруга. Остальное не имеет значения. Расскажи мне о своем доме.

Но Саманта рассказывает о другом. И до Наташи доносится ее приглушенный взволнованный голос:

— Ты знаешь, Наташа, что самое страшное в мире? Это когда космонавт выходит в открытый космос и вдруг отрывается от корабля. Он превращается в спутника и оказывается один во всей Вселенной. И все время движется вокруг Земли. Он умирает и продолжает двигаться вокруг Земли.

— Почему ты подумала об этом, Сэми?

— Когда я собиралась в Союз, мне казалось, что я выхожу в открытый космос. А оказалось все совсем иначе. Мне здесь совсем не страшно. Мне хорошо...

Сон сморил маленькую американку. А Наташа долго сидела на своей постели и смотрела на спящую подругу.

Соленая вода

Если природа — художник, то утро она рисует самыми свежими, самыми сочными красками. Природа-художник меняет свои привычки, и трава под ее кистью становится синей, а морская вода — зеленой, мрачные скалы она окрашивает солнечной охрой, а по белоснежному облаку обязательно проведет малиновой краской — такой малиновой, что запахнет малиной.

Но свои лучшие краски природа берегает для детей.

Я вижу площадку — с трех сторон кипарисы, а с

четвертой море — и представляю себе Саманту на утренней зарядке. Она загорела — догнала ребят, — на ней трусы и майка, как у всех. Ее теперь и не отличишь от других ребят.

— Раз! Два! Три!

Десятки рук поднимаются вверх и разлетаются в стороны. Руки движутся, как крылья в полете.

— Раз! Два! Три!

И сразу все ребята приседают. Но эта команда общая: и для ребят, и для моря. И по этой команде волна приседает и поднимается. Приседает и поднимается: музыка общая для ребят и для моря.

Потом физрук похвалил Саманту:

— Ты все быстро схватываешь!

— Быстро хватаю?

— Да нет. Ты понимаешь с полуслова!

— Я понимаю полслова? Так мало?

Смешной получился разговор.

И тут на площадке появился Попрыгунчик Пол. На нем были белые шорты и сорочка с погончиками. Маленький, толстый, запыхавшийся.

— Хэлло, Саманта!

— Хэлло, мистер Пол! Вы очень загорели.

— Я всю ночь ворочался. У меня все болит... от загара. О! А ты как живешь, Сэми?

— Нормально!

— Уже научилась так отвечать у советских детей. На все вопросы старших они отвечают: нормально! Но, по сути дела, это означает: пошел к черту!

— Я не хотела вас обидеть, мистер Пол, но дети действительно не любят, когда их расспрашивают, — ответила Саманта.

— Неужели тебе нравится здешнее однообразие? Все одинаково одеты, шагают строем, поют хором.

— Это не однообразие. Это равенство!

— Может быть, так ты понимаешь демократию?

— Так я понимаю дружбу.

— С тобой невозможно говорить о политике! — взорвался Попрыгунчик. — Помни, за нашим разговором следит вся Америка.

Никогда еще Саманте не приходилось жить среди такого множества детей. Их было так много, что временами казалось — взрослые вообще покинули этот чудный уголок земли и полностью отдали его детям.

Русский язык Саманта учила по песням. Одни слова давались ей легко, другие трудно. Девочка долго не могла научиться произносить слово «молодцы». Ей очень хотелось выучить речевку: «Артековцы сегодня — артековцы всегда». Но этот простой стишок оказался для нее трудным орешком.

Когда на завтрак давали манную кашу, Саманта говорила по-русски:

— Можно я... ее... не буду!

Она не любила манную кашу. Зато ей по вкусу пришлись вареники. И само слово «вареники» она произносила без труда. От этого слова у нее текли слюнки.

У Саманты открылась удивительная способность понимать по губам, по глазам, по выражению лица. Когда вокруг были дети, незнание русского языка никогда не заводило ее в тупик.

Случалось, конечно, что Саманта не могла понять, что хотел ей сказать собеседник. Тогда она сердилась на свою несообразительность и вспоминала разговор Алисы с Шалтай-Болтаем:

«Когда лично я употребляю слово, — все так же презрительно проговорил Шалтай-Болтай, — оно меня слушается и означает как раз то, что я хочу: ни больше ни меньше».

«Это еще вопрос, — сказала Алиса, — захотят ли слова вас слушаться».

«Это еще вопрос, — сказал Шалтай, — кто здесь хозяин: слово или я».

Любимая сказка вливала в Саманту бодрость, и знакомые слова открывали ей свои тайны.

Она была обыкновенной девочкой.

Она была необыкновенной девочкой.

Необыкновенность была заложена в ее обыкновенности.

В Артеке жили дети многих национальностей, звучала разноязычная речь, и Саманте пришла мысль, что Артек — великолепная модель устройства общества... «Если люди всего мира будут жить так, как живут в Артеке дети, — рассуждала девочка, — тогда не будет вражды, не будет войны. Пусть все президенты и другие правители приезжают сюда учиться управлять миром».

Но когда Саманта поделилась своими мыслями с Маленькой Наташей, та покачала головой.

Думаешь, не приедут? — спросила Саманта.

Они здесь были. Они все время приезжают. Но ничему не могут научиться.

— Когда сюда приезжал наш президент Рузвельт, была война. А после его приезда вскоре наступил мир, — возразила подруге Саманта.

— Тогда было другое время, — задумчиво отзывалась Наташа.

— Ты хочешь сказать, что, когда идет война, люди особенно сильно хотят мира?.. Неужели для мира нужна война?

Девочки долго молчали. Потом Наташа сказала:

Наш народ так тяжело пережил войну, что всегда хочет мира. Ты даже не представляешь себе как хочет.

Саманта ничего не ответила.

Когда ты побываешь в Ленинграде, многое поймешь, — задумчиво произнесла Наташа. — Пойдем купаться?

Ах, это ласковое, теплое море! Кто сказал, что оно черное? Оно лазоревое! Нет, изумрудное! Его веселое беспокойство передается людям. Оно поднимает тебя

на волну, и начинает казаться, что ты его частица, частица стихии. И в тебе от дружбы с морем крепнет бесстрашие.

Две подружки перешагнули через белый гребень прибоя и замерли в ожидании новой волны.

Я представляю себе, как Саманта наклонилась и, сложив ладони ковшиком, зачерпнула воду.

— Кто сказал, что это море черное? Разве эта прозрачная вода похожа на чернила?

И тут подкатила хорошая упругая волна, подружки бесстрашно бросились вперед, и вот уже две шапочки, как два поплавок, запрыгали на волне.

А потом они дружно нырнули. А вынырнули в другом месте и, слизывая с губ соленую воду моря, шумно задышали.

— Какая прекрасная соленая вода! — крикнула Саманта.

— Об этой воде сложена песня, — отозвалась подруга.

— Поплыли дальше!

И снова два «поплавок» запрыгали на волне.

После купания подружки упали на горячую гальку и молча лежали, упершись подбородками в локоть. А вокруг них постепенно образовался кружок из ребят.

— Пусть расскажет про Америку, — попросил Наташу рыжий мальчик, напоминающий Саманте ее приятеля Дуга.

— Пусть расскажет про гангстеров! — требовал его сосед с обгоревшим кончиком носа. — У них много гангстеров. Они ходят по улицам с пистолетами под мышкой?

Но когда Наташа перевела, Саманта рассмеялась:

— Так же, как по Москве ходят медведи. Это только в кино истории с гангстерами такие увлекательные. А в жизни они приносят людям горе.

Ребята притихли. И вдруг Саманта предложила:

— Я лучше расскажу... про таксиста Бик Бена. Его так звали за высоченный рост. В Лондоне самая высокая башня с часами называется Бик Бен... — Саманта рассказывала, а Наташа переводила. — Это было давно, когда в нашем городке появился первый таксомотор, Бик Бен стал первым таксистом. И у него был друг — большая черная собака ньюфаундленд — Гаспар. Бик Бен никогда не расставался со своим другом. И даже в машине Гаспар сидел всегда рядом со своим хозяином. Но не всем в городе нравилось ездить в одной машине с собакой. И в один прекрасный день Бик Бен нашел своего черноногого друга мертвым...

Было тихо. Только море булькало и перекачивало мелкие камешки. Низко над морем плыли небольшие призрачные облачка, которые почему-то всем сразу напомнили Гаспара. Только воображаемый облачный Гаспар был белым, как на негативе.

— Что же сделал Бик Бен? — продолжала рассказ Саманта. — Он долго ходил по городу, словно искал обидчика. А потом вернулся домой. Положил мертвую собаку на сиденье, завел ручкой мотор, сел рядом, включил счетчик — и поехал. С той поры в нашем городке никто не встречал Бик Бена. Среди людей стала ходить легенда, что Бик Бен с мертвым Гаспаром до сих пор ездит по всей Америке. Днем и ночью, в жару и в стужу он за рулем. Машина мчится, а счетчик работает — счет растет. И настанет час, когда Бик Бен остановится и предъявит людям счет за их жестокость. Видимо, пока странный шофер считает счет за убитого друга недостаточно большим. Рассказывают, что его встречают на дорогах Америки. На стареньком «форде» с подножками, со спицами на колесах, с резиновой грушей старинного сигнала. То в Калифорнии, то в Вирджинии он появляется и исчезает... появляется и исчезает. Вот такая американская история.

Девочка замолчала. Ребята, дослушав перевод,

тоже молчали. Не задавали вопросов. Не откалывали шуточки.

Только похожий на Дуга рыжий мальчик сказал: — Тяжелая история.

А пучеглазая девочка с двумя коротенькими косичками за спиной, окая, как окают все волжанки, прошептала:

— У меня тоже есть собака... У человека вообще должна быть собака.

Где-то вдалеке запела труба.

Президентское кресло

В Ливадийском дворце даже в жаркую погоду прохладно и дышится легко, воздух пахнет снегом и попадает сюда прямо с высоких гор.

А за окном крымское солнце, пылающие цветы иудиного дерева, нежные олеандры и зеленое море виноградников. А за виноградниками настоящее море — живое, дышащее и тоже зеленоватое.

В большом зале высокие окна и колонны. И круглый стол, покрытый светлой скатертью.

Саманта медленно шла по залу, и паркет поскрипывал под ее шагами, как морозный снег.

А потом ее подвели к креслу, стоящему у круглого стола, и сказали:

— В этом кресле сидел президент Рузвельт.

Девочка внимательно осмотрела ножки, подлокотники и погладила спинку рукой.

— Можно мне посидеть в этом кресле? — неожиданно спросила она.

Ей разрешили.

Саманта осторожно забралась на сиденье, уселась поудобнее и задумалась.

Никто не прерывал ее мыслей.

А в мыслях Саманта увидела президента Рузвельта. Она сразу узнала его седые, мягкие волосы,

тонкие черты благородного лица, глаза, вопросительно смотрящие из-под стеклышек пенсне. Она узнала его, потому что портрет Рузвельта висел у папы в кабинете.

Когда Саманта была маленькой, она спросила папу:

— Это дедушка?

— Это президент Франклин Рузвельт,— многозначительно ответил папа.

— Дедушка Рузвельт?

Папа засмеялся и промолчал.

И вот теперь президент возник перед ней, как старый знакомый. И как знакомый, приветствовал ее:

— Хелло, Сэми!

— Здравствуйте, мистер президент! Я села в ваше кресло. Простите. Я сейчас соскочу.

— Подожди.— Плавным жестом руки президент остановил Саманту, и она заметила, что у него длинные, тонкие пальцы, как у музыканта.— У меня есть другое кресло.

Тут только девочка обратила внимание, что президент сидит в кресле-каталке и его ноги закрыты пледом.

— А тебе нравится кресло, на котором ты сидишь? — спросил президент.

— Хорошее, только ноги не достают до пола. Но я немного сползла и носочками дотянулась.

— Зачем? — удивился президент.

— Чтобы чувствовать себя взрослой. Все взрослые достают ногами до пола.

— Ты хочешь сказать, что сидеть в президентском кресле не так просто?

— Если сидеть каждый день, можно привыкнуть,— был ответ девочки.

Президент мягко засмеялся.

— Привыкнуть можно даже к этому креслу,— сказал он и похлопал рукой по колесу кресла-каталки.— Но от этого не легче. Ты из какого штата?

— Штат Мэн.

— О! Там прошло мое детство. А в заливе Мэн стояла наша яхта «Хаф-мун». Когда мне было, как тебе, десять лет, я мечтал стать моряком. Да вот не получилось... У меня еще был шотландский пони. Безумно трудно было за ним ухаживать.

— С собакой тоже не просто,— сказала Саманта.— Я собираюсь стать ветеринаром. Лечить зверей.

— Это хорошо, Сэми! — похвалил девочку президент.— А то все американцы непременно мечтают стать президентом. Даже девочки. Но Америке нужен всего один президент.

И тут Саманта задумалась и сказала:

— Я бы тоже хотела стать президентом. Только немедленно.

— О! Почему так быстро? — удивился Рузвельт.

— Потом может быть поздно. Ведь каждый день может стать последним днем Земли. Президент в силах спасти мир.

Президент внимательно посмотрел на девочку. И надолго задумался. И действительно стал похожим на дедушку, обдумывающего жизнь своей внучки. Он перевел взгляд к окну и посмотрел на море, словно хотел увидеть далекий родной берег.

Потом он сказал:

— Спасти мир от новой войны может только народ, тяжело переживший эту войну. Только он понимает по-настоящему, что такое война.

Девочка молчала. Все это было слишком важным и трудным, чтобы сразу понять. А президент и не требовал быстрого ответа. Он огляделся. И вдруг спросил:

— Тебе нравится здесь?

Саманта ответила кивком.

— Мне тоже нравится,— продолжал президент.— Вот бы выйти в отставку, купить этот дворец и провести здесь остаток дней.

«Президент, наверное, не знает, что в Советском Союзе дворцы не продают даже президентам. Даже самым хорошим», — подумала Саманта.

И в это время произошли странные перемены. Президент вдруг исчез — он появился в мыслях и в мыслях исчез. Перед Самантой стоял Попрыгунчик Пол. Он обладал удивительным свойством появляться там, где его меньше всего ждали. Похожая на обезьянку камера стеклянным глазом смотрела с его плеча.

— Хелло, Сэми! Мне пришла отличная мысль. Ты должна оценить ее!

— Вы о чем? — спросила девочка. — Вы, вероятно, хотите спросить, как мне понравился Ливадийский дворец?

— Нет, нет, нет! — Пол замахал руками и отступил на несколько шагов. — Сейчас я сниму свой самый интересный репортаж. Я задам тебе вопрос: что бы сделала ты, простая американская девочка, если бы на самом деле стала президентом?

Саманта удивленно посмотрела на Пола. А тот уже, прищурив один глаз, другим припал к окуляру. Застрекотал кузнечик. И девочка почувствовала, что на нее смотрит вся Америка. И у нее есть возможность сказать самое главное миллионам людей.

Краска ударила в лицо девочки. Но она поборол волнение и, крепко сжав руками подлокотники кресла, заговорила:

— Я бы поверила людям по обе стороны океана. Я бы научила людей верить... доверять друг другу.

Уже перестала стрекотать кинокамера Пола. Те, кто был в зале, тихо вышли в распахнутые белые двери. А Саманта все сидела в кресле президента и сжимала руками подлокотники.

— Сэми, нам пора! — Папин голос прозвучал из другого мира.

Саманта соскользнула с кресла и придвинула его на место, к круглому столу.

И весь обратный путь, когда они на «рафике» мчались в Артек, перед Самантиными глазами стоял старый президент и смотрел на нее, как дедушка на внучку.

Корабль страданий

Ночь была таинственна и прекрасна. Где-то совсем близко дышало море, и от его дыхания веяло свежестью. Небо было таким темным, что звезды казались ярче и крупнее. И ближе к земле.

Эта ночь была создана не для сна.

Никто и не спал. Все затаились в большом амфитеатре, построенном на склоне горы. А внизу в огромной чаше плескалось жаркое, веселое пламя костра. Клубы дыма поднимались высоко в небо, и в дыму, как золотые рыбки, плавали звезды. Лица детей были озарены пламенем, глаза блестели. Неожиданно амфитеатр запел. А со стороны казалось, что поют не дети, а вся природа участвует в таинственном, могучем хоре. Пели деревья, горы, море, небо, пламя костра.

Офелия, Офелия, сестричка!

Надет венок, распущена косичка.

На сцене омут, словно на картинке.

Вода синее, плавают кувшинки.

Офелия, Офелия, сестричка.

Офелия, Офелия, девчонка!

Прощай любовь, родимая сторонка.

Но в темном зале замер твой спаситель —

В потертой куртке неприметный зритель.

Офелия, Офелия, девчонка.

Офелия, Офелия, подруга!

На свете нету преданнее друга.

Не даст тебе он утонуть в пучине,
Он вынесет тебя в цветах и в тине.
Офелия, Офелия, подруга.

Офелия, Офелия, русалка!
Тебя вдруг целой школе станет жалко.
И твой спаситель вдруг сорвется с места,
Чтоб ждать тебя у школьного подъезда.
Офелия, Офелия, русалка.

Песня замирала и оживала вновь. А Саманта сидела у костра и слушала, как Наташа нашептывала ей на ухо перевод этой странной песни о мальчике, который полюбил Офелию из школьного театра. На Саманте был костюм Офелии, а на голове венок из цветов.

Все, что происходило вокруг, было так прекрасно и непривычно, что Саманте казалось, будто она попала в сказочный мир. И эта песня про нее — это в далеком родном Манчестере она выступает на сцене школьного театра и это у нее на голове венок из цветов. А кто же ее спаситель? Ну конечно, Дуг! Это он бросится в воду, спасет ее и вынесет на берег в цветах и в тине. А может быть, Дуг где-то рядом, сидит у костра, протягивая руки к огню? Она даже оглянулась, чтобы отыскать глазами друга. Неподалеку сидел рыжий мальчик, но это был Степа из Уренгоя, а не Дуг.

И тут новая волна праздника подхватила ее и понесла, понесла дальше. Заиграл оркестр, и дети повскакали с мест и в одно мгновение образовали большой хоровод, который закружился вокруг костра. Кто-то схватил Саманту за руку, и она сразу стала частицей огромной живой карусели.

А потом карусель остановилась. И Саманта отошла в сторону, чтобы отдышаться. И тут она увидела Попрыгунчика Пола. Он снимал праздник и что-то возбужденно говорил в маленький микрофон.

Саманта сделала несколько шагов и очутилась

рядом с Полом. Он узнал ее, помахал рукой, в которой был зажат микрофон. И вдруг повернулся к морю, где неподалеку от берега стоял корабль, освещенный прожекторами. И Саманта услышала комментарий Пола:

— Да, все прекрасно на этом празднике, — говорил Пол, обращаясь ко всей Америке. — Но, дорогие зрители, у медали есть обратная сторона. — Он ближе поднес ко рту маленький микрофон. — Рядом с поющими детьми на рейде замер военный корабль. Зловещая тень войны. Притаились орудия. Готовы к пуску ракеты. Вы видите его грозный силуэт. И возникает вопрос: чему верить? Улыбкам детей или военной машине, которая в России присутствует всюду, даже на детском празднике?..

Саманта слушала Пола, и ее сердце наполнялось горечью. Значит, этот праздник ненастоящий? И радость ненастоящая. И костер, и деревья, и музыка, и улыбки детей. И песня про Офелию. Все ненастоящее, а только декорации к подлому спектаклю.

В это время на корабле раздался залп. И над морем взлетел огромный фейерверк, рассыпаясь по всему небу сотнями разноцветных звездочек. И такие же веселые огни заиграли на поверхности моря, словно фейерверк отразился в огромном зеркале.

Ребята, окружавшие Саманту, хлопали в ладоши, кричали. Лица их светились радостью, и цветастый фейерверк, как в море, отражался в глазах ребят.

Но общая радость, охватившая всех участников праздника, прошла мимо Саманты. В ее сознании отчетливо звучали слова Пола: «Праздник не настоящий... камуфляж, который прикрывает боевую мощь...»

Ей захотелось найти Наташу, но подруга затерялась среди множества детей. А может быть, она никакая не подруга, раз не предупредила, что праздник ненастоящий?

Тогда она подбежала к Попрыгунчику Полу.

— Мистер Пол! Я не ослышалась, мистер Пол? Ракеты первого удара? Разве это так?

— Я прожил жизнь. И кое в чем разбираюсь лучше тебя. Меня не обманешь, даже если все небо в огнях фейерверка.

— Но на этом корабле приплыл Нептун.

— На авианосце «Нимиц», когда он пересекает экватор, тоже появляется Нептун. Ты приехала в Россию, чтобы найти истину, но стоило тебе столкнуться с горькой правдой...

— Вы ошиблись, мистер Пол! — горячо сказала Саманта. — Скажите, что вы ошиблись. — И совсем тихо спросила: — Как после этого жить?

— Смотри на вещи мужественно и просто, — сказал мистер Пол, снимая с плеча камеру. — Будь настоящей американкой.

Вдалеке запела труба — звала детей отдыхать.

— Беги, — сказал репортер. — Я еще погуляю. Люблю слушать бульканье воды в камнях и стрекот цикад. Спокойной ночи!

— Никакой спокойной ночи не будет! — Слезы обиды стояли в глазах у девочки. — Значит, русский президент пригласил меня, чтобы обмануть?

И, не дождавшись ответа, Саманта сорвалась с места и побежала. Она бежала не разбирая дороги, продираясь сквозь колючие кусты. Бежала прочь от испорченного праздника. Бежала от обмана.

Но разве от обмана можно убежать?!

С корабля взлетали все новые и новые гроздья фейерверка. «А может быть, с этими веселыми огнями взлетают настоящие боевые ракеты, — думала девочка, — они летят над морями и океанами, чтобы с разрушительной силой упасть где-то между Великими озерами и заливом Мэн». И на память пришли слова старого солдата Ральфа Пастера: «Не подведи, Саманта!» А что делать, чтобы не подвести?

Когда Саманта пришла в свою палату, девочки

спали. Платье Офелии было порвано, а венок потерялся. Обессиленная, Саманта прямо в платье упала на кровать и некоторое время лежала молча. Потом приподнялась на локте и шепотом позвала подругу:

— Наташа! Ты спишь?

Наташа тут же проснулась.

— Сэми, где ты была? Почему ты не спишь? — отозвалась Наташа.

— Я теперь, наверно, никогда не усну.

— У тебя что-нибудь болит?

— Наташа, я должна открыть тебе глаза...

— Но у меня глаза открыты.

— Ну да, конечно. Я не об этом. Тебе не страшно?

— Чудачка ты! — Наташа отбросила одеяло и села на постель подруги. — Был такой прекрасный праздник. «Он вынесет ее в цветах и в тине». Почему у тебя порвано платье?

— Я бежала через кусты. Посмотри мне в глаза. Ты могла бы меня предать?

— Никогда! Ты же моя подруга.

Теперь они сидели рядом. Было темно, и только фонарь, горящий за окном, слабо освещал двух подруг.

— Я верю тебе, — тихо сказала Саманта. — Но нас с тобой предали. Этот праздник был ненастоящим. И все вокруг ненастоящее. И песни, и костер, и хоровод.

— Я не понимаю, подруга, о чем ты? Кто сказал тебе эту ложь?

— Мистер Пол, старый, опытный человек. Он все знает. Это нас с тобой легко обмануть. Но мистера Пола не обманешь!

— И что же тебе сказал Пол? Говори, Сэми... Это очень важно.

Теперь подруги сидели на одной постели, прижимаясь друг к другу плечами.

— На этом военном корабле боевые ракеты, они направлены на Америку... А праздник — это прикры-

тие. Он так и сказал — прикрытие. Наташа, ты знала, что этот корабль военный? Или тебя тоже обманули, всех обманули?

В палате было тихо. Остальные девочки спали. И только две подруги вели трудный разговор, а когда умолкали, было слышно, как колотятся их сердца.

— Ты знала, что корабль военный? — Саманта повторила трудный вопрос.

— Знала! — ответила Наташа. — Сорок лет назад он был на войне. Попрыгунчик говорит про ракеты? Ты сама видела, сколько на нем ракет, как красиво они взлетали в ночное небо. Только это ракеты фейерверка. Взлетают и гаснут. А сегодня с корабля высадился в Артеке десант: Нептун и его свита — русалки. И одна из русалок сидит перед тобой. Может быть, по мнению мистера Пола, я — солдат морской пехоты? Ты спроси своего Попрыгунчика. Понимаешь, Сэми, правда — очень чуткая, стоит ее чуть-чуть замутить, и она перестанет быть правдой.

Саманта ничего не ответила. Она легла в постель и с головой закрылась одеялом. Кто же прав? Ее соотечественник мистер Пол или русская девочка Наташа?

Она вспомнила, как в аэропорту Пол предложил ей: «Будем вместе работать!» Так вот, оказывается, какая это работа — улыбаться, давать автографы и... ложь выдавать за правду. Но тут в ее мысли прокрадась ядовитая струйка сомнения: а вдруг Пол прав?

Девочке мучительно захотелось домой.

Саманта проснулась, когда брезжил рассвет. Она села на постели и осмотрелась: подруги спали. Спали спокойно, как спят после праздника. «Интересно, — подумала Саманта, — а где сейчас военный корабль со своими боевыми ракетами?» Она, оказывается, спала в платье Офелии, даже не разделась. Девочка быстро поднялась и на цыпочках, чтобы не разбудить подруг, направилась к двери.

Утро было пасмурным. От моря тянуло свежестью. И то ли от этой свежести, то ли от волнения

Саманту познабливало. Она скрестила на груди руки и ладошками стала греть плечи. Она прошла мимо кипарисов — в неясном свете рождающегося утра они были синими и пахли смолой. Саманта вошла на костровую площадку. Здесь было тихо и пустынно, как в зрительном зале после спектакля. От лежащей в центре груди головешек тянуло горечью пожара. И Саманте подумалось, что это не погасший костер, а пепелище. Что-то красивое, важное, вечное возвышалось на этом месте. И вот сгорело.

Саманта быстро зашагала прочь. Горечь погасшего костра провожала ее до самого моря.

Над морем стоял туман. Он поднимался от воды и спускался с неба. Сквозь серую завесу тумана светлыми пятнами заявляли о себе лучи приближающегося солнца.

Саманта зашагала по бетонному пирсу, но не сразу увидела военный корабль. Она даже решила, что он отошел от берега. Только приглядевшись, девочка обнаружила строгие очертания судна. Корабль стоял неподвижно на прежнем месте.

Саманта пристально смотрела на корабль, и ей казалось, что судно притаилось, слилось с туманом, но не спит. А может быть, на самом деле корабль бесшумно плывет или летит над волнами. И чайки с широкими надломленными крыльями с криком сопровождают его.

И вдруг Саманта услышала за спиной тихий голос:

— Девочка, почему ты не спишь?

Саманта оглянулась. Перед ней стояла невысокая женщина в спортивном костюме. Но при этом голова ее была белой, а на глазах поблескивали толстые стеклышки очков.

Саманта покачала головой и произнесла короткое слово:

— Ноу... Нет...

- Спик англиш?
- Ес! Ай ду! Кто вы?
- Нина Сергеевна.

Эта странная маленькая женщина вызвала расположение, и Саманта улыбнулась ей.

— Миссис Нина Сергеевна, я пришла посмотреть корабль,— объяснила девочка.

— И я... пришла посмотреть корабль! — Женщина грустно улыбнулась. — Этот корабль очень дорог мне.

— Дорог? — удивилась девочка. — У вас там служит сын? Он военный моряк?

— Там нет военных моряков. — Нина Сергеевна покачала головой.

— Но корабль военный?

— Во время войны все было военным.

— Но война была сто лет назад! — воскликнула девочка.

— Для меня война была вчера. Все раны свежи. Не заживают.

— Ваш сын был на войне моряком? И его ранили?

— В те дни моему сыну исполнился годик.

— Годик? — Саманта с недоумением посмотрела на Нину Сергеевну: в спортивном костюме та выглядела совсем молодой, только голова белая.

А та в ответ горько усмехнулась:

— На этом старом кораблике нас вывозили из окруженного врагами Севастополя. Почти все женщины были с детьми. Стонали раненные.

Она рассказывала, и ее слова оживали в воображении Саманты, становились реальностью.

Саманта перевела взгляд на море. Туман стал уже не таким плотным и от приближающейся зари порозовел. Саманте показалось, что судно медленно плывет. Никаких особых перемен с ним не произошло, только палубу заполнили люди. Одни лежали, другие стояли. Белели бинты раненых. Женщины прижи-

мали к груди детей. Эти пассажиры странно изменили облик судна.

— Я стояла на палубе, прижавшись спиной к надстройке, и держала на руках Славика. Он прильнул ко мне и затих. А в это время из-за туч вынырнул фашистский штурмовик и стал расстреливать транспорт...

Желтый самолет с черными крестами и свастиками завис над морем, и от него к кораблю потянулся красный пунктир трассирующих пуль — он стрелял бесшумно. Казалось, в мире вообще не было звуков, кроме голоса женщины в спортивном костюме, с белой головой.

— Так мы стояли под пулями, и спрятаться было некуда — все палубы и трюмы были забиты беженцами. Славик чувствовал меня и был спокоен. Он прижался ко мне и дышал мне в щеку. Потом фашист улетел. Стало тихо, только слышались голоса людей, крики, плач... И вдруг я почувствовала, что Славик похолодел. «Замерз на ветру», — подумала я и закутала его в свой шерстяной платок. Крепче прижала к себе, хотела согреть. Но он не согрелся, а я так и не сумела его отогреть. Никогда его не отогрела...

Саманте показалось, что корабль с беженцами приблизился к берегу, то есть к ней. Он дымился, борта его помяты, а местами пробиты снарядами. И девочка увидела незнакомку. Но не рядом с собой, а на корабле-транспорте. Она стояла в том спортивном костюме, и стеклышки очков поблескивали. А на руках у нее был окоченевший Славик... «А может быть, это была другая женщина, моя мама, — вдруг мелькнуло в сознании Саманты, — и это она, маленькая Саманта, прижалась к ней в вечной надежде, что мама спасет от всех бед. Спасет! А вот и не спасла...» А корабль-транспорт все плыл. Он плыл и не мог уплыть. Вдоль всего берега стояли ребята, пионеры, артековцы. Они молча смотрели на плывущий из далекого времени военный корабль и отдавали ему

салют. Корабль страданий плыл вдоль строя пионеров, словно принимал парад.

Саманта оглянулась — женщина стояла неподвижно. Только очки ее стали мутными... от слез.

И тут в памяти Саманты снова всплыли слова из репортажа Пола: «Праздник не настоящий, а камуфляж, который прикрывает боевую мощь... Боевую мощь». Теперь эти слова, как удар, причинили боль. Девочке стало стыдно, что она поверила лжи. Ей захотелось спрятаться от Нины Сергеевны, потерявшей своего Славика, от Наташи, от всех ребят.

Взошло солнце. Туман развеялся. Море начало легонько накатываться на берег. Послышалось тихое бульканье волны. Транспорт военных лет снова стоял на месте, палуба опустела.

В это время вдалеке раздался ритмичный, приглушенный стук мотора, и из-за мыса выплыл небольшой буксир. Он пересек бухту и замедлил ход около старого корабля. Послышались обрывки команд, похожие на крик морских птиц, что-то загрохотало, заскрежетало. И вот буксир уже плывет в обратном направлении, а за ним на длинном тросе следует старый корабль. У корабля-ветерана, инвалида войны, даже не оказалось своего хода — отказал. На палубе никого не было. Флаги расцвечивания были спущены. Сперва за мысом скрылся буксир, потом военный корабль. И вместе с ним исчезли, стали нереальными падающий с неба фашистский самолет, раненые, лежащие на палубе, женщина в спортивном костюме, прижавшая к себе мертвое дитя...

Какая-то горечь осталась на сердце.

Саманта огляделась. Вокруг никого не было. Только Наташа, верная, неизменная Наташа стояла рядом.

— Прости меня, Наташа, — вырвалось у Саманты.

— За что, Сэми?! — Наташа удивленно смотрела на подругу. — За то, что ты без меня ушла на море?

Ты, наверное, думала, что я сплю, да? Не захотела меня будить, да? А я проснулась — и за тобой!

— Кто эта миссис Нина Сергеевна... в спортивном костюме?

— Она преподает английский в Артековской школе.

В это время за ее спиной послышалось знакомое «Хелло, Сэми!». Девочка оглянулась — по пирсу шел Попрыгунчик Пол и приветственно махал рукой.

Лицо его не было озабоченным — он ни в чем не чувствовал себя виноватым, как будто все было хорошо, ничего не случилось.

Саманта отвернулась.

— О! Сэми, что с тобой? Тебе приснился дурной сон?

И тут девочка взорвалась:

— Вы говорите неправду! Вы снимаете неправду. А я поверила вам и теперь сгораю от стыда.

— Ну-ну-ну! Ты многого не понимаешь. Да тебе и не нужно понимать, девочка моя.

— Вы считаете меня маленькой? Я, конечно, не взрослая. Но могу отличить правду от лжи. Может быть, не сразу, но могу.

— Успокойся, Сэми, — сказал мистер Пол. Сам он сохранял спокойствие. — Все будет хорошо. Все забудется. Зачем нам ссориться? Ведь мы с тобой друзья?

— Я тоже так думала. А теперь... теперь я так не думаю!

И, увлекая за собой подругу, девочка быстро зашагала по пирсу. И всю дорогу она про себя повторяла: «А теперь я так не думаю... Теперь не думаю... не думаю...»

Колодец желаний

Если бы вы знали, сколько открытий сделала Саманта вдали от родины. Например, она узнала, что когда человек покидает родной дом, то, удаляясь от

дома, он незаметно для себя приближается к нему. И его очертания с каждым днем видны все отчетливей. А когда заходит солнце, издали виден свет в собственном окне.

И еще Саманта почувствовала, что чем счастливее время, тем быстрее оно пробегает. Спешит. Как мчащийся поезд. Гудит локомотив, встречный ветер слепит глаза, гремят под колесами рельсы. Поезд из пункта «А» мчится в пункт «Б». А сколько счастливых пунктов он пролетает без остановок! Сколько счастливых дней!

И вот Саманта стоит на берегу Черного моря и сжимает в кулачке маленький черный уголек. Вчера этот уголек был частицей веселого, и вместе с тем грустного, прощального костра. Он вспыхивал, как звездочка, и трещал, как скорлупка. Сегодня он холодный и черный. И тихий, как печаль.

А может быть, этот уголек не от костра, а от обгоревшего военного кораблика, который вывозил из Севастополя детей и раненых?

Этот уголек — символ памяти и символ переживания. И Саманта будет хранить его в сердце.

Был бы под боком «колодец желаний», Саманта бы написала длинный список и опустила бы его в таинственные глубины. Но во-первых, как отличишь «колодец желаний» от обыкновенного колодца? А во-вторых, вокруг вообще нет колодцев.

Но зато есть море. Может быть, это не простое море, а море желаний?

На палубе небольшого кораблика много ребят. Так много, что издали белые рубашки сливаются в белый парус. А пионерские галстуки — заря, отразившаяся на парусе.

Саманта держит бутылку — в ней листок, свернутый в трубочку, чтобы письмо с желанием протиснулось в горлышко.

Что написала Саманта на маленьком листке бумаги? Это станет известно только морю. Когда

морю будет угодно, оно выкинет на берег бутылку с Самантиным письмом, и тот, кто найдет эту бутылку, узнает Самантину тайну.

Но никакой тайны нет. На листке написано:

«Пусть придет человек, который знает дорогу к миру».

Саманта сама была таким человеком. Она начала этот путь в Москве. И он приведет ее в город страданий войны — в Ленинград.

Когда подруги прощались, Саманта сказала:

— Давай поменяемся туфлями!

— Давай, — согласилась Маленькая Наташа, — только мои туфли будут тебе тесноваты.

— Ничего, я разношу их. Зато буду чаще вспоминать тебя.

— Я буду вспоминать тебя и без туфель. Мы встретимся в Ленинграде.

— Мы встретимся в Ленинграде, — подтвердила Саманта. — Я выучила наизусть номер твоего телефона.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Красная стрела»

Экспресс «Красная стрела» отошел от московского перрона и помчался на север. Саманта ехала в одном купе с Большой Наташей. Папа с мамой — в соседнем купе. Иногда Саманта стучала в стенку, и оттуда раздавался ответный сигнал.

Вагон покачивало. За окном проплывали огни города. Может быть, они будут сопровождать поезд до самого Ленинграда.

Неожиданно Саманта спросила свою спутницу:

— Можно, я померю ваши туфли?

— Конечно, можно,— отозвалась Большая Наташа.

Саманта быстро скинула свои кроссовки, надела Наташины туфли на высоких каблуках и сразу как бы выросла. Она соскочила с дивана и посмотрела в зеркало.

— Я похожа на взрослую?

— Почему тебе так хочется стать взрослой?

— Взрослые все знают, все понимают,— ответила девочка.— Мне просто необходимо поскорее стать взрослой.

— Не спеши,— улыбнулась Наташа.— Взрослые часто не замечают того, что видят дети. Они воспринимают мир уже открытый, а дети открывают его сами.

— Но у взрослых есть память. Они много помнят.

— Взрослые часто бывают забывчивыми,— возразила Большая Наташа,— легко расстаются с памятью. Но память не умирает. Она передается детям, и те бережно хранят ее.

— Вы очень умная,— решила Саманта и задумалась. А потом спросила: — Значит, память может передаться мне?

— А какую ты ищешь память?

— Память о войне,— не сразу ответила Саманта.

— Зачем тебе это, девочка?

— Мне кажется... мне кажется, что только память о старой войне может помешать новой.

В купе стало тихо.

Девочка долго смотрела на плывущие за окном огни. Потом она с ногами забралась на диван и не заметила, как взрослые туфли на высоких каблуках остались на полу.

Огни города растворились в ночи. А может быть, их вообще не стало, потому что город кончился.

Саманта прилегла на бочок. Вагон качало, под подушкой звучала однотонная железная песенка колес...

Саманта подумала, что завтра она снова увидит свою подругу Маленькую Наташу, и теплая радость предчувствия встречи разлилась по ее груди.

Фантазии Саманты... Откуда я мог знать о них, если даже родители не догадываются о том, что происходит в сознании их детей, и не представляют себе, каким видят мир их дети?

Такой вопрос может возникнуть у читателя.

Что я могу сказать в ответ? Я знаю о фантазиях моей героини, потому что они у нас общие.

«Общие?! — Недоверчивый читатель покачает головой.— Что может быть общего у американской девочки и у взрослого человека, живущего в другой стране, где все другое? Общая фантазия? Но как это проверить?»

Но разве обязательно проверять, отвечу я читателю, разве нельзя просто поверить?

На слово?

Нет — слову! Слово — самое дорогое, что у меня есть. Слово — мой труд, моя любовь, моя жизнь, моя совесть. Иногда мне кажется, что я сочиняю слова, впервые даю им жизнь. Иногда я как бы очищаю старые слова от налета времени, как очищаются творения великих живописцев от кощунственной мази, нанесенной на старые полотна идущими следом бездариями.

Слово помогло мне проникнуть в тайники Самантинных мыслей и переживаний.

«Но она говорила на другом языке. Другими словами. Ваши слова разные!» — воскликнет читатель.

Разные, отвечу я читателю, но разве они не выражают общие чувства, мысли, радость, горе, сомнения? У нас разные слова, но одинаковые чувства. А когда общее чувство наполняет слово русское и слово английское — слова становятся побратимами. Как люди. А мысль? Разве мысль изменится от того, произнесут ли ее на английском языке или на русском?

Может быть, пожилому человеку трудно понять ребенка. Но я не просто пожилой человек. Я детский писатель, родился таким. Знаю петушиное слово, которое открывает мне двери в детство. Саманта была необыкновенной девочкой, но она была девочкой, и если она написала письмо президенту, то это не мешало ей прыгать через резинку.

Фантазия и быль слились в моем сердце. Память о Саманте стала моей совестью.

В летний день в пору белых ночей Саманта очутилась в Ленинграде.

«При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна»

Когда Саманта ехала по Ленинграду, ей казалось, что этот прекрасный город создан для праздников, что, едва наступит вечер, во дворцах загорятся огни и из открытых окон на улицу вырвется музыка, весь город заполнится весельем. На площадях соберутся нарядные люди, они будут веселиться и танцевать. Площади, сады, набережные, мосты, проспекты и улицы станут ареной праздника.

В первый день по приезду в Ленинград Саманта ждала вечера с нетерпением, как ждут праздника. Но вечер не наступал. Часы пробили девять, десять, одиннадцать раз, а на улице было светло. Саманта уже лежала в постели, а окно было светлым, словно стекла залили молоком.

Саманта жмурилась, пробовала уснуть, но сон не приходил к девочке. Перед глазами, как на экране телевизора, снова и снова возникали дворцы, арки, чугунные ограды, дремлющие каменные львы и удивительный памятник всаднику с лавровым венком на голове.

Саманта согнула руку в локте и поднесла ее к глазам, чтобы хоть как-то защититься от света. Но стоило отнять руку — день возвращался.

Саманта не помнит, когда она заснула.

А когда проснулась и бесшумно соскользнула с постели, за окном продолжался этот бесконечный день. И было непонятно, то ли еще ранний час, то ли она проспала все на свете. Девочка заглянула в комнату родителей: Артур и Джейн мирно спали, словно были не в Ленинграде, а у себя дома в Манчестере.

Некоторое время девочка раздумывала, чем бы заняться.

И тут ее озарила счастливая мысль: надо позвонить Наташе! Она взяла телефон, чтобы не разбудить родителей, забралась с ним под одеяло и набрала выученный наизусть номер.

Через некоторое время сонный голос отозвался в трубке:

— Алло!

— Это ты, Наташа?

— Я... Сэми? Ты приехала? Ты в Ленинграде? Как хорошо, что ты позвонила.

— Твои туфли так жмут, — сказала Саманта. — Может быть, поменяемся обратно?

— Согласна. У меня нога плавает в твоих туфлях.

И две подружки на разных концах провода тихо рассмеялись.

— Я в гостинице «Европейская». Можешь приехать ко мне сейчас? — спросила Саманта. — Ты далеко живешь?

— На Васильевском острове.

— Васильевский остров? Это в каком океане? Далеко от меня? Сколько миль?

— Пять троллейбусных остановок. Но главное, незаметно ускользнуть из дома.

— Мои тоже спят. Оденусь и буду ждать тебя у входа.

Так они поговорили.

Саманта повесила трубку, а телефон оставила под одеялом.

За окном на башне бывшей Думы часы проббили семь раз.

Потом, возвращаясь в памяти к белым ночам, Саманта скажет:

— Ленинград находится неподалеку от Северного полюса, поэтому летом в нем белые ночи. Но свет не мешает людям спать. Небо становится фарфоровым, а в домах не зажигают свет, и стекла молочные...

— И по городу ходят не бурые, а белые медведи? — сдерживая улыбку, спросит Дуг.

— Они садятся в автобус и берут билет за пять пенсов... то есть за пять копеек! — невозмутимо подтвердит Саманта.

— А полярное сияние бывает в Ленинграде?

Саманта задумается и ответит:

— Бывает... когда фейерверк!

Это будет потом, когда Саманта вернется в родной Манчестер.

А в то утро она шла с подругой по прекрасному городу, по набережным рек и каналов. Девочки задерживались на мостах и, опершись на чугунные перила, смотрели, как внизу сновали речные трамваи, а вода дышала в лицо утренним холодком. И снова ощущение праздника заполнило сердце Саманты. И, забыв, что она на улице, Саманта начала пританцовывать. Ее чувство передалось подруге, и они, взявшись за руки, побежали по улице, как бегали в Артеке к морю.

Я представляю себе Саманту идущей по Невскому проспекту. Вдалеке, в перспективе, сверкающая золотая игла Адмиралтейства упирается в белое облако. Все вокруг кажется неестественным и прекрасным. И не жмут туфли. Незнакомое, торжественное чувство переполняет сердце маленькой американки. И ве-

тер с Невы играет ее волосами, и все время приходится отбрасывать их с лица.

Когда подруги подходили к началу Невского, в огромных витринах появились нарядные манекены. И две подруги, отраженные в больших зеркальных стеклах, как бы очутились в глубине витрин, и в этом Зазеркалье шли между застывшими фигурами манекенов.

Потом витрины кончились, и сразу в глаза Саманте бросилась надпись, сделанная синей краской прямо на каменном цоколе дома.

— Что тут написано? — спросила она подругу. — Как жалко, что я не умею читать по-русски.

Наташа перевела ей надпись:

— «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

— Опасна?! Почему опасна?

Саманта непонимающе посмотрела на подругу и снова перевела взгляд на надпись. Теперь незнакомые слова, казалось, пылали, и к ним лучше не притрагиваться.

Вокруг шли люди, их лица были спокойны, словно тревожная надпись на стене не имела к ним никакого отношения. Они просто не замечали ее.

— Наташа! Что это значит? Почему опасно? Кто стреляет?

— Это осталось от войны, — пояснила подруга. — Старые люди до сих пор по привычке переходят здесь на другую сторону.

Саманта не двигалась с места.

И в этот момент раздался, ударил по сердцу оружейный выстрел. От неожиданности Саманта вздрогнула, крепко сжала Наташину руку и, увлекая за собой подругу, бросилась на другую сторону.

Ей казалось, что сейчас послышится сухой шорох летящего снаряда. Раздастся взрыв. Зазвонят разбитые стекла. И едкий дым, подсвеченный изнутри пла-

менем, закроет солнце... Сколько раз такую картину она видела по телевизору!

Потом, вспоминая это утро, Саманта скажет: «Я одним глазом увидела войну. Почувствовала, какая она, война. Хорошо, что со мной была Наташа...»

Когда девочка опасливо открыла глаза, никакого дыма не было. Стекла в витринах были целы, манекены стояли на своих местах. Наташа улыбалась.

— Не волнуйся, подруга, это сигнальная пушка на Петропавловской крепости отметила полдень.

— Полдень? — Саманта недоверчиво посмотрела на подругу, и тревога в ее глазах улеглась. — Полдень. А я подумала...

— Ты просто не привыкла, — успокоила подругу Наташа. — Слышала бы ты, как скрипели тормоза, когда мы под носом у машин перебежали дорогу!

— У нас дома пушки не стреляют даже в полдень, — задумчиво отозвалась Саманта. И вдруг лукаво улыбнулась: — А папа с мамой думают, что я без них отправилась к ланчу.

По улице медленно проехала поливальная машина, словно смывала следы обстрела. От мокрого асфальта запахло рекой.

Когда подруги подходили к гостинице, им встретился вездесущий Попрыгунчик Пол. Камера на его плече поблескивала стеклянным глазом.

— Хелло, Саманта! Привет, Наташа!

Пол улыбался, и его веселый голос звучал с уютной хрипотцой.

— Мистер Пол, вы слышали оружейный выстрел? — неожиданно спросила Саманта.

— О! Естественно! Я проверил часы.

— А вы не хотите сделать репортаж об американской девочке, которая гуляла по Невскому проспекту, а рядом гремели выстрелы — советские войска готовились к нападению на Америку?

Этот вопрос поставил Пола в затруднительное

положение, но он не подал вида, продолжал улыбаться:

— Прекрасная идея!

— Вы же предложили мне вместе работать. Был «военный корабль с боевыми ракетами», теперь «артиллерия в Ленинграде».

— Ты все еще помнишь тот корабль? — спросил Пол.

Он уже не улыбался.

— Я никогда не забуду его... Женщина с мертвым Славиком на руках... Ах, мистер Пол, мистер Пол! — Саманта замолчала.

— Я тоже помню тот корабль, Сэми! — задумчиво произнес Пол. — Ты не думай, что у меня плохая память.

И он зашагал прочь.

Марш юных моряков

В детстве жизнь кажется простой и прекрасной. Обиды быстро проходят, ссадины через день заживают.

В детской игре даже война — увлекательное приключение: раненым не больно, а погибшие поднимаются с земли и нехотя плетутся делать уроки.

Правда, ребенка легко обмануть, потому что у него нет горького опыта и он от природы доверчив. Но ребенок способен разглядеть истину в таком тумане, в каком взрослые блуждают, опасливо выставив руки. Чем раньше люди поймут это преимущество детей, тем чище и честнее будет мир.

А как детей выручает фантазия, которой недостает взрослым! Фантазия у взрослых вялая, у нее слабые крылья и невысокий полет. Некоторые взрослые вообще утрачивают способность фантазировать.

Фантазия — всегда прорыв в будущее. Не потому ли дети в мечтах раньше взрослых побывали в кос-

мосе, опустились на дно морей, пробились к центру земли? В итоге реалисты-взрослые как бы идут по следам детской фантазии, по ее картам и маршрутам.

Саманта не была исключением.

Нет более захватывающего зрелища, чем марш военных моряков под звуки духового оркестра. В городе замирает движение. Прохожие останавливаются. А те, кого это событие застало дома, бросаются к окнам. Идут военные моряки! Весь город невольно подчиняется ритму их шагов, их музыке.

Раз, два, левой! Лево! Лево!

Флотские форменки, синие воротники. Белые тарелочки бескозырок и ленточки, как летящие косички. Раз! Два! Лево! Общий удар шагов. Словно моряки не просто шагают, а колют каблуками орехи. Трах! Трах! Трах! И общий взмах рук, как взмах весел.

Поют трубы, ухает барабан, рассыпают звон медные тарелки. Нет более захватывающей музыки, чем марш духового оркестра. Эта музыка в одних будит воспоминания, других зовет на подвиг. И если у подвига есть своя музыка, то это марш военного духового оркестра.

На вахту, товарищи!

Все по местам,

Последний парад наступает...

Когда по городу идет колонна военных моряков, в сердцах мальчишек загораются дерзкие мечты. А девочки чувствуют себя подругами будущих героев.

Раз! Два! Лево! Лево!

Саманта как поравнялась с колонной юных моряков-нахимовцев, так и зашагала рядом. Она старалась не отстать от этого влекущего строя — бежала, натыкалась на встречных, забыла, что где-то у витрины задержались папа с мамой. Ее глаза зажглись, словно кто-то повернул выключатель. И столько в них было

сейчас радости и восторга, что один из юных моряков, тот, что шел последним с краю, скосил на нее глаза и спросил:

— Эй, как тебя зовут?

Он спросил по-русски, но Саманта догадалась, о чем может в первую очередь спросить моряк девочку. И ответила:

— Саманта... Сэми.

— А меня зовут Сережа! — под звук духового оркестра ответил моряк, и Саманте вдруг показалось, что он очень похож на Дуга, только под бескозыркой не видно, рыжий он или нет. Зато Саманта сделала одно удивительное открытие: все моряки были мальчиками. Обычными мальчиками в форме взрослых моряков и как взрослые шли через город под звуки духового оркестра.

— Сер-ежа? — повторила Саманта имя своего нового неожиданного знакомого. — Серж?

— Точно! — отозвался мальчик-моряк и улыбнулся.

Через некоторое время Саманта набралась храбрости и спросила:

— Спик инглиш?

— Да! То есть ес! — поправился мальчик и, не глядя на Саманту, уже по-английски спросил: — Ты откуда?

— Из Америки! Штат Мэн.

— О!

Через несколько шагов девочка спросила:

— Как называется твой корабль?

— «Аврора»! — ответил маленький моряк.

— Богиня зари?

— Нет, — через несколько шагов долетел ответ. — Богиня революции!

— Ты, когда вырастешь, будешь воевать? — Девочка на ходу продолжала расспрашивать своего знакомого.

Маленький моряк покачал головой.

— Я хочу плавать во льдах,— наконец сказал он.— Это очень интересно, хотя опасно. Но человек должен покорить льды!

— А Соединенные Штаты ты не хочешь покорить? — прямодушно поинтересовалась Саманта.

— Зачем? — удивился Сережа.— Я мечтаю побывать в Америке... на реке Миссисипи, где жили два друга — Том и Гек.

— Ты знаешь про Тома и Гека? — удивилась Саманта.

— И еще мне нравится Бекки,— признался Сережа.

— Ваш президент написал мне, что я похожа на Бекки,— не удержалась, сообщила своему новому знакомому Саманта. И тут рядом послышался голос мамы:

— Сэми! Где ты пропадаешь? Мы с папой ищем тебя...

— Сейчас! Одну минуточку,— крикнула девочка маме и кинулась за уходящим строем.

Раз, два, левой!левой!левой!

— Я напишу тебе письмо, Саманта! — печатая шаг, пообещал Сережа.— Но я не знаю адреса.

— Манчестер. Штат Мэн. Соединенные Штаты. Запомнишь?

— А мой адрес проще,— зазвучало в ответ.— Ленинград. Крейсер «Аврора». Пришли мне фото!

— Пришлю! Мы еще встретимся!

Саманта остановилась, словно осталась на берегу, а корабль уплыл в море. Она смотрела вслед морякам и махала рукой, как машут на причале.

— Ни одна девочка в мире не может остаться равнодушной к шагающим под звуки оркестра морякам,— зазвучал рядом папин голос.

— Но при этом не надо терять голову,— заметила мама.

Музыка звучала все тише, тише и наконец растворилась в разноголосице большого города.

А фантазия девочки заработала, устремилась вперед, и перед ее глазами возник взрослый Сережа. Он был высокий, крепкий и, как все полярные капитаны, с большой бородой. Но при всей суровости облика глаза его остались прежние и голос не изменился: «Я хранил твое фото всю жизнь!» — «Я же говорила, что мы еще встретимся».

Но мечте о новой встрече суждено было сбыться не через много лет, а в тот же день: Саманту и ее родителей пригласили на крейсер революции «Аврора».

Взрослые осматривали корабль, а Саманта краешком глаза все искала среди маленьких моряков своего знакомого Сережу.

Но вместо Сережи лицом к лицу столкнулась с Попрыгунчиком Полом.

— Хелло, Саманта!

— Хелло, мистер Пол! Вы снимаете торпедные аппараты?

Но Пол как бы не почувствовал насмешки в волосе девочки. Он широко улыбнулся:

— Я снимаю потрясающие кадры: американская девочка взяла в плен русский крейсер.

Саманта оглянулась и увидела, что корабль интурируют фотографы и телевизионщики. Они примостились на торпедных аппаратах, надстройках, а один из них, рискуя упасть в воду, забрался на мачту.

Когда Саманта снова посмотрела на Пола, лицо его было серьезным.

— Нам надо поговорить, Сэми,— сказал он.— Я должен сообщить тебе нечто важное.

Но поговорить им не удалось. Саманта увидела Сережу и побежала к нему. Оркестр заиграл любимую мелодию из оперы «Порги и Бесс», и мальчик с девочкой закружились в танце.

Вкус черного хлеба

Саманта была обыкновенной девочкой. И отметки у нее были обыкновенные. Она так и говорила про свои отметки — *обыкновенные*. И любила она играть в простые ребячьи игры. И конечно, рядом с ней была собака. Саманта была девочкой, и ее главные человеческие черты только начинали проявляться. А то, что она была фантазеркой — дети и должны быть фантазерами.

Фантазия может поднять человека в небо, из настоящего перенести в прошлое, а если поднатореть, то и в будущее.

Но фантазия не может злого сделать добрым, скупого — щедрым, труса — храбрецом. Вы даже не представляете себе, как многого не может фантазия!

Фантазия не забава. Это скорее труд.

И если Саманта представляла себе, как танк, разбив стекло телевизора, врывается в ее дом и оставляет на ковре грязные рубчатые следы, то это не просто игра-фантазии.

Это было предвидением — так могло случиться, если кто-то развяжет войну. И девочка боролась, чтобы этого не случилось, искала правду в нашей стране. Правда не всегда лежит на поверхности, к ней надо прокладывать путь самой.

В Ленинграде Саманту постоянно окружали взрослые. Они приветливо улыбались ей, ласкали ее, старались сделать ей приятное. Порой девочке казалось, что она попала в страну родственников, где у нее полно любящих дядей, тетей, бабушек и дедушек. И все-таки Саманта чувствовала себя пленницей взрослых.

Своим радушием взрослые старались уберечь американскую девочку от того, что им самим довелось пережить в годы войны, оградить ее от своих страданий. Сами того не желая, они мешали Саманте пробиться к правде, за которой девочка приехала из-за

океана. Но маленькая американка делала для себя все новые важные открытия.

«Люди здесь кажутся мне такими же, как наши соседи, — открывала Саманта. — Они похожи на нас больше, чем я думала».

Дома от Саманты ждали правды. А чтобы открыть правду, надо все пережить самой. Как врачи-ученые прививали себе чуму и холеру, чтобы лучше изучить эти страшные болезни.

И хотя страдания войны давно стали памятью, Саманта упрямо прокладывала к ним путь.

Правда приходит к человеку из сердец друзей.

К Саманте правда пришла из сердца Наташи.

Однажды Саманта сказала подруге:

— Наташа, ты можешь меня похитить?

— Как похитить? — удивилась девочка.

— Ну, не знаешь, что ли? Приходят люди в масках с пистолетами шестого калибра. Хватают тебя. И под угрозой заставляют написать письмо родителям: «Дорогие папа и мама, меня похитили. Не покупайте на выкуп».

— Но у меня нет маски, пистолета и мне не надо выкупа! — засмеялась подруга. — И не могу же я похитить собственную подругу!

— Но подруга просит тебя об этом.

— Тогда скажи, зачем тебе это понадобилось?

— Хочу отдохнуть от взрослых, — ответила Сэми. — Они все так усложняют, что ничего не поймешь. Словом, завтра в семь утра...

В это утро Саманта рано встала с постели. Привела себя в порядок. И стала ждать. Ровно в семь часов кто-то тихо поскребся в дверь. Саманта быстро вышла в коридор. Перед ней стояла Наташа — без маски, без пистолета, с расстроенным лицом.

— Что-нибудь случилось? — спросила Саманта.

— Гостиницу осадили корреспонденты. Они ждут тебя. Мы не сможем выйти.

Саманта задумалась. Но только на минуту. В следующее мгновение у нее уже возник свой план.

— Идем! — скомандовала она и зашагала по коридору в другую сторону.

— Ты куда? — удивилась Наташа.

— Кто кого похищает? — усмехнулась Саманта. — Идем! В каждой гостинице есть служебный выход.

И вот уже две подруги спускаются по черной лестнице, ведущей во двор. Снизу доносились громкие голоса и пахло кухней. Мимо девочек проходили люди в белых халатах и поварских колпаках. На всякий случай Саманта приветливо улыбалась им. Так девочки очутились во дворе.

Двор был узким и тесным. В нем стояли машины-фургоны, в каких развозят продукты.

— Раз есть машины, значит, есть ворота, — тихо шепнула подруге Саманта. — А теперь представь себе, что мы узники и совершаем побег из замка.

Наташа только улыбнулась в ответ.

Одна машина тронулась с места и медленно двинулась к воротам.

Две беглянки последовали за ней. Машина въехала в похожую на тоннель темную подворотню. Прижимаясь к стене тоннеля, девочки зашагали рядом. Створки ворот распахнулись, и тоннель сразу наполнился светом.

Пока пожилой вахтер проверял у шофера документы, девочки протиснулись к выходу.

И вот желанная свобода!

Девочки выбежали на улицу и оглянулись. У входа в гостиницу, направив на дверь-вертушку объективы, стояли репортеры и операторы. Осада гостиницы «Европейская» продолжалась.

— Вот я тебя похитила. Что будем делать? — спросила Наташа, шагая рядом с подругой.

— Ты не знаешь, почему взрослые скрывают от меня правду о войне?

— Жалеют тебя, наверное, — простодушно ответила Наташа.

— Я слышала, у вас была блокада. Но я не представляю себе, что это такое... блокада.

Наташа внимательно посмотрела на подругу.

— Ты же побывала на стороне, «особенно опасной при артобстреле».

— Разве блокада — это только опасная сторона?

— Это, когда опасная... вся жизнь, — задумчиво сказала Наташа. — Я не пережила блокаду, но все мои близкие, весь мой город...

Некоторое время подруги молча стояли перед домом с кариатидами. Потом Наташа крепко сжала руку подруги и решительно сказала:

— Идем.

И они пошли в далекое — в чужое далекое, как в свое.

Очень трудно заставить машину времени завернуть колесо в обратном направлении. Очень трудно из настоящего шагнуть в прошлое — все пути в минувший день кажутся перекрытыми. Но преграды не должны останавливать тех, кто полон решимости.

Ступенька за ступенькой Наташа вела свою подругу в годы войны.

— Этот дом был ранен на войне. Но выжил... — говорила она, словно была очевидцем далеких событий. — И соседний дом был на войне. И вся эта улица... и весь город был на войне. Не сдался в плен. Выстоял.

— Покажи мне хоть один осколочек войны, — вдруг попросила подругу Саманта, — чтобы легче было поверить.

Наташа задумалась. Потом она сказала:

— Идем ко мне домой, я покажу тебе... осколочек.

И они зашагали в сторону Васильевского острова.

Дома девочки сели за стол, и Наташа положила перед Самантой листок бумаги. Он был серый и, если провести по нему подушечками пальцев, шершавый.

На листке было что-то написано, чернила выгорели и как бы поржавели.

— Где же осколок? — удивилась Саманта. — Он должен быть железным и тяжелым.

— Этот листок тоже тяжелый, — сказала Наташа. — Тяжеленный.

— Это донесение разведки? Шифр, добытый во вражеском штабе? — допытывалась Саманта.

— Нет. Это школьный табель моей бабушки. А цифры — отметки. Все пятерки. Только одна четверочка.

— Я тоже учусь хорошо, — недоумевая, сказала Саманта.

— Но когда училась моя бабушка, рядом горели дома. Рвались снаряды...

Я представляю себе, как подруги сидели одна против другой, а между ними на столе лежал листок серой оберточной бумаги с пятерками, заработанными бабушкой в огне и холоде блокадного города. За стихи, выученные под бомбежкой. За примеры, решенные во время мучительного приступа голода. За сочинения, написанные при свете коптилки...

Две девочки смотрели на листок — след войны, — и что-то менялось вокруг, что-то менялось в них самих.

Стены вдруг покрылись ворсистым инеем, в лицо пахнуло ледяным холодом. Лампочка зажмурилась, а потом совсем погасла. И вместо нее на столе замерцал маленький коптящий фитилек — светильник военной поры. Углы комнаты заполнились тьмой. На окнах появились большие бумажные кресты, похожие на знаки умножения. А из черной картонной тарелки старого репродуктора донеслись железные удары метронома — признак того, что город жив.

Саманта увидела Наташину бабушку, а может быть, это была сама Наташа, ведь на фотографии они так похожи — не отличишь.

Наташа писала. От холода руки не слушались,

буквы получались неровными, строчки сползали с линейки. Временами чернила в пузырьке замерзали и перышко, как клювик, ударялось о фиолетовый лед. Тогда девочка брала пузырек в руки и дышала в горлышко до тех пор, пока чернила не оттаивали и можно было писать.

За окном гремели зенитки. В заросшем наледью стекле возникали желтые вспышки, и посуда в буфете тихо звенькала. Но девочка писала. Она решала самую трудную задачу, которая из обыкновенной, переписанной из задачника, превращалась в задачу жизни, сложную, почти неразрешимую, но ее необходимо было решить, чтобы выжить.

Девочки посмотрели друг на друга, и им стало не по себе, краски погасли на лицах, кожа отливала какой-то мертвенной голубизной... Взгляд был тревожный — в глазах застыла тоска.

— Это ты, Наташа? — одними губами спросила Саманта.

— Это ты, Саманта? — как эхо, прозвучал голос Наташи.

Девочки не узнавали друг друга. Но вместе с тем им казалось, что они видят свое отражение — неузнаваемое, страшное. Словно стол был разделен кривым зеркалом и каждая из девочек видела себя в сидящей напротив подруге.

— Я хочу есть, — стыдясь своей слабости, произнесла Саманта.

— Когда на тебя от взрыва падает штукатурка, не бойся, она мягкая, — словно не слыша голоса подруги, одними губами произнесла Наташа.

— Я никогда в жизни не хотела так есть, — повторила Саманта.

— Надо успеть прочесть как можно больше книг, пока их не сожгли в «буржуйке» для тепла, — тихо продолжала Наташа. Но теперь до нее дошел смысл Самантиных слов, и она ответила подруге: — Я уже не хочу есть... Я хочу жить...

— Зачем жить, если жизнь такая страшная! — собравшись с силами, прошептала Саманта.

— Чтобы жили другие... потом... всегда...

— А если мы умрем, Наташа? — спросила Саманта и испугалась своего вопроса.

— Мы не смеем умереть. — Слабый парок сорвался с губ Наташи. — Мы и есть жизнь. Та жизнь, которая будет позже.

— Ты думаешь, без нас ее не будет?

Вместо ответа Наташа молча протянула Саманте руку — на ладони лежали два маленьких куска черного хлеба. Хлеб был такой черный, словно его выпекли из земли.

— Спасибо, — прошептала Саманта.

— За это не благодарят, подруга, — отозвалась Наташа. — Это жизнь, а за жизнь благодарят только мать.

Девочки сразу повзрослели. И рассуждали как взрослые.

Нет, они не набросились с жадностью на бесценный хлеб. Не решаясь поднести весь кусок ко рту, боясь, что не удержатся, они ели медленно, отламывая по маленькому кусочку. А когда хлеб был съеден, собрали крошки на ладони и прильнули к ним холодными губами. И было непонятно, едят ли они эти крохи или целуют их, как святыню.

О, какой вкус был у этого хлеба! Казалось, он воскрешал каждую окоченевшую клеточку. Наполнял сердце радостью. После него хотелось жить. Жить, чтобы дожидаться еще одной хлебной радости.

«Если я вернусь домой, — подумала Саманта, — я больше всего на свете буду ценить хлеб. Простой хлеб. Пусть даже черный».

Где-то теперь уже совсем близко застучали зенитки. Потом, как несмолкающая сирена, завывали бомбы. Но девочки сидели неподвижно. Они смотрели друг другу в глаза, и каждая в глазах подруги черпала силы. И вдруг раздался грохот. И люстра над

головой, мертвая, слепая люстра ожила, стала рассказываться, как маятник, и хрустальные подвески зазвенели жалобно, как плач ребенка. А окна стали красными, их обожгло огнем — напротив горел дом.

— Нам еще повезло, — сказала Наташа.

— А тем, кто напротив, не повезло?

— Там люди остались без дома.

— И что они будут делать?

— Они придут в наш дом. А если бы бомба попала в наш дом, мы бы пошли к ним... Теперь все как родственники.

— Как соседи, — на свой лад сказала Саманта. — У нас в Америке самый дорогой человек — сосед.

Потом девочки сидели молча. И Наташа сказала:

— Скажи, Саманта, после этого могут люди хотеть войну?

Саманта покачала головой. Но неужели, чтобы узнать это, нужна такая дорогая цена — надо все пережить самой?

А потом исчезла коптилка и свет дня проник в окна, на которых уже не было знаков умножения, комната наполнилась благодатным теплом. К лицам девочек вернулись краски жизни. Тишину перед боем сменила веселая разноголосица большого города.

И только табель бабушки, которая в труднейшее время училась на «отлично», чтобы не сдать, не смалодушничать, училась на пятерки назло врагу, училась, чтобы не погибнуть, только табель бабушки, след войны, лежал на столе.

— Послушай, Саманта, мы с тобой большие друзья? — вдруг спросила Наташа.

— Мы с тобой очень большие друзья, — подтвердила Саманта. — Такое пережили вместе.

— Тогда возьми. — Наташа протянула ей табель бабушки. — Бери, бери! Это можно подарить только настоящей подруге. Бери.

Саманта опасливо взяла шершавый листок и прижала его к груди.

Сестры

— Как тебе нравится эта шутка? — воскликнул папа, протягивая маме записку.

— Шутка шуткой, а где дочь? — Мама даже не улыбнулась, прочтя записку. — Что делать?

— Если позвонить в полицию... то есть в милицию, мир облетит сенсация: «Похищена гостья президента!»

— Придется покориться судьбе и ждать, — вздохнула мама.

— Пока человек шутит, с ним ничего плохого не может произойти, — философски произнес папа и принялся ходить по номеру.

А в это время Саманта и ее маленькая похитительница мчались по городу на автобусе. Автобус, тяжело попыхивая, взбирался на мосты, а съезжал легко, как будто с горки.

— Мне хочется поскорее попасть на сторону, неопасную при артобстреле, — шептала Саманта подруге. — На такую безопасную, чтобы забылись копилка, замерзшие фиолетовые чернила и вкус черного жесткого хлеба!

— Я знаю одну полянку, — ответила Наташа. — Мы скоро доберемся до нее.

И автобус мчался дальше, словно спасал девочек от всех военных страхов. И словно перевозил их из одного времени в другое.

А за рулем сидел полный водитель с бритой головой. Он очень был похож на Шалтай-Болтай.

Саманта заметила это сходство и впервые за последнее время слабо улыбнулась.

Наконец автобус остановился. Он был почти пустой, все пассажиры постепенно покинули его.

— Конечная остановка! Приехали! — объявил Шалтай-Болтай.

Двери зашипели и сложились ширмочкой. Пахнущий травой ветер влетел в автобус.

А потом девочки шли по дороге, а потом — по тропинке.

И наконец очутились на краю ромашкового поля. Увидев ромашку, Саманта удивленно оглянулась на подругу и наклонилась к цветку. Она внимательно рассматривала его, словно изучала. На самом деле она узнавала свой родной цветок. Он был сейчас посланником ее родины.

А Наташа следила за Самантой и думала, что Саманта впервые видит ромашку; с таким изумлением американская подруга смотрела на цветы. Ей и в голову не приходило, что ромашки растут не только у нас и что там, за океаном, люди тоже считают ромашку родным цветком.

А лицо маленькой американки озарила улыбка, ее глаза загорелись, и она сорвалась с места, побежала по ромашковому полю.

Она бежала по полю и кричала:

— Дейзи! Дейзи!

Она задевала цветы коленками, гладила их рукой. Ей казалось, поле ожило, засветило тысячами маленьких солнц с белыми лучами.

Может быть, родные цветы перелетели за Самантой океан и на белых парашютиках опустились на русскую землю. Они окружили ее, и, если наклониться и понюхать, кончик носа станет желтым. И захочется лизнуть пахнущую медом золотую сердцевинку.

Саманта вспомнила сказку мистера Ральфа. И ей захотелось рассказать ее Наташе. Но в это время подруга, указав на цветок, сказала:

— Ромашка!

— Дейзи, — отозвалась Саманта.

— Ты должна выучить, как будет «дейзи» по-русски, — настаивала подруга. — Ро-маш-ка!

— Ро-маш-ка! — по складам повторила Саманта и засмеялась.

И Наташа тоже засмеялась.

— Ромашка! Дейзи!

В этот момент Саманта сделала важное открытие, что есть вещи, которые даже в Зазеркалье остаются неизменными. Например, ромашка. И если левая рука в зеркале кажется правой, то она все равно остается рукой. Глаза остаются глазами. Сердце сердцем.

— Наташа, мы с тобой как сестры, правда? — спросила Саманта.

— Как сестры, — охотно согласилась Наташа.

И в сознании девочек окончательно погас слабый огонек блокадной копилки. И они забыли о войне так, как могут забыть только дети.

В это время на краю полянки появился вездесущий Пол Попрыгунчик. Как он сумел разыскать двух подружек? Как нашел их тайную тропу?

— Хелло, Сэми! Мы давно не виделись! Америка ждет моих новых репортажей!

Саманта резко закрыла лицо руками.

— Не буду сниматься! Не хочу, чтобы вы меня снимали.

— Но почему? — спокойно спросил Пол.

— Вы обманули меня! Вы говорите людям неправду, вы снимаете неправду.

— Ну-ну-ну! Успокойся. Все не так драматично, как ты это себе представляешь.

Некоторое время девочка молчала. Потом ее прорвало:

— Я никогда не забуду корабль страданий, не забуду миссис Нину Сергеевну, у которой на этом корабле погиб маленький Славик. Но я помню и о ваших ракетах.

Пол терпеливо выслушал ее. Потом заговорил:

— Саманта, ты еще дитя. Тебе не понять меня. Я снимаю то, что мне заказывают. Если не буду, меня прогонят. И мне придется ночевать на скамейке, в Центральном парке, под шум листвы. Тебе не жалко меня?

Саманта внимательно посмотрела на Пола. Его

лицо было строгим и сосредоточенным, глаза болезненно блестели. Его трудно было представить улыбающимся.

— Кто эти они? — тревожно спросила девочка.

— У них нет имени... Их имена давно не произносятся вслух... Их имена выгорели от вспышек выстрелов... Они убивают всех, кто становится у них на пути. Они убивают президентов, когда те перестают их слушаться. И пока есть они, не будет правды.

— Но кто-то должен говорить правду! — воскликнула девочка.

— Кто-то должен, — согласился Пол и с силой потер ладонью свой колючий подбородок. — Но не я... Сэми! Я слабый человек! Я буду снимать не в фокусе — и не поймешь, где правда, где ложь. Но ты другая, ты не будешь. Я знаю точно, ты не будешь. Только подожди немного.

— Ждать нельзя. Если я сойду теперь, мне никто не будет верить. Мистер Пол, это страшно, когда тебе не верят. Нельзя ждать.

— Тогда жди молча. Ты должна возмужать, подрасти, набраться силы. Послушай старого Пола! Они ни перед чем не остановятся. Для них президент, старик, ребенок — все одно! В Америке я бы тебе не сказал этого... Здесь можно... Здесь все другое.

— Я всегда буду говорить правду! — убежденно сказала девочка. И ее слова прозвучали как клятва.

Кубик-рубик

Я долго думал, что бы такое подарить ребятам, которых люблю. Не спал ночами, бродил по дорогам, ломал голову. И наконец изобрел для них машинку. Машинка была веселой и смышленной. Она здорово помогала ребятам: направляла мяч прямо в ворота, находила тех, кто спрятался в немыслимых местах, и благодаря ей можно было догнать самого быстрого

бегуна. Она чинила сломанные самокаты и зашивала треснувшие по швам мячи. Зимой она помогала решать математические задачи и точила коньки.

Ребята были в восторге. Они побеждали во всех играх, оказывались самыми быстрыми, меткими и ловкими. В их дневниках появились серповидные пятерки.

Машинка была не большой, но и не маленькой. От работы она накалялась — ее нельзя было взять в руки. А в ее недрах что-то беспрестанно стрекотало, словно в ней сидели десятки кузнечиков. Никто не видел ее бездействующей, отдыхающей. Ей всегда находилось дело.

Но однажды случилась беда: машинка сломалась. Мячи стали лететь мимо ворот, задачки не сходились с ответом, бегуны соседних районов финишировали первыми. Ребята, которых я любил, приуныли. Они принесли машинку и молча положили передо мной на стол. Она была холодной и тяжелой, как камень. Кузнечики не стрекотали.

Как жаль, что у нас нет мастерских, где чинят такие машинки: «Приходите в понедельник. Буде готово. Вот квитанция». Мне ничего не оставалось как самому взяться за починку своего изобретения.

Часами просиживал я за столом, стараясь найти поломку. Я орудовал дрелью и пассатижами. Разбил машинку и собирал ее снова. Я беспрестанно паял, и от канифоли в моем кабинете пахло сосновым бором. От грохота сосед вскакивал с постели и стучал в стену: не мешайте спать!

У меня ничего не получалось. Кузнечики не стрекотали, обшивка оставалась холодной — машинка не оживала.

Я заперся в своем кабинете, боясь показаться на глаза ребятам, которых люблю.

Я совсем отчаялся, когда однажды рядом со мной появился мальчик. У него были ровные брови, светлый хохолок, а уши смешно оттопыривались.

— Здравствуйте,— тихо сказал мальчик.— Меня зовут Вася.

— Здравствуй, Вася! Что скажешь?

Он не сказал ничего, только пристально рассматривал лежащую передо мной безжизненную машинку. В его взгляде я прочел упрек.

— Люди думают, что если человек изобрел что-то, то он точно знает, отчего его изобретение действует и отчего оно не действует,— в оправдание себе сказал я гостю.— И поэтому изобретателю ничего не стоит устранить поломку. Это заблуждение!

Я жаловался мальчику на свою судьбу и одновременно оправдывался перед ним и перед всеми ребятами.

— В каждом изобретении есть чудо, которое не может объяснить даже сам автор,— говорил я и тер ладонью холодный лоб.— Чудо не повторяется дважды. Чудо нельзя починить.

— Может быть, вы изобретете новую машинку? — предложил мальчик.

Я покачал головой: нельзя одну и ту же вещь изобрести дважды.

— Я думал, вы все можете,— бесстрастно произнес мой маленький гость.

«Все можете! Кто это, интересно знать, все может? Я, например, не могу. Я не такой самоуверенный, как тебе кажется». Это я подумал про себя, а гостя спросил:

— Зачем пришел?

— Помочь вам. Ребята ждут.

— Как ты мне поможешь?

— Еще не знаю как.

— Ладно! — Я хлопнул в ладоши.— Подвигай стул, садись рядом, будем вместе ломать голову.

— Нет! Я попробую сам,— сказал мой настырный гость.— Вы пока отдохните. Ведь вы устали.

Да, я устал! Эта веселая машинка завела меня в тупик. Я создал ее, чтобы она приносила радость, а

вместо этого мне с ней одно расстройство. Если хотите знать, я сначала даже воспрял духом, услышав, что мальчик хочет занять мое место... Но через мгновение я уже смотрел на него с недоверием. Бычок! Ничего он не сможет починить, если даже я, изобретатель, не смогу. Его самоуверенность рассердила меня. Я отодвинул кресло и решительно встал:

— Садись! Инструмент в левом ящике. Провода, крепеж, припой — в правом. Приборы — в среднем. Действуй, Вася!

И я ушел, оставив гостя наедине со своим холодным, бездействующим изобретением. Пусть помучается. Я почувствовал облегчение оттого, что мне удалось переложить свою заботу на другого.

Я плотно закрыл за собой дверь и стал ждать.

Вскоре из-за закрытой двери до меня стали доноситься стук, скрежет, писк — там, видимо, шла энергичная работа. Но когда я на цыпочках подходил к своему кабинету и приоткрывал дверь, то видел в своем кресле маленькую неподвижную фигурку мальчика, его светлый хохолок выглядывал из-за высокой спинки кресла. Он не шевелился. Мой добровольный помощник или думал, или просто уснул.

Но стоило мне прикрыть дверь, как из моего кабинета вновь доносились удары молотка, жужжание дрели и щелчки электрических разрядов.

Давай, давай, друг! Посмотрим, что у тебя получится. Я ходил по комнате и напевал. Несколько раз часы отбивали время. Неожиданно дверь отворилась — на пороге стоял мальчик. Волосы у него были растрепаны, лицо в пятнах грязи, о руках и говорить не приходится. Глаза загадочно сверкали.

— Починил? — нетерпеливо спросил я.

Мальчик покачал головой.

— Я так и думал! — воскликнул я. — Что же ты там делал? Доламывал?

— Я придумывал новую, — извиняющимся голосом ответил гость. — И вот придумал.

— Ты придумал... изобрел новую машинку?! — У меня гулко застучало сердце.

— Вот, посмотрите.

Он отступил в сторону, а я бросился к своему столу. На нем блестел шар. Он лежал неподвижно и вместе с тем был в движении: вращался, поднимался, опускался, и на его поверхности с треском вспыхивали и гасли разноцветные огни. Вспыхивали и гасли.

Я забыл о своей машинке. Мне казалось, что ее никогда не было, а всегда существовала эта плавающая, вращающаяся и вечно летящая машинка, изобретенная Васей.

Я почувствовал, что прожил жизнь впустую.

— А где моя... машинка? — неуверенно спросил я.

— Вы не огорчайтесь, но вашей машинки нет.

— Как нет?

— Вернее, она есть, — ответил маленький изобретатель. — Если бы не было вашей, не появилась бы эта. Ваша машинка растворилась в моей.

— Но я же просил починить, а не изобретать новую! — с болью воскликнул я.

— Это оказалось невозможно, — с уверенностью мастера сказал мальчик. — Если чинить старое, то никогда не появится новое. И тогда жизнь остановится. Вы же не хотите, чтобы жизнь остановилась?

— Это твои слова? Их тоже ты изобрел?

— Нет, не я.

Он виновато посмотрел на меня и взял со стола свое изобретение — светящийся многими огнями шар. Он держал его под мышкой, как обыкновенный футбольный мяч. И вместе с тем бережно прижимал к себе, как нечто хрупкое и дорогое.

— Я пойду, — сказал он. — Ребята ждут.

— Иди, — одними губами произнес я.

А через некоторое время до моего слуха со двора донесся радостный гул ребячьих голосов.

«Как же он смог, — думал я, — ведь у него ни опыта, ни знаний, а его машинка лучше моей. А глав-

ное, проще. В этой простоте отразилась сила детского мышления: дети приходят к открытию кратчайшим путем. Чтобы соперничать с мальчиком-изобретателем, мне не хватало запасов детства, предрассудки, от которых он свободен, помешали моей фантазии».

Я стоял перед открытым окном и сетовал на то, как несправедливо устроен мир: сегодня ты нужен, ты на виду, а завтра появится такой мальчик — и уже все обходятся без тебя. Мне показалось, что мой кабинет, рабочий стол и удобное кресло уже не принадлежат мне.

В это время в открытое окно влетел сверкающий огнями шар, послышался треск и в комнате запахло озоном. «Не такой уж академик этот мальчик, — подумал я, ловя мяч по-вратарски и двумя руками прижимая его к груди. — Не такой уж он академик, если его удивительный шар залетел в окно, как обыкновенный футбольный мяч, который ребята с утра до вечера гоняют по серому асфальту двора».

Но, прижимая к себе чужое изобретение, я почувствовал, что шар легкий и теплый и согревает меня, как живое существо. И как ни странно, утешает меня.

И я понял: маленький мастер не ошибся в расчетах, он нарочно послал мне свой шар, чтобы облегчить мои переживания. Видимо, изобретенная им машинка, имеющая форму шара, отличается от моей тем, что не только дарит ребятам меткость и сноровку, не только помогает находить и догонять — его изобретение помогает ребятам понять другого человека, утешить его, укрепить веру в свои силы. Я прижимал к себе шар, как прижимают любимую собаку, и смотрел в окно. Внизу стояли ребята — они терпеливо ждали, когда я верну им их прекрасную машинку. А чуть в стороне стоял Вася, я узнал его по светлому хохолку на макушке. Он, как всегда, молчал. Я оторвал от себя чудесный шар и бросил его ребятам, которых люблю. И шар поплыл, закружился, засветился разноцветными огнями, кото-

рые вспыхивали с ореховым треском и угасали.

И тогда в воздухе появилось много таких шаров. Они опускались медленно, как мыльные пузыри, только были прочными и, конечно, не лопались. И каждый, кому удалось поймать такой шар, крепко держал его в руках и рассматривал с таким интересом, с каким их родители в детстве рассматривали кубик-рубик, стараясь проникнуть в его тайну.

Таня Савичева

— Сэми, я должна познакомить тебя со своей подругой Таней Савичевой. Мы с ней соседки. Она со Второй линии, а я с Четвертой. Только жила она в другое время.

— Как же вы подружились, если она — «в другое время»?

— У нас с ней много общего... И потом, всегда хочется дружить с человеком, которым восторгаешься.

— Но если этого человека нет. С ним нельзя побегать по саду. Или сыграть на рояле в четыре руки.

— В четыре руки нельзя. Но можно думать о нем. Разговаривать с ним.

— Я, когда уеду, еще долго буду с тобой разговаривать, — тут же решила Саманта.

— Вот видишь, Сэми, когда люди близки друг другу, ни расстояние, ни время не имеют значения... Я покажу тебе дом Тани, там внизу была керосиновая лавка, а напротив Румянцевский сад.

— Мы с тобой побегаем в том саду... И Таня побегает с нами?

— Ну да, конечно. А на рояле она не играла. Она пела. Понимаешь, она хотела стать учительницей, но заикалась. Учительница не должна заикаться. Она пением лечилась от заикания.

— Вылечилась? — поинтересовалась Саманта.

Но Наташа странно ответила на этот вопрос:

— Ее не стало. А когда человека не станет, уже не имеет значения, заикался он или нет.

— Но она же есть, раз ты с ней дружишь,— настаивала Саманта.— А теперь объясни, как жила Таня Савичева, раз тебе захотелось дружить с ней?

— Моя подружка Таня не стреляла в фашистов и не была разведчицей у партизан. Она просто жила в родном городе в самое трудное время. Но может быть, фашисты потому и не вошли в Ленинград, что в нем жила Таня Савичева и жили еще много других девчонок и мальчишек. Они навсегда остались в свое время, но с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней. А дружат ведь только с живыми.

Саманта долго помнила этот странный разговор, который произошел в Ленинграде у нее с Маленькой Наташей. Разговаривая тогда с подругой, Саманта поняла нечто такое, о чем раньше и не подразумевала. Она поняла, что человек может путешествовать не только когда рядом есть верный друг.

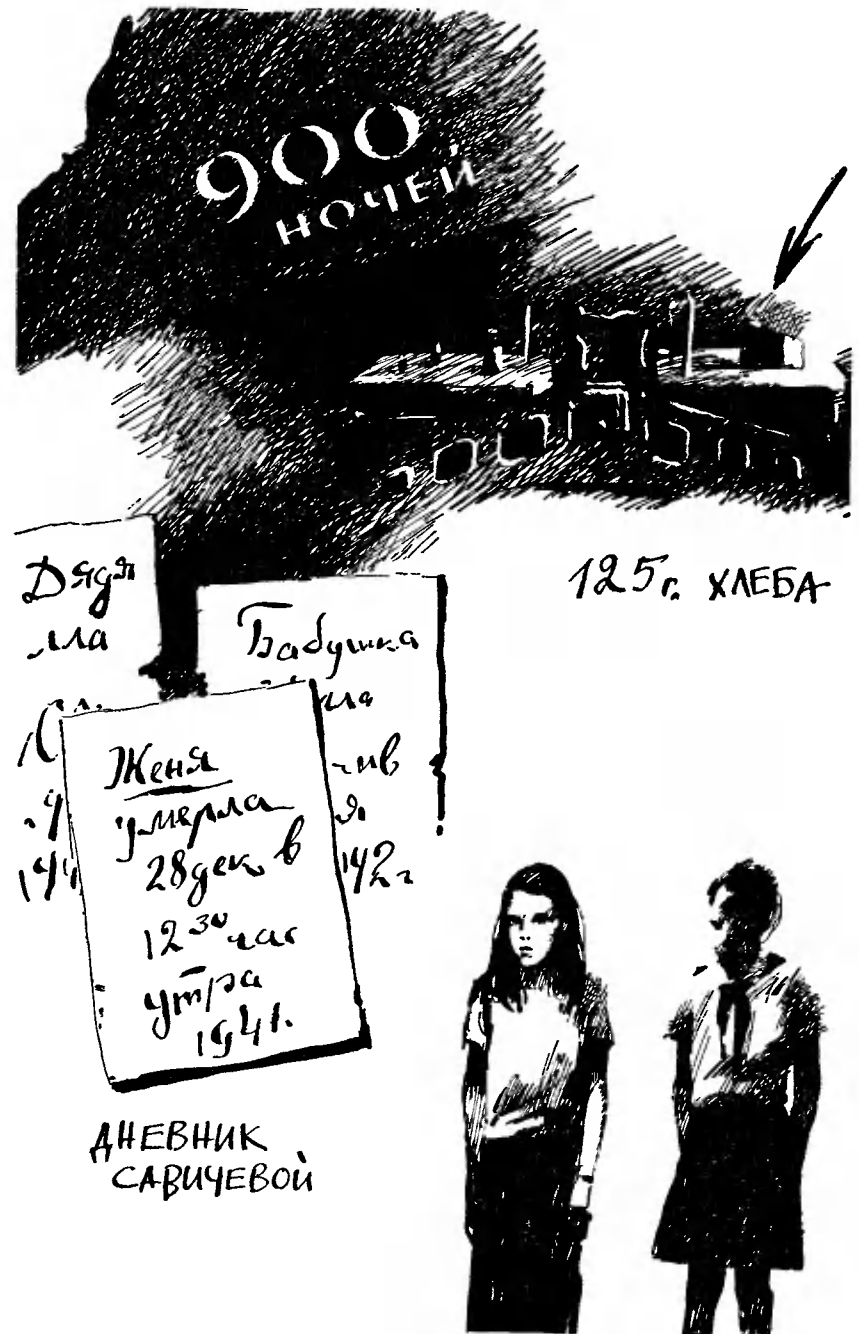
— Ты должна побывать на Пискаревском кладбище,— сказала Наташа.

— Там много памятников? Как на Арлингтонском кладбище?

— Там памятников нет... Там лежат все, кто не отдал Ленинград врагу. Множество спящих людей. А над ними, как вода, сомкнулась трава... И дневник Тани Савичевой тоже там. Всего несколько страничек. Он и есть памятник.

— Несколько страничек! Памятник! Я ничего не понимаю, Наташа! У вас в Ленинграде все такое странное, непонятное. Я думала, Ленинград — город праздников. А это город горя. Мне жалко Ленинград! Мне жалко твою подружку Таню, которая есть и которой нет. Это все так трудно понять.

Не думайте, что одно и то же солнце светит играющим детям и безмолвным могилам. Над Пискаревским кладбищем другое солнце. Оно кажется темным,

словно плавает в дыму. Нет ни памятников, ни надгробий — только ровные зеленые лужайки. В этой земле все, дети и взрослые, воины и старики, объединили свои имена в одно общее великое имя — блокадники, ленинградцы. Чтобы накрыть их землей, не нашлось такой огромной лопаты — их закапывал экскаватор. А земля была как камень, а может быть, тверже камня. Трава пришла позже, спустя годы. Она зазеленела, когда каменная земля войны оттаяла, стала обычной землей, которая родит хлеб.

Саманта подняла глаза и в перспективе увидела огромную статную женщину с простертыми руками, на которых лежала гирлянда цветов.

— Кто это, Наташа?

— Мать.

— Чья мать?

— Это мать всех... Ее зовут Родина-мать.

— Но у тебя же есть своя мама, зачем еще одна? — спросила Саманта.

— Мы Родину зовем матерью... вечной матерью. А вы как зовете свою родину?

Саманта молчала.

— Не знаю, — наконец призналась она. — Мы говорим «Штаты». Наверное, это и есть, по-нашему, родина.

Она вдруг представила на месте женщины с гирляндой цветов свою маму. Лицо мамы было растерянным. Она держала на руках гирлянду и не знала, что с ней делать, — не знала, как облегчить горе людей, которые приходят сюда к своим близким.

В маленьком музее под стеклом лежали пожелтевшие от времени листки, исписанные детской рукой.

Девочки подошли к витрине. И Наташа стала читать: «Женя умерла 28 дек. в 12.30 час. утра 1941», «Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.», «Лека умер 17 марта в 5 часов утра 1942 г.».

Наташа читала и переводила на английский. Эти страшные слова переводились с таким трудом, словно

были только русскими, непереводаемыми: они, как ступеньки, вели подруг в глубь страшного военного времени.

«Дядя Вася умер 13 апр. 2 ч. ночь 1942», «Дядя Леша 10 мая в 4 ч. дня 1942».

Подруги уже не просто читали дневник Тани Савичевой, а, взявшись за руки, медленно шли по улицам окруженного врагами города, и ледяной ветер обжигал лица. Их качало из стороны в сторону, ноги утопали в снегу, но они шли по городу, как по ледяной пустыне.

Слух девочек обожгла новая ожившая запись из дневника: «Мама 13 мая в 7.30 утра 1942». И хотя слово «умерла» не прозвучало, не прогремело, не перевернуло, как взрывом, всю землю, оно ударило в сердце. Прямо в сердце. «Мама? Там же не сказано, чья мама? Может быть, моя мама?» — так странно и страшно работала мысль Саманты.

А потом тихо-тихо прозвучала последняя строка дневника: «Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня».

— Осталась одна Таня... Осталась одна Наташа... Наташа... Наташа, — шептала Саманта и сильнее прижималась к подруге. — Осталась одна Саманта, одна Саманта... Одна...

Они шли по Ленинграду. Только с городом произошли странные перемены. Улицы завалили сугробы снега, которые никто не расчищал. Неподвижные троллейбусы, как в поле, до пояса занесло снегом. Трамваи намертво примерзли к рельсам. Людей на улицах почти не стало. Отдельные согнувшиеся фигуры, как призраки, брели по узким тропам, глядя перед собой невидящими глазами.

— Он умер... город? — испуганно спросила Саманта.

— Нет, он жив. Послушай, — отозвалась подруга. Они остановились. Прислушались. Удары метронома были похожи на удары железного сердца.

— У этого города железное сердце? — спросила Саманта.

— Нет. Железное не выдержало бы, — отозвалась подруга. — У города человеческое сердце, только очень мужественное.

Они шли, крепко держась за руки, боясь смалодушничать, закричать от страха, упасть на снег, с которого уже не поднимешься.

Когда девочки свернули за угол, то у стены дома увидели людей, стоящих в очереди. Тесно прижимаясь друг к другу, они заслонялись от ледяного ветра. Очередь двигалась так медленно, что казалось, люди не движутся, замерзли, окаменели. Только от губ отрывались едва заметные парки дыхания — единственный признак жизни.

— Что они делают? — спросила Саманта.

— Ждут хлеба.

— А где же война?

— Это и есть война. На войне все убивает. Огонь, холод, пули, голод. Здесь не просто голод — здесь голод-убийца. Фашистский голод. Понимаешь, Саманта?

Девочки молча подошли к очереди. Они увидели осунувшиеся лица, впалые глаза, посиневшие губы, выбившиеся из-под платков и шапок волосы густо покрылись инеем.

И вдруг Саманта воскликнула:

— Папа!.. Мама! Вы здесь? Как вы сюда попали?

Она с трудом узнала их. А может быть, это были не они, но ей удалось различить родные черты.

— Война! — хриплым голосом отозвался папа.

— Блокада! — сказала мама и на мгновение ожила. — Ты жива? Как хорошо, что ты жива... Мы очень страдали без тебя... Сейчас мы получим хлеб и поделимся с тобой.

— Вам самим мало! — вырвалось у Саманты.

— Идем. — Наташа потянула подругу за рукав.

И они зашагали дальше.

Неожиданно Саманта увидела своего соседа — старого солдата Ральфа Пастера. Как он очутился здесь? Почему-то он стоял на ногах без кресла-каталки. А борода его хотя и была белой, но не от старости, а от инея. И он раскуривал трубку, но так и не раскурил: в трубке не оказалось табаку.

— Мистер Ральф, почему вы здесь? — спросила Саманта.

— Потому, что здесь война. А я солдат.

— Но вы солдат американский.

— Американцы воюют на стороне русских, — был ответ.

Он сунул в карман холодную трубку и проворчал:

— Раз нет табака, дело плохо. Но город, который живет без хлеба, проживет и без табака!

— Как же наш Манчестер?

— Не приведи господь нашему Манчестеру пережить такую войну! Не приведи господь! — повторил Ральф Пастер и пошел прочь усталой походкой солдата.

— Пойдем, — тихо позвала Наташа, дыша в затылок подруге.

И от ее дыхания Саманте стало теплее. И не так страшно.

Подруги выбрали узкую тропинку, которая то взбиралась на сугробы, то опускалась.

Вдалеке Саманта заметила женщину, которая кого-то везла на санях.

— Санки! — обрадованно вскрикнула девочка: в ее представлении санки всегда были связаны с веселым катанием с гор, и она обрадовалась саням, как островку мирной жизни. — Да это же Дуг! Я узнаю его улыбку. А санки везет его мама, миссис Хилл.

И Саманта бросилась им навстречу:

— Здравствуйте, миссис Хилл! Здравствуй, Дуг!

Это действительно был Дуг. Он сидел и улыбался. Он улыбался долго. Он вообще не переставал улыбаться, но молчал.

— Дуг! Что ты молчишь! — воскликнула Саманта и пошла рядом с саями. — Дуг! Почему ты все время улыбаешься?

Но Дуг не слышал Самантиного голоса и не видел Саманту.

— Миссис Хилл, почему он все время улыбается... молчит?

— Потому, что он умер с улыбкой. Он презирал врага. Драться у него не было сил. Он мог только улыбаться, чтобы показать, что он настоящий американский парень и не сдается.

— Он не сдается... Бедный Дуг... Он улыбается. Куда вы его везете, миссис Хилл? — чуть не плача от отчаяния, спросила Саманта.

— Домой. На военное Арлингтонское кладбище. Ведь он заслужил такой чести?

Саманта пошла дальше.

И вдруг Наташа куда-то исчезла, и Саманта почувствовала, что заблудилась. В этом страшном безмолвном мире осталась одна. Она шла по белому полю, выставив вперед руки, словно боясь наткнуться на стену, и тихо звала:

— Наташа!.. Наташа!..

Наташи нигде не было. И никого не было. Ушел в бой помолодевший солдат Ральф. Слились со страшной очередью папа и мама. Миссис Хилл увезла на саях безмолвного улыбающегося Дуга. Все разладилось, слилось в одну непоправимую беду. Русские, американцы...

И вдруг Саманта увидела бумажного змея. Он лежал у ее ног, словно припечатанный к снегу. Бумаги на снегу не было видно, и рожица была как бы нарисована прямо на снегу. В его рожице было что-то скорбное, словно и змей страдал, не мог подняться. Людям вокруг не хватало хлеба, а ему, наверное, недоставало ветра. В блокаде всем чего-то недоставало, чтобы жить, ходить, летать. Чем ему могла помочь Саманта?

Девочка шла и падала. От слабости. От отчаяния. От того, что не была готова к этому страшному миру.

И вдруг слабый голос позвал:

— Саманта! Сэми!..

Девочка оглянулась.

— Хелло, Саманта! Что ты здесь делаешь?! Уходи отсюда! Тебе нельзя здесь!

Человек отбросил капюшон, и девочка увидела обросшее, осунувшееся лицо и глаза, которые смотрели из глубины. Она с трудом узнала его:

— Мистер Пол! Это вы? Попрыгунчик?

— Я, — хрипло выдохнул телевизионщик.

— Почему вы здесь?

— Потому что я подписал контракт ни на шаг не отступать от тебя.

— Вам контракт дороже жизни?

— Контракт — святое дело! Ты почему сюда попала?

Но Саманта не ответила на его вопрос, ей в голову пришла очень важная мысль.

— Мистер Пол, как хорошо, что вы здесь!

— Ничего хорошего. Я, наверное, сойду с ума от этой блокады!

— Нет, мистер Пол! Вам нельзя сходить с ума. Вы должны все это снять и показать людям. Снимайте, мистер Пол! Где ваша камера? Снимайте!

— Не могу! — прохрипел телевизионщик. — Камера застыла. Мороз за 30...

— Давайте отогреем камеру дыханием, как отогревают чернила. Очень важно — рассказать людям про это...

Вдруг в тишине послышался стрекот, похожий на стрекот кузнечика на солнечном лугу.

— Что это? — удивилась Саманта.

— Это камера... отогрелась... заработала...

— Где она? — оживилась Саманта. — Снимайте, снимайте, мистер Пол!

— Я снимаю... Я давно снимаю, но не на пленку... прямо на сердце... Если мы вернемся, я покажу... я расскажу людям.

— Что вы покажете им?

— Свое сердце!.. То, что мы переживаем, не выдержит никакая пленка, даже кодаковская. Только сердце... Только сердце...

Они шли. Снег заметал их следы. И в морозной мгле растворились две зыбкие, качающиеся фигуры... Саманта и телевизионщик Пол Попрыгунчик.

Пуанты

Ленинград был для Саманты загадочным городом. Иногда просто сказочным. Каменные львы, охраняющие подъезды зданий, сфинксы, глядящие на воду таинственным взглядом, грифоны с острыми крыльями за спиной, атланты, своими могучими плечами поддерживающие тяжелые балконы, казались девочке реальными существами, которых превратил в камень насмешливый волшебник.

Но придет час, и они оживут. И воображение Саманты рисовало атлантов, прогуливающихся по Невскому проспекту со львами, как с простыми собаками, рисовало грифонов, парящих рядом с чайками над Невой, и сфинксов, торгующих мороженым.

А туфли Большой Наташи на высоких каблукках обладали чудесной силой: стоит надеть — и сразу станешь взрослой.

Саманта издали узнавала стук каблучков Наташи. Дверь отворилась. У Наташи приветливо светились глаза:

— Сегодня нас приглашают в театр. На балет «Бахчисарайский фонтан».

— Занимательно, — сказал папа.

— А детей пускают на вечерние спектакли? — поинтересовалась мама.

— Это сказка? — спросила Саманта.

— Это легенда. Не совсем детская. Но очень красивая. И гостью президента пустят, хотя ей всего одиннадцать лет.

— Двенадцатый год, — вставила словечко Саманта.

Огромный зрительный зал оперного театра напомнил Саманте вокзал, заполненный людьми, охваченный тревожным ожиданием. Все нетерпеливо ждут прихода поезда, вернее, начала спектакля.

Саманта сидела на стуле, а ее нетерпеливый взгляд с любопытством осматривал зрительный зал. Ей нравился алый бархат кресел, огромная люстра, застывшая над залом, как купол хрустального парашюта, нравились фарфоровые свечи канделябров с хрустальными льдинками висюлек. А огромный, расшитый золотом занавес напоминал девочке парус прекрасного сказочного корабля.

И тут появился дирижер. Он поднял руку с палочкой и взмахнул ею. И сразу зал наполнился множеством звуков, словно сюда, проломив стену, ворвался гудящий, гремющий, праздничный локомотив. Поезд прибыл! Поезд прибыл. Спектакль начался. Тяжелый парус занавеса разделился на две половинки, и они медленно поплыли в разные стороны.

Но хотя действие балета происходило в Крыму — неподалеку от Артека, — для Саманты это было продолжением ленинградской сказки. А все ее внимание было приковано к главной героине — Марии. Ее пируэты, прыжки, вращения слились в сознании девочки в сплошной полет. А какие у балерины были туфельки! Белые атласные пуанты. Девочке показалось, что вся легкость движения балерины, все ее полеты происходят от этих туфелек, как от туфель Большой Наташи можно мгновенно стать взрослой.

У Саманты родилась дерзкая мысль: во что бы то ни стало раздобыть волшебные туфли балерины.

И когда оркестр умолк и две половины паруса снова стали одним большим парусом, Саманта повернулась к Большой Наташе.

— Наташа, я хочу посмотреть... балерину... Я хочу посмотреть ее вблизи.

— Но это невозможно! — засомневалась Наташа. Но у Саманты не было невозможного.

Она потерлась подбородком о Наташино плечо, и в глазах ее появилась мольба, перед которой никто не мог устоять:

— На одну минуту!

— На одну минутку? — Большая Наташа осмотрелась, потом наклонилась к девочке и решила: — Ладно. На одну минуточку! Мы сейчас придем, — сказала она Арту и Джейн.

И они отправились за кулисы.

Тут произошло что-то непредвиденное и прекрасное. Продолжение ленинградской сказки!

Когда американская девочка со своей спутницей очутилась за кулисами, артисты узнали ее и встретили... аплодисментами. Сначала девочке показалось, что ее с кем-то спутали, приняли за знаменитость. Но артисты не только хлопали, они произносили ее имя:

— Саманта! Саманта!

И среди тех, кто приветствовал маленькую американскую гостью, была героиня балета.

Она подошла к Сэми. Обняла ее. А потом сказала:

— Я хочу сделать тебе, девочка, небольшой подарок. Возьми на память. — И тут балерина протянула девочке белые атласные туфельки с твердыми носочками, на которых можно стоять.

Саманта покраснела от радости, прижала к груди туфельки и прошептала:

— Спасибо. Я всю жизнь мечтала о таких... туфельках для балета... Я попробую их надеть, может быть, у меня тоже получится.

Балерина улыбнулась:

— Сразу вряд ли получится.

Но Саманта тут же села на пол, скинула свои туфли и начала было примерять подарок. Раздался звонок. Все заторопились. Большая Наташа подняла с полу Саманту и велела ей надеть нормальные туфли.

— Скорей, Сэми. Мы померим потом.

— Я померю потом, — пообещала девочка балерине.

И та проводила Саманту до кулис. И они расстались.

Следующее действие Саманта смотрела беспокойно. Она поминутно шептала родителям:

— Это моя знакомая, смотрите! Она подарила мне балетные туфли!

— Тише, Сэми.

Но Сэми вдруг вздумалось надеть пуанты. И она завертелась, заерзала. Надела на одну ногу пуанту... Но ее отвлек танец Марии, и девочка замерла, прижав к груди атласную туфельку.

Теперь Саманта неотрывно следила за своей новой знакомой. Временами фантазия переносила ее на сцену, и Саманте казалось, что это она сама танцует в лучах юпитеров. И это волшебные туфли сделали ее такой мастерицей танца.

— Я, наверное, стану балериной, — призналась она Большой Наташе, когда вся семья после спектакля покидала театр. — Как ты думаешь, папа, я смогу стать балериной? Ведь у меня уже есть пуанты.

— А как же Бодон-колледж?! — воскликнул папа. — Тебя ждет «белый медведь». Кто-то должен лечить зверей?

— Я буду лечить зверей, — согласилась девочка. — А вечером буду танцевать.

Они шли по светлому Ленинграду. Лучи незаходящего солнца золотили купол Исаакиевского собора. А от Невы тянуло холодком.

Саманта прижимала к груди подарок. Город становился сказочным. Гранитные львы поворачивали

к Саманте головы. Атланты улыбались из-под тяжелых балконов, и ангел с крестом на вершине гранитной колонны был готов взмахнуть крыльями и взлететь над Дворцовой площадью со стаей городских голубей.

Так они дошли до дома с надписью: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». И сказка кончилась.

Прощание с Попрыгунчиком

Накануне отъезда Саманта вошла в лифт и лицом к лицу столкнулась с Попрыгунчиком Полом.

— Хелло, мистер Пол!

Она выдохнула привычное приветствие и тут только заметила, что с Полом произошли перемены. Он осунулся, похудел, а его веселые глаза потухли и смотрели как-то печально.

— Вы очень изменились, мистер Пол! — сказала Саманта. — Заболели?

— Я плохо сплю, не могу привыкнуть к белым ночам.

— Глаза впали, лицо бледное.

— Побледнеешь тут! — в сердцах сказал репортер. — Меня отзывают в Штаты.

— А где ваша обезьяна со стеклянным глазом?

— Упакована. Отработала свое. Вот телекс. — Он похлопал себя по карману. — «Прекращайте работу. Срочно вылетайте домой». Как будто не президент компании, а строгий отец приказывает сыну вернуться в родные пенаты. Но я стреляный воробей, я знаю: это приговор.

Лифт остановился. Девочка и репортер вышли и вместе направились к двери-вертушке.

— Пойдем пройдемся, — предложил Пол, — когда еще увидимся. Ты располагаешь временем?.. Я хочу тебе кое-что сказать.

— Пойдемте, — согласилась девочка.

Они вышли на Невский и некоторое время шли молча, как бы слившись с круговоротом людей, заполнявшим главную улицу города. И только когда поравнялись с домом с пылающей надписью: «Граждане! При артобстреле эта сторона наиболее опасна», Саманта нарушила молчание.

Она спросила:

— Мистер Пол, у нас в Америке есть сторона, опасная при артобстреле? Вы объездили все штаты, вам попадалась такая сторона?

Саманта посмотрела на своего седого спутника. Тот молчал.

— Скажите, наши бабушки умирали от голода и отогревали дыханием чернила, когда делали уроки? Ведь нет, мистер Пол? Поэтому для нас война не была, а что-то другое? Сказка?

— Эта сказка у нас называется политикой, — тихо произнес Пол. — Советский лидер Ленин говорил, что война — это продолжение политики.

— Значит, это плохая политика, — решительно сказала девочка. — Значит, нужна политика, у которой другое продолжение. Любое другое, только не война... Мы с Наташей посмотрели войну... заглянули в нее изнутри. Ее все помнят, словно все пережили ее... И старые люди по привычке переходят здесь на другую сторону.

Они заторопились, словно боялись, что начнется артобстрел.

Пол все молчал. Все никак не мог сказать то, что собирался сказать на прощание своей маленькой подруге. Они вышли на широкую Дворцовую площадь, и им в лицо пахнула свежей близостью река.

Так они дошли до набережной и остановились в гранитном выступе, который охраняли два бронзовых льва.

— Почему вы уезжаете сегодня? Я думала, мы полетим вместе, — сказала Саманта и, мотнув голо-

вой, откинула назад растрепанные ветром волосы. — Почему вас отзывают в Штаты?

— О! Они там считают, что я поддался советской пропаганде. Что за чушь! Я поддался твоей пропаганде, Саманта! Я поверил тебе... Наступает такое время, когда старики должны безраздельно верить молодым. Иначе они погибнут.

— Почему? — удивленно спросила Саманта.

— Потому, что старики сами никогда так остро не почувствуют будущее, как молодые. Молодые учат нас жить. И надо учиться, а не упрямиться.

Мимо, оставляя похожий на дорогу след, промчался «Метеор», в нем сидели дети, они махали руками. Густо пробасил буксир, маленький, он тащил две длинные баржи. И над водой кружили чайки, поджав, как шасси, лапки.

И тут Пол заговорил.

Он заговорил так, как будто его слушала не стоящая рядом девочка, а множество людей. Вся Америка! Он говорил громко, и голос его летел над волнами реки:

— Я еще скажу свое слово. Я подойду к микрофону и скажу: «Послушайте старого Пола! Оторвитесь от своих телетайпов и компьютеров! Забудьте о прибылях и о курсе доллара на бирже в Манхеттене. Посмотрите на своих детей. Прислушайтесь к тому, что они говорят... Они знают не только считалки и таблицу умножения. Им известно, ради чего жить. Так вот жить стоит не ради бомб и бинарных снарядов. Если вы не полные безумцы и маразматики, запомните: дети хотят мира, дружбы, веселья, сытного завтрака и увлекательного фильма... И будущего. Они имеют право на будущее. И если вы убьете детей за океаном, вы убьете своих детей. Это как дважды два — четыре. Как «Олли, Олли, три быка».

Он вдруг горько усмехнулся, достал из сумки кассету и начал разматывать отснятую пленку. Она шур-

шала, сворачивалась кольцами, словно пряталась от полуденного солнца.

— Что вы делаете? — с недоумением спросила Саманта.

— Топлю свой «военный корабль». Ты не забыла вечер в Артеке? Фейерверк?

— И миссис Нину Сергеевну?

— Я не помню, как звали эту миссис, Я помню твои глаза, Сэми, когда ты узнала правду. Твои глаза решили все... Там, в Штатах, ждут этот репортаж. Не знаю, чем все кончится, что они со мной сделают.

Он все разматывал, разматывал пленку, словно она была бесконечной. Потом, как охапку сена, поднял шуршащие кольца и, болезненно щурясь, посмотрел на Саманту.

— Ты спрашиваешь, что это? Это мой лучший репортаж. Это моя жизнь! Кадр за кадром, день за днем. Смотри, Сэми. Ты победила. Я засвечиваю не пленку с репортажем, я перечеркиваю свою прежнюю жизнь... Жизнь свою засветил!

Он застонал и, перевесившись через гранитное ограждение, бросил пленку в Неву.

А Саманта с тревогой и уважением смотрела на Попрыгунчика Пола, не до конца понимая, что произошло.

Ромашковая поляна

Мне никогда не приходилось навсегда прощаться с другом. Трясти его руку, обнимать, смотреть в глаза и сознавать, что это в последний раз.

Даже на войне не было у меня такого прощания.

Там, на ромашковой поляне, где русская и американская девочки вдруг почувствовали себя сестрами, ни одна из них не размышляла о том, что эта встреча последняя. Они еще не наигрались, не наговорились, не набегались, не натащивались и еще много-много «недо». Им не хватило времени — для дружбы нужна

была целая жизнь времени. Они не представляли себе, что жизнь — мера времени ненадежная, она может оказаться очень маленькой.

Я представляю себе их последний разговор.

— Это ничего, что мы расстаемся, Наташа! — сказала бы неунывающая Саманта. — Я приглашу тебя в гости. Я, конечно, не президент, но ведь не только президенты приглашают в гости за океан. Город Манчестер, штат Мэн. Проходили по географии? Нет? В школе вообще проходят не то, что нужно. А то, что нужно, не проходят. Почему у нас не изучают русский язык? Как мне не хватало русского языка и в Москве, и в Артеке, и в Ленинграде.

— Знаешь, Сэми, я куплю карту Америки и повешу ее над кроватью, — сказала бы Маленькая Наташа. — Я найду город Манчестер и воткну в него флажок. И буду всегда знать, где ты. Где твой дом, откуда ты бежишь в школу или на детский утренник. Это будет флажок моей памяти, моей дружбы.

— А когда ты приедешь ко мне в гости, я познакомлю тебя с Дугом, и со старым Ральфом, и с другими хорошими людьми, — сказала бы Саманта. — А потом папа свозит нас на Великие озера. Ты никогда не была на Великих озерах?

Девочки не думали о вечной разлуке. Они лежали в траве, а маленькие солнца с белыми лучами касались их щек лепестками.

Над ними, уходя в бесконечность, простерлась голубая сфера неба. Она была необъятной и прекрасной. Может быть, Земля, которая из космоса кажется голубым шаром, отражалась в ней и заполняла этой сквозной голубизной.

Главное дело было сделано — Саманта нашла правду, за которой приехала в Союз: война никогда не придет в Америку из России.

Эта истина оказалась крепче и надежней всех договоров, какие заключали между собой государства.

Люди поверят Саманте!

Люди поверили Саманте.

И с каждым годом поверивших будет все больше и больше. И этой вере не будет границ.

А высоко над ромашковой поляной плыл бумажный змей со смешной рожицей. Он плыл медленно, словно с высоты разглядывал землю.

— Смотри, змей! — крикнула Наташа.

— Он перелетел через океан! — оживилась Саманта. — Это мой знакомый змей. Он всегда увязывается за мной. Даже во сне.

— Зачем спать, если так хорошо! — отозвалась Маленькая Наташа.

Они были вместе. Им было хорошо. Их сердца умели мчаться вдогонку за бумажным змеем.

А разлука была рядом.

Последняя пресс-конференция

Моя фантазия — ненаписанный дневник Саманты. И все, что вы здесь прочитали, принадлежит не мне, а ей. Вернее, нам обоим. Она доверилась мне и напечтала свои мысли, рассказала о своих переживаниях. Может быть, я чего-то не услышал, простите меня, читатель.

Фантазия — не только инструмент для прорыва в будущее, она может приблизить к нам и прошлое. Универсальный инструмент!

Только в настоящем времени трудно живет фантазерам.

Саманте и жилось трудно. Судьба подарила ей сказку — девочка выиграла по автобусному билету! — а она употребила ее не для собственной радости, поступилась радостью ради людей. Саманта употребила свою фантазию, чтобы пробиться к истине. Другого инструмента у нее не было.

Американская девочка поставила перед собой недетскую задачу — избавить миллионы людей от ежедневного, неотступного страха перед тем, что сегодняшний день может стать последним днем Земли.

Она нашла истину: источник опасности не Советский Союз, надо искать другой источник, может быть, не за океаном, а дома?

«Мы хотим мира для себя и для всех народов планеты. Для своих детей и для тебя, Саманта» — эти слова Саманта прочла, сумела прочесть в сердцах всех, с кем ей довелось встретиться в Советском Союзе.

Нет! Она не приняла их на веру. Она приблизилась к ним. Выстрадала. Прошла сквозь лес, в котором, когда пилят деревья, ломаются зубья пил — так много невидимого военного металла в стволах деревьев того леса.

Она подержала в руках флягу с тремя глотками воды, которая совершила круг и от людей, мучащихся жаждой, вернулась нетронутой. И Саманта тоже не сделала ни глотка из этой фляги и поддержала высшее братство, на котором стоит мир.

Подожди, Сэми, не уходи, останься с нами!

Но Саманта смотрит на меня с какой-то странной печальной надеждой. Брови поднялись домиком, веточки ресничек вздрагивают, рот полуоткрыт, прядка волос сползла на щеку. И во всем ее милом облике предчувствие расставания.

Она подходит к Большой Наташе:

— Вы же обещали мне подарить свои взрослые туфли на высоком каблуке.

— Я принесла тебе туфли, Сэми. Только они стоптаны, путь был долгим.

— Путь был долгим, — соглашается девочка, — но я буду надевать их изредка. В крайнем случае. Когда мне до зарезу надо будет стать взрослой.

— От туфель не станешь взрослой.

— Стану! Вот увидите. Я их сейчас надену и пойду на пресс-конференцию, и все почувствуют, что я взрослая.

Я представляю себе Саманту на последней пресс-конференции перед отлетом на родину.

Она подходит к дверям зала, где ее ждут журналисты и телевизионщики всех газет и компаний, и останавливается. До ее сознания вдруг доходит, что сегодня от нее ждут не улыбки и шутки, а нечто более важное. И если Попрыгунчик Пол или кто-то из его коллег спросит: «Ваши впечатления о Москве?» — то сказать: «Оказывается, в Москве по улицам не ходят медведи. А живут они в театре зверей миссис Натальи Дуровой», — сказать только это недостаточно.

— Пора, Сэми, — слышен за спиной голос папы. — Мы с тобой, Сэми.

«Пора!» — про себя повторяет девочка и открывает дверь. И входит в зал. Она идет по проходу и кивает знакомым, среди которых уже нет Пола. Улыбка у нее грустная, глаза стали темней. Так всегда бывает перед разлукой.

Саманта садится за стол, и сразу десяток шершавых кулачков-микрофонов потянулись к ней. И поблескивающие объективы множества камер нацелились на маленькую американку, словно лучами рентгена хотят проникнуть внутрь, узнать самое сокровенное.

Но «самое сокровенное» девочка и не прячет, и для того, чтобы узнать ее мысли, не нужны рентгеновские аппараты и детекторы лжи. В девочке все открыто. Вся она ясная, просветленная, все ее мысли можно прочесть в глазах.

Саманта заговорила не сразу. Она вдруг почувствовала, что у нее есть счастливая возможность громко, на весь мир, обнародовать свою, найденную в России правду. Она была девочкой, и она оставалась сама собой даже на прощальной пресс-конференции.

И под столом, незаметно для всех, сняла Наташины туфли на высоких каблуках, чтобы остаться самой собой.

Саманта заговорила о петухах:

— Нам в Штатах кажется, что петух поет «кок-э-дудл-ду», французам слышится иное — «ко-ко-рику». Шведы считают, что петух поет «ку-ке-лику», а португальцы — «ко-ко-роко». Русские убеждены, что петух поет «ку-ка-реку». На самом деле все петухи в мире поют одинаково... Русские дети очень похожи на американских. Только имена у них другие. Ну и что из этого? Я здесь открыла столько сходства, что мне кажется — наши страны совсем рядом. И между нами нет океана.

Саманта замолчала и услышала стук собственного сердца. И еще она услышала звук, похожий на стрекот кузнечиков на летней лужайке. Это работали кинокамеры. Девочка отыскала глазами папу. Он стоял, прислонясь к стене, и одобрительно кивал. Но на лице его застыло удивление. Саманта сразу забыла о кузнечиках и заговорила:

— У нас в Штатах говорят, что русские хотят войны. Они или ничего не знают о русских, или ничего не знают о войне. Ведь в Штатах нет стороны, наиболее опасной при артобстреле. И наши бабушки не делали уроки, отогревая дыханием пузырек с замерзшими чернилами. И никто не знает вкус блокадного хлеба.

Девочка замолчала. Словно потеряла мысль. Но это было не так. На удивление всем собравшимся, она протянула руку, и все, кто был в зале на пресс-конференции, увидели на ладони маленький кусочек черного хлеба. Саманта с болью посмотрела на хлеб, отломала маленький кусочек и поднесла его ко рту. Она долго жевала. И никто не решился спросить, что она делает, зачем она так странно... ест... хлеб... А девочка отломала еще кусочек... Еще кусочек... А когда хлеб был съеден, подушечками пальцев со-

брала на середине ладони крошки и прильнула к ним губами, словно поцеловала их, как святыню.

Лица людей стали сосредоточенными, глаза тревожно смотрели на руку девочки. Не стрекотали камеры. Не вспыхивали комнатные молнии блицев. Какое-то странное, незнакомое чувство овладело людьми. Может быть, чувство вины перед девочкой, которая опустилась на такую глубину человеческих страданий, какой не достиг ни один из сидящих в зале.

Я представляю себе, как Саманта спросила:

— Может ли народ, который хоть раз в жизни ел так хлеб, может ли такой народ хотеть войны?

И в этом требовательном вопросе уже был заложен ответ.

Снова застрекотали камеры. Саманта посмотрела на папу. Он стоял, прижавшись спиной к стене. Его взгляд был серьезен и сосредоточен. Папа смотрел куда-то вдаль, сквозь стены зала. Потом он как бы очнулся. Повернул лицо к дочери. И одобрительно кивнул. Но Саманта уже не смотрела на него.

— Когда я была в Ливадии, меня привели во дворец и показали кресло, в котором за круглым столом сидел наш президент Рузвельт. Я спросила: можно мне посидеть в этом кресле? Мне разрешили. Кресло было высоким. Я села, но у меня болтались ноги. Тогда я сползла на самый краешек и дотянулась носочком до пола. И я почувствовала себя чуть-чуть взрослей. «Вот я — президент!» — подумала я. Сидела и улыбалась, как дурочка. Играла в президента. Но потом я перестала улыбаться. Разве можно играть в президента, как играют в «Ити» или «Олли, Олли, три быка»? Я напряглась на минутку и почувствовала себя президентом. И мне показалось, что от меня, понимаете, от меня зависит, будет ли завтра Земля живой и зеленой или она превратится в холодную планету пепла, как Луна. И я решила, что не должна этого допустить. Пусть в меня стреляют,

как в Кеннеди, — не должна! Если я президент... А потом меня позвали, я нехотя сползла с кресла и перестала быть президентом. Но мысль: «Я не должна этого допустить!» — осталась. Она была со мной, когда мы на «рафике» ехали домой в Артек. И когда вечером сидела у костра, и когда легла в постель. Эта мысль будила меня ночью: не должна! И я вдруг поняла, что это и есть моя главная цель жизни, кем бы я ни стала — буду лечить зверей или буду, как Попрыгунчик Пол, бегать с камерой за знаменитостями, — я не должна допустить! Нигде, никогда, ни за что! Не должна! Не должна!

Прошел год

На зеленой лужайке, перед московским Дворцом пионеров, сидели дети и ждали приезда Джейн Смит. Гостья задерживалась, и ребячьи головы беспрестанно поворачивались в сторону, откуда она должна была появиться. Они испытывали то же чувство, что и я: им не терпелось поскорее увидеть маму Саманты Смит.

В тот день во Дворце пионеров открывалась выставка рисунков советских и американских детей. Нетерпеливые устроители начали церемонию открытия выставки, не дожидаясь Джейн. Но дети не слушали речей, не смотрели на ораторов, они ждали. И вдруг речи, микрофоны, деловой шепот словно исчезли, растворились в радостном волнении. На краю лужайки появилась хрупкая фигура женщины, которая легким шагом приближалась к детям. Они узнали Джейн Смит по портретам ее дочери — Саманты. Ребята вскочили с мест, подошли вплотную к ней и с затаенным дыханием слушали ее. Им не нужен был перевод — само звучание голоса находило отклик. Вероятно, им казалось, что они слушают саму Саманту.

Мне тоже так казалось там, на зеленой лужайке. Минувший год я прожил под знаком Саманты. В американской девочке, поднявшей голос против войны, я почувствовал своего героя. Она была близка мне удивительной непосредственностью, всколыхнувшей мир. Все предрассудки и условности мира взрослых отступили перед прямоотой и категоричностью ее вопросов, суждений.

Тогда я еще не предполагал, что смогу так полюбить Саманту, что эта любовь станет и моей болью, и моим вдохновением, и моим гражданским долгом. Я поставил перед собой непосильную на первый взгляд задачу: проникнуть в тайники ее мыслей, дерзнуть воспроизвести ее фантазии. И сразу попал под власть обаяния своей маленькой героини, а эта власть оказалась крепкой и непроходящей.

Я избрал необычный жанр книги — «фантазия-быль». Парадокс? Но именно детям удивительно близка природа парадокса. Я писал, не думая о редакторах и издателях. Но я не мог не думать о человеке, который знал о Саманте больше всех, — о матери Саманты.

Сперва я видел в Джейн незаменимую помощницу. Но по мере завершения работы она из помощницы превращалась в самого строгого судью. Теперь ее слово могло решить судьбу напряженного труда.

Я ждал встречи с ней, как ждут приговора. На зеленой лужайке перед Дворцом пионеров я впервые увидел Джейн Смит.

Как много в ее облике было ожидаемого и неожиданного. Джейн и Саманта были похожи больше, чем я предполагал. Может быть, потому Джейн показалась мне хорошо знакомой и меня не покидало теплое чувство, что я уже когда-то встречался с ней, знаю дух ее семьи, сидел на ступеньке ее крылечка...

Людей сближают разные чувства. Разделенное горе тоже сближает. Даже если оно было разделено не в равной мере.

Как мне не хватало этой маленькой, хрупкой женщины с печальной улыбкой, когда я работал над книгой о Саманте! Как я нуждался в ее совете! У меня возникало множество вопросов, на которые мне приходилось отвечать самому, полагаясь на свою интуицию, доверяясь своей фантазии. Но самое удивительное, теперь, когда Джейн была рядом, я со всей остротой почувствовал, что не могу задать ей ни одного вопроса о Саманте!

Джейн была неразговорчива. Может быть, от природы, а может быть, после того, что ей пришлось столько перестрадать. В ее глазах застыла сосредоточенность на одном предмете, на одной боли. А улыбка была ее защитой и еще безмолвной благодарностью всем, кто помнил и любил Саманту. Улыбка была такой же, как у Саманты, только с оттенком горечи. Но посторонние это не сразу замечали, просто думали: как хорошо, что Джейн улыбается.

Я мало говорил с Джейн. И не потому, что мешал языковой барьер — рядом переводчик, — я был подавлен и смущен, не находил нужных слов, а обычные слова считал неподходящими. И вместе с тем мы не были чужими людьми. Она знала мою книгу о Саманте, а у меня был надежный проводник в мир Джейн — Саманта.

Каждый раз, когда я смотрел на Джейн, передо мной возникал образ ее дочери. Я снова представлял себе Саманту, бегущую по утреннему лужку, и высокую траву у ее ног. Пахнущие солнцем каштановые волосы разметались от бега и закрывают лицо, и девочка встряхивает головой, чтобы отбросить их назад. Большие глаза наполнены небом, брови сошлись домиком, длинные реснички вздрагивают, как веточки. От частого дыхания рот полуоткрыт, два верхних зубика чуть крупнее остальных. На носу веснушки — след солнца...

У меня неожиданно появилось ощущение, что я встретил Саманту спустя много лет, когда она стала

взрослой и ей перевалило за тридцать. Какие-то краски померкли, но появились новые штрихи на этом удивительно живом портрете.

Сейчас я кинематографически точно воспроизведу в памяти, как Джейн открыла калитку и легкой, спортивной походкой зашагала по дорожке под деревьями, потом поднялась по ступенькам крыльца и вошла в мой дом. В этот момент сбылось одно из моих несбыточных желаний. Джейн Смит — моя гостья! Не помню, что в своих мечтах я собирался сказать ей, — слова, обращенные к дорогой гостье, родились мгновенно, сами по себе:

— Дорогая Джейн! Дом — не только стены, крыша, окна, ступеньки крыльца. Дом, который мы любим, — это след дорогих нам людей в родных стенах. И в сердце. После того как вы, Джейн, побываете у меня в гостях, я буду больше любить свой дом.

Она не знала, что ответить на мои слова, и только улыбнулась — подарила улыбку, навечно.

Когда Саманта увидела нашу ромашку, она сразу узнала ее и воскликнула: «Дейзи!» Неожиданно оказалось, что ромашка — ее любимый цветок. Это — в книге. Но моей фантазии суждено было повториться в жизни, только рядом со мной была не Саманта, а Джейн. Я сорвал ромашку и протянул своей гостье. Она узнала родной цветок и с радостью рассматривала его, словно встретила доброго знакомого. Мы отправились в лес, и я наблюдал за тем, как Джейн делала все новые и новые открытия:

— О! Это кислица, а это волчья ягода... Малина. Орех!

Она как бы забыла, что находится за тысячи миль от родного Манчестера, ей казалось, что она сбежала со ступенек деревянного крылечка и очутилась в своем лесу.

Фантазия снова сливалась с былью!

Моя внучка Настя набрала горсть земляники и протянула дорогой гостье. И Джейн произнесла одно

из немногих знакомых ей русских слов: «Спасибо!»

Ее улыбка потеплела и на мгновение утратила привкус горечи, стала улыбкой Саманты.

Я почувствовал, как Джейн забывается, боль отпускает ее.

— Саманта любила гримасничать, — неожиданно вспомнила Джейн. — В этом она была большой мастерицей. Говорят, у меня тоже получается.

И тут Джейн изобразила такую занятную гримасу, что все засмеялись. Джейн тоже засмеялась, мягко, негромко. Может быть, за последние дни в первый раз...

Сколько раз, работая над книгой, я мысленно вместе с Самантой вбегал на деревянное крылечко дома в Манчестере. Сколько раз сидел рядом с ней на согретой солнцем ступеньке...

А теперь мы с Джейн сидим на крыльце моего дома.

Русское крыльцо — место встреч и расставаний. Начало странствий и конец походов. Сколько русских матерей здесь благословляли своих сыновей накануне боя за Родину. Сколько раз ступеньки скрипели под тяжелыми шагами почтальонов, когда они поднимались, как в гору, с похоронкой в руке.

Об этом думал я, сидя рядом с Джейн Смит. Наверное, теперь крыльцо любого дома напоминает ей далекое, американское, на котором она в последний раз взглянула в лицо дочери и на котором приняла первый жестокий удар — весть о гибели Саманты и Артура.

Глядя в глаза Джейн, я чувствовал не только непроходящую боль, но и мужество. Рядом со мной была не просто несчастная мать со своим страданием, но мать-боец, поднимавшая знамя, которое выпало из рук дочери. Джейн Смит заняла то место во всемирной борьбе за мир, которое принадлежало ее дочери, Саманте.

Солдаты, разбивающие экран телевизора и как бы из Зазеркалья врывающиеся в дом на окраине маленького американского городка, и девочка, вставшая у них на пути,— так я представляю начало сценария, который мечтаю написать. Нет, девочка не просто переключила программу. Это символ, заложенный в самой идее фильма,— девочка меняет программу войны на программу мира. В жизни. На нашей планете. А это созвучно задаче, которую пытаются решить все народы мира. По силам ли это десятилетней девочке?

Если бы я начал писать сценарий год тому назад, то это был бы просто рассказ о девочке, написавшей письмо русскому президенту, получившей ответ и приглашение приехать в Советский Союз, рассказ об открытии Самантой нашей страны, о ее советских друзьях. Но за год многое изменилось. Изменился и мой подход к будущему фильму. Прошло несколько лет, как Саманты нет с нами. Но ее жизнь как бы продолжается, в этой второй жизни Саманты происходят события, делаются открытия, словно девочка-легенда реагирует на все перемены, происходящие в мире. И я как бы через ее образ чувствую эти перемены. Я уже не могу просто рассказывать о Саманте. Чем больше проходит времени, тем глубже проникаешь в то удивительное явление жизни, имя которому — Саманта.

Саманты нет, но из небытия возникает цепь событий, противостоящих Саманте. Ржавая цепь. И о ней надо помнить.

Когда Саманте было десять лет, не было позорящего честь Америки фильма «Америка». И прекрасный американский актер Крис Кристофферсон еще не сыграл в нем роль, за которую ему пришлось краснеть не только в Москве на конгрессе «За мир, за выживаемость планеты», но и у себя на родине. Но были другие фильмы, предтечи пресловутой «Америки». Они не запугали, но озадачили незаурядную девочку,

и она написала письмо советскому руководителю, с детской непосредственностью задала ему удивительные по своей прямолинейности вопросы: почему русские хотят напасть на Америку, хотят завоевать весь мир?

Теперь, оглядываясь назад, можно по достоинству оценить не только смелый порыв маленькой американки, но и ответ Москвы. Он был адресован не одной Саманте, а всей Америке и выражал не только доброту и отзывчивость, но зарождение новых подходов. Это была первая ласточка перемен! Тогда еще не пришло время сформулировать идеи уничтожения всего ядерного оружия к началу XXI века. Никто не предполагал, что ручейку суждено стать полноводной рекой.

Однако это четко понимали не только в Москве, но и в Вашингтоне. У самого истока родилось первое звено ржавой цепи: госдепартамент не разрешил советнику посольства СССР выехать в Манчестер, чтобы передать послание нашего лидера Саманте.

Тогда это казалось недоразумением. Не хотелось верить, что на чистом деле оставит отпечаток грязная рука.

Взрослые не могли найти взаимопонимания — это сделали дети. Дети легче находят общий язык. Рукой Саманты все дети мира восстали против политики тех взрослых, которым нужна война. Вспоминают, что русский язык Саманта учила в Артеке по песням. Но Саманта не только узнавала русские слова — перед ней открывалось нечто большее.

Работая над книгой о Саманте, я скрупулезно собирал о ней материал. Каждая мелочь интересовала меня. Но узнавал я не только мелочи.

Корреспондент «Пионерской правды» рассказал мне случай, который произошел в Артеке на празднике Нептуна, когда один американский телерепортер — в своей книге я назвал его Полом — вел репортаж с праздника и Саманта оказалась невольным сви-

детелем того, как он обращался к американским телезрителям с явной ложью.

Этот репортаж ударил Саманту по сердцу. Ведь речь шла о маленьком кораблике, который привез в Артек Нептуна и его свиту. А в годы войны эта посудинка вывозила из осажденного Севастополя детей, женщин, раненых... Саманта узнала цену лжи, ощутила ее цинизм. В ней, может быть, впервые проявился бойцовский характер — она сказала: «Нет! Это ложь!»

Так появилось второе звено цепи. А впереди были новые звенья.

Эта разоблаченная ложь на многое приоткрыла глаза Саманте. Девочке действительно нередко приходилось сталкиваться в России с войной, но не с грядущей — лицо прошлой войны, страшное, жестокое, разрушительное, проявилось в сознании девочки и в Артеке, и особенно в Ленинграде. В маленьком музее на Пискаревском кладбище Саманта читала кровоточащие страницы дневника Тани Савичевой.

Но вот Саманта вернулась домой. Она увезла в своем сердце любовь к Стране Советов, к своим новым подругам, особенно она полюбила ленинградку Наташу Каширину, но главное — в пытливом сознании девочки совершенно четко выкристаллизовалось убеждение в том, что война в Соединенные Штаты никогда не придет из России. Это был главный итог поездки!

Саманта переступила через трагический рубеж 26 августа 1985 года. Ее жизнь продолжается. В ее истории еще не поставлена точка.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕРНЫЙ ДРУГ САНЧО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. САНЧО И ЖЕЛТЫЙ ЗМЕЙ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВИВА САНЧО!	64

САМАНТА

Фантазия-быль

ГЛАВА ПЕРВАЯ	121
ГЛАВА ВТОРАЯ	154
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	159
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	180
ГЛАВА ПЯТАЯ	209

Литературно-художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Яковлев Юрий Яковлевич

ВЕРНЫЙ ДРУГ

П о в е с т и

Ответственный редактор *М. С. Ефимова*
Художественный редактор *Р. М. Калиновская*

Технические редакторы

В. К. Егорова и Т. Д. Юрханова

Корректоры *Л. А. Лазарева, Л. В. Савельева*

ИБ № 11887

Сдано в набор 04.03.90. Подписано к
печати 12.10.90. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум.
типогр. № 2. Шрифт обыкновенный. Печать
высокая. Усл. печ. л. 17,0. Усл. кр.-отт. 18,5.
Уч.-изд. л. 12,46. Тираж 150 000 экз.

Заказ № 4622. Цена 2 р.

Орден Трудового Красного Знамени и
Дружбы народов издательство «Детская лите-
ратура» Министерства печати и массовой
информации РСФСР, 103720, Москва, Центр.
М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Дет-
ская книга» Мининформпечати РСФСР.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

